

ЭНДРЮ ГРОСС

ЧАСЫ ТЬМЫ

Andrew Gross THE DARK TIDE, 2008

Часы тьмы: [роман] / Эндрю Гросс; пер. с англ. В.А. Вебера – М.: АСТ: АСТ
МОСКВА, 2009.-318, {2} с. – (The International Bestseller)

Scan&OCR: niksi (11.02.2010)

Корректурa: Влад (19.02.2010)

ISBN 978-5-17-059460-3

Жизнь Карен Фрайдман, жены преуспевающего юриста и матери двух детей, превратилась в ад. Ее муж Чарльз стал жертвой взрыва в подzemке, унесшего десятки человеческих жизней.

Вскоре к ней в дом явились незнакомцы и стали задавать вопросы о прошлом мужа. Более того, они угрожали расправиться с Карен и ее семьей, если она не вернет огромные деньги, которые где-то спрятал Чарльз...

Поначалу Карен просто не понимает, о чем речь. Но постепенно ей становится ясно: ее респектабельный муж вел двойную жизнь и был связан с очень опасными людьми.

Времени у Карен все меньше. Над ней и детьми нависла смертельная угроза.

В отчаянии она обращается к Таю Хоуку – опытному детективу, не отступающему в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях...

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Утро, 6.10

Едва первые солнечные лучи проникли в спальню, Чарльз Фрайдман выронил эстафетную палочку.

Сон этот он не видел уже много лет, а теперь ему вновь было двенадцать и он бежал третий этап эстафеты в летнем лагере, причем два первых этапа «Синие» и «Серые» прошли почти вровень. Над головой простиралось бездонное, без единого облачка небо, на трибунах визжали коротко стриженные, с покрасневшими лицами зрители, которых теперь он мог увидеть лишь во сне. Кайл Брегман, бежавший второй этап, стремительно приближался к Чарльзу, отдавая последние силы в попытке выиграть немного времени.

«Вытяни руку назад...»

Чарльз напрягся, готовый рвануть с места, почувствовав прикосновение эстафетной палочки. Его пальцы подрагивали в ожидании удара о ладонь.

Вот! Пора!

Он побежал.

И тут же толпа болельщиков «Синих» ахнула.

Чарльз остановился и в ужасе посмотрел вниз. Эстафетная палочка лежала на земле. «Серые» же свою передали, их бегун промчался мимо, навстречу неминуемой победе, а болельщики с ликованием повскакивали с мест. Крики эти смешались в ушах Чарльза со стоном разочарования «Синих».

Тут он и проснулся. Как всегда. Тяжело дыша, на влажной от пота простыне. Чарльз посмотрел на руки: пустые. Пошарил по одеялу, словно палочка могла лежать где-то здесь – через тридцать-то лет.

Но нашел только Тоби, их белого терьера, который с широко раскрытыми глазами устроился у него на груди, дожидаясь, когда его выведут на прогулку.

Чарльз шумно выдохнул, голова упала на подушку.

Он посмотрел на часы: 6.10, будильник прозвенит через десять минут. Его жена, Карен, свернувшись калачиком, спала рядом. Он же в эту ночь практически не сомкнул

глаз. В четыре часа утра Чарльз еще смотрел по спортивному каналу мировой женский чемпионат по пауэрлифтингу – без звука, чтобы не мешать спать Карен. Что-то не давало ему уснуть.

Может, напрасно он так сильно вложил в канадские нефтяные месторождения в прошлый четверг и решил удерживать позиции до начала недели? Чертовски рискованно, учитывая, что стоимость нефти пошла вниз. Или ошибся в том, что шестимесячная цена на природный газ возрастет, а годовая упадет? В пятницу энергетический индекс продолжил падать. Чарльз боялся подняться с кровати, боялся взглянуть на экран: а вдруг бегущие по нему числа означали катастрофу?

Или причиной была Саша?

Последние два года Чарльз возглавлял собственный энергетический хеджевый фонд {Фонд, занимающийся спекулятивным инвестированием в акции и опционы. Хеджевые фонды обычно используют агрессивные стратегии инвестирования, вкладываясь в рискованные, доходные активы}, штаб-квартира которого находилась на Манхэттене, и за это время активы фонда возросли в восемь раз.

Внешне (песочные волосы, чуть тронутые сединой, очки в роговой оправе, выражение спокойствия на лице) Чарльз скорее выглядел как консультант по инвестициям в недвижимость или налогообложению, но не как человек, живущий в мире невероятно высоких финансовых рисков.

Чарльз перебросил ноги через край кровати и застыл, уперев локти в колени. Тоби уже спрыгнул на пол и яростно царапал дверь.

– Выпусти его, – пробормотала Карен, перевернулась на другой бок и накрылась с головой.

– Ты уверена? – Чарльз посмотрел на собаку. Тоби поднялся на задние лапы, с прижатыми ушками, подергивающимся хвостиком, словно хотел вцепиться зубами в ручку. – Ты знаешь, что может случиться.

– Перестань, Чарли, сегодня твоя очередь. Просто выпусти этого пса из дома.

– Запоминаются последние слова...

Чарльз поднялся, открыл дверь, ведущую в огороженный двор площадью в пол-акра, расположенный в Олд-Гринвиче, в квартале от пролива Лонг-Айленд. В мгновение ока Тоби метнулся через внутренний дворик, в надежде унюхать ничего не подозревающего кролика или белку.

И тут же радостно затыкал.

– Гр-р-р-р! – застонала Карен и сунула голову под подушку.

Вот так начинался каждый день. Чарльз поплелся на кухню, включил Си-эн-эн и щелкнул кнопкой кофеварки. Собака лаяла во дворе. Затем он прошел в кабинет, проверил европейские цены на нефть, прежде чем принять душ.

Это утро ничем не порадовало: семьдесят два доллара десять центов. Нефть продолжала дешеветь. Чарльз быстро прикинул: придется продать еще три контракта. Еще пара миллионов в минусе. День только начался, еще нет и семи часов, а он уже ушел под воду.

На улице Тоби не переставал лаять.

Стоя под душем, Чарльз обдумывал планы на день. Он должен кое-что предпринять. Первым делом надо избавиться от канадских акций, потом предстоит встреча с одним из клиентов фонда. И еще нужно перевести деньги на депозитный счет Сэм, где аккумулировались средства на ее обучение в колледже. Осенью начинался ее последний учебный год в школе.

И вот тут Чарльз вспомнил про еще одно неотложное дело.

Сегодня он должен отвезти «мерседес» на техобслуживание.

Машина проехала положенные пятнадцать тысяч миль, и Карен на прошлой неделе убедила его позвонить дилеру. Следовательно, в город придется добираться на поезде. Это его немного обескуражило. Он-то собирался быть на рабочем месте в половине восьмого и сразу заняться Канадой... И Карен придется встретить его на станции во второй половине дня.

Обычно перед выходом из дома Чарльзу приходилось вертеться как белке в колесе: в половине седьмого разбудить Карен, затем заставить Алекса и Саманту начать собираться в школу, между делом успеть просмотреть заголовки на первой полосе «Уолл-стрит джорнал».

В это утро, спасибо техобслуживанию, у него выдалась свободная минутка, чтобы спокойно выпить кофе.

Он жил в уютном, построенном в колониальном стиле особняке, расположенном на тихой улочке. Задом Чарльз полностью расплатился, и стоил он, наверное, больше, чем за всю свою жизнь заработал отец Чарльза – продавец из Скрантона. Может, этот особняк в чем-то и уступал домам на Норт-стрит, где жили некоторые его коллеги по бизнесу, но и ему удалось многого добиться. Он окончил Пенсильванский университет, прекрасно проявил себя в департаменте инвестиций в банке «Морган Стэнли», увел оттуда нескольких клиентов, когда основал собственную фирму «Харбор кэпител». У него был коттедж на одном из горнолыжных курортов Вермонта, он практически оплатил обучение

детей в колледже и мог отправиться в отпуск всей семьей в самые экзотические уголки планеты.

Так что же пошло не так?

Тоби уже скребся о дверь в кухню, пытаюсь вернуться в дом. «Сейчас, сейчас», – вздохнул Чарльз.

На прошлой неделе другой их терьер, Саша, попал под колеса автомобиля – прямо перед домом. На этой тихой улочке. Во всяком случае, именно там Чарльз нашел собачку – окровавленную, бездыханную. Все очень расстроились. А потом он получил записку. Ее доставили на следующий день к нему в офис, вместе с корзиной цветов. От записки его бросило его в жар. И Чарльз стал видеть эти сны.

Скорбим о собачке, Чарльз. Твои дети могут быть следующими...

Почему все зашло так далеко?

Он поднялся, взглянул на часы в плите: 6.45. Если получится, он сможет выйти от дилера в половине восьмого, успеть на поезд, отходящий в 7.51. и через пятьдесят минут сесть за свой стол в офисе на углу Сорок девятой улицы и Третьей авеню. И решить, что же делать. Он впустил собаку, она с радостным лаем проскочила гостиную и выбежала через парадную дверь, которую Чарльз по рассеянности забыл закрыть. Теперь Тоби намеревался перебудить весь квартал.

С этим маленьким поросенком хлопот больше, чем с детьми.

– Карен, я ухожу! – крикнул он, схватил кейс и сунул «Уолл-стрит джорнал» под мышку.

– Пока-пока, – откликнулась супруга, выйдя из-под душа и запахивая халат.

Она по-прежнему была для него сексуальной, даже с влажными после душа, спутанными светло-каштановыми волосами. Почему бы и нет? Карен оставалась красавицей. Отличная фигура (сказывались десятилетия занятий йогой), гладкая кожа, мечтательные карие, с поволокой, глаза. На мгновение Чарльз пожалел, что не перекатил ее на спину, когда Тоби спрыгнул с кровати, и не воспользовался моментом.

Но вместо этого он прокричал что-то об автомобиле и что в город поедет на «Метро-Норт». И возможно, позвонит позже, чтобы она его встретила.

– Я тебя люблю! – крикнула Карен, перекрывая гудение фена.

– Я тебя тоже.

– После игры Алекса мы пойдем...

Черт, как же он забыл! Игра Алекса в лакросс {Игра, напоминающая хоккей на траве}, первая в сезоне. Чарльз вернулся, быстро написал сыну записку и оставил ее на столе в кухне.

*Нашему нападающему № 1
Разнеси их в пух и прах, чемпион!
УДАЧИ!*

Поставил свои инициалы, зачеркнул, написал: «Папа». Какие-то мгновения смотрел на записку. Как бы ни разворачивались события, он не допустит, чтобы с семьей что-то произошло.

Потом он направился в гараж и, уже открывая ворота, услышал лай Тоби и крик жены, перекрывающий гудение фена:

– Чарли,пусти эту чертову псину!

ГЛАВА 2

В половине девятого Карен занималась йогой.

К этому времени она уже вытащила Алекса и Саманту из постелей, поставила на стол коробку кукурузных хлопьев и гренки, нашла топик, который, по словам Сэм, «пропал навсегда» (в ящике комода в комнате дочери), выиграла два словесных поединка насчет того, кто сегодня поведет автомобиль и чьи ногти остались в раковине в их общей ванной. Кроме того, Карен накормила собаку, убедилась, что форма Алекса для лакросса выглажена, и, когда дело уже шло к третьему поединку, вытолкала детей за дверь, поцеловала и обняла каждого, перед тем как усадить в «акуру», получила совет срубить один определенно засыхающий вяз и отправила два электронных письма членам попечительского совета школы насчет предстоящей кампании по сбору средств.

«Ничего себе утро... – вздохнула Карен и кивком поздоровалась с несколькими знакомыми, торопливо присоединяясь к уже начавшей занятия группе. – А вторая половина дня вообще превратится в кошмар».

Карен знала, что в свои сорок два она выглядит как минимум на пять лет моложе. Благодаря выразительным карим глазам и редким веснушкам на скулах люди часто

сравнивали ее с Селой Уорд {*Голливудская киноактриса, продюсер*}, несмотря на более светлую кожу последней. Густые светло-каштановые волосы она закалывала на затылке и могла без стыда смотреть на себя в зеркало в обтягивающих трико для йоги. Дважды став матерью, она не сильно изменилась с тех времен, когда занималась сбором средств для Нью-Йоркского балета.

Так она и встретилась с Чарли. На обеде для доноров. Разумеется, он попал туда как представитель компании. Сам-то не мог отличить плие от пируэта. И до сих пор не может, в чем она постоянно его упрекала. Застенчивый, неуверенный в себе, в очках с роговой оправой, в подтяжках, с копной песочных волос, он скорее напоминал профессора политологии, чем новую звезду департамента инвестиций в энергетику банка «Морган Стэнли». Чарли, похоже, понравилось, что Карен родом не из Нью-Йорка: при разговоре она немного растягивала слова. Он с восхищением сравнивал ее с железным кулаком в бархатной перчатке, потому что еще не встречал человека, который добивался своего такими способами, как это делала она.

Теперь привычка растягивать слова ушла, как и стройность бедер. Не говоря уж об ощущениях, что она полностью контролирует свою жизнь.

Последнего она лишилась еще до появления детей.

Карен сосредоточилась на дыхании, наклоняясь вперед в позе, которая все еще давалась ей нелегко: максимально вытянутые руки, совершенно прямая спина.

– Спина прямая, – монотонно твердила Черил, их инструктор. – Донна, руки. Карен, осанка. Задействуй бедра.

– Бедра у меня сейчас как раз и отвалятся, – простонала Карен, покачнувшись. Рядом раздалось несколько смешков. Карен снова застыла.

– Прекрасно! – Черил хлопнула в ладоши. – Так и продолжай.

Карен родилась в Атланте. Ее отцу принадлежала небольшая сеть магазинов, торгующих лакокрасочными товарами и всем необходимым для ремонта. После окончания школы она поступила в Эмори {*Частный университет, один из лучших в штате Джорджия. Расположен в пригороде Атланты*} и изучала искусство. В двадцать три года вместе с подругой отправилась покорять Нью-Йорк, сразу нашла работу в рекламном отделе аукциона «Сотбис» и, как говорится, зацепилась. Сначала не все давалось легко, а потом она вышла замуж за Чарли. Отказалась от карьеры, переехала за город, родила. Чарли тогда все время работал, даже дома не отрывал от уха телефонной трубки.

Не все сразу пошло гладко. Основав собственную фирму, Чарли допустил несколько ошибок и едва не погубил дело, но один из его наставников в «Морган Стэнли» протянул руку и вытащил Чарли из пропасти, а уж потом таких проколов он не допускал. Конечно, они не купались в роскоши: некоторые их знакомые жили в громадных нормандских замках чуть дальше от города, им принадлежали особняки в Палм-Бич, их дети никогда не пользовались услугами авиакомпаний, летали исключительно на самолетах бизнес-класса. Но они прекрасно без этого обходились. У них был коттедж в Вермонте, скиф в яхт-клубе Гринвича. Карен по-прежнему покупала в магазинах продукты и убирала собачье дерьмо с подъездной дорожки. Отвозила вещи, из которых выросли дети, благотворительным организациям и оплачивала домашние счета. Румянец на ее щеках говорил о том, что она счастлива. Свою семью она любила больше всего на свете.

И все-таки, со вздохом размышляла она, принимая очередную позу, это такое счастье – хотя бы на час оказаться в миллионе миль от детей, собаки, счетов.

Внимание Карен привлекла суета за стеклянной перегородкой. Люди собирались у регистрационной стойки, глядя на подвешенный к потолку телевизор.

– Подумайте о прекрасном месте... – направляла их Черил. – Вдохните. Пусть ваше дыхание перенесет вас туда...

Карен перенеслась в то же место, что и всегда. Небольшой островок неподалеку от Тортолы, в Карибском море. Они наткнулись на него, когда плавали с детьми под парусом. Провели прекрасный день в черепашьей бухте. В мире без сотовых телефонов и «Комеди централ» {*Комедийный канал кабельного и спутникового телевидения*}. Она никогда не видела мужа таким расслабленным. Когда дети вырастут, сказал Чарли, и он заработает достаточно денег, они уедут сюда. И проведут здесь остаток своих дней. Точно! Карен только улыбалась. Чарли любил активную жизнь. Спекуляции на акциях, риск. Так что островок оставался далеко-далеко. Но ее радовало, что она могла перенестись туда хотя бы мысленно Карен поймала в зеркале отражение своего лица. И не могла не улыбнуться.

Внезапно до нее дошло, что толпа перед телевизором заметно увеличилась. Некоторые посетители клуба сошли с «бегущих дорожек», не отрывая глаз от экрана. Инструкторы и те смотрели на экран.

Что-то случилось!

Черил попыталась заставить их сосредоточиться на йоге:

– Народ, не отвлекайтесь!

Но куда там! Все друг за другом поворачивались в сторону телевизора.

Какая-то женщина распахнула дверь в их зал.

– Пожар на Центральном вокзале! – крикнула она, и лицо ее побелело от тревоги. – Вроде бы взрыв бомбы!

ГЛАВА 3

Карен выскочила за стеклянную дверь, уставилась на экран.

Как и остальные.

Трансляция велась с Манхэттена, съемочная группа расположилась по другую сторону улицы от Центрального вокзала. Репортер говорил нервным, срывающимся голосом:

– Возможно, взрывов было несколько...

Репортер исчез. На экране появились кадры, снятые с вертолета. Черный дым поднимался в небо. Его источник находился где-то на вокзале.

– Господи, Господи... – в ужасе пробормотала Карен. – Что случилось?

– Взрыв на путях, – ответила стоявшая рядом женщина. – Думают, бомба. Возможно, в одном из поездов.

– Мой сын этим утром поехал на поезде!.. – ахнула другая женщина и прижала руку ко рту.

– И мой муж тоже, – откликнулась еще одна, с полотенцем на шее.

Прежде чем Карен успела сложить два и два, пошла новая информация. Взрыв – несколько взрывов – на путях, когда к перрону подъезжал поезд «Метро-Норт». По словам репортера, состав горел. Дым выносило даже на улицу. Десятки людей все еще находились в поезде. Может, сотни. Кошмар!

– Кто? – спрашивали в толпе.

– Говорят, террористы.

Один из инструкторов покачал головой:

– Пока никто ничего не знает.

Такое с ними уже случалось. Карен и Чарли лично знали людей, которые не пережили трагедию 11 сентября. Поначалу Карен смотрела на экран с сочувствием и тревогой человека, не имеющего непосредственного отношения к трагедии, происходящей у нее на глазах. Безмянные, безликие люди, которых она видела постоянно: в купе поезда, читающих спортивный раздел, спешащих по улице, чтобы остановить такси. Все смотрели на экран, многие скрещивали пальцы.

И тут внезапно до Карен дошло.

Нет, не озарение. Просто вдруг защемило в груди, а потом ее охватил страх.

Чарли что-то ей крикнул этим утром... что поедет на поезде. Перекрывая гудение фена.

Насчет того, что сдаст автомобиль и она должна его встретить.

«Господи...»

Грудь сжало. Глаза устремились к часам. Она попыталась вспомнить, когда ушел Чарли... а который теперь час... когда прогремел взрыв... Страх усилился. Сердце билось все быстрее.

Репортер начал делиться последней информацией. Карен застыла.

– Судя по всему, мы имеем дело с бомбой. Взрыв произошел в поезде «Метро-Норт», когда он подъезжал к перрону Центрального вокзала. Это только что подтвердили. Поезд стэмфордской линии.

Толпа ахнула.

Большинство членов клуба жили здесь. Все знали людей (родственников, знакомых), которые регулярно ездили в город на этом поезде. Лица побледнели от шока. Люди поворачивались друг к другу, даже не зная тех, кто стоит рядом, за поддержкой во взглядах.

– Кошмар, не так ли? – Женщина, которая стояла бок о бок с Карен, покачала головой.

Карен не смогла ответить. Страх лишил ее дара речи.

Стэмфордский поезд проходил через Гринвич. Она не отрывала глаз от настенных часов – 8.54. Грудь сжало так, что она не могла протолкнуть в легкие воздух.

Женщина смотрела на нее.

– Дорогая, что с вами?

– Не знаю... – От ужаса у Карен округлились глаза. – Я думаю, мой муж мог поехать в город на этом поезде.

ГЛАВА 4

8.45

Тай Хоук ехал на работу.

Сбросив скорость до пяти миль в час, он направил свой двадцатичетырехфутовый рыболовный скиф «Меррили» в гавань Гринвича.

Моторкой Хоук пользовался изредка, исключительно в хорошую погоду. Вот и в это утро, под синим небом, обдуваемый апрельским ветерком, он оглядел гавань и про себя торжественно объявил: «Лето считать официально открытым!» Двадцатиминутная прогулка по проливу Лонг-Айленд (Тай жил рядом с Коув-Айлендом в Стэмфорде) едва ли занимала больше времени, чем раздражающе медленное движение в утренней пробке на автостраде А-95. И бьющий в лицо ветер будил его куда лучше, чем любой сорт кофе в «Старбаксе». Тай включил портативный проигрыватель. «Флитвуд Мэк» {Английская группа, созданная в 1967 г.}. Давние любимцы.

Как колокол в ночи поет Рианнон

{Одна из богинь кельтской мифологии}.

Ты любишь ее за этот звон.

Именно из-за таких прогулок на воде он перебрался сюда четыремя годами раньше. После того несчастья, после того, как его семейная жизнь приказала долго жить. Некоторые говорили, что он сбежал. Забился в дыру. Может, так оно и было, хотя бы отчасти. И что, черт побери, с того?

В полиции Гринвича он возглавлял группу расследования насильственных преступлений. Люди ему доверяли. Это называлось забиться в дыру?! Иногда он выходил на скифе в пролив за час до работы, на заре, и ловил полосатого окуня. Это называлось сбежать?

Он здесь вырос. В городке среднего класса Байрэм, неподалеку от Порт-Честера на границе штата Нью-Йорк, в нескольких милях от обширных поместий, в которые ему иной раз приходилось заезжать через массивные ворота, следуя за каким-то богатым юнцом, сидящим за рулем «хаммера» стоимостью в шестьсот тысяч долларов.

Теперь там все изменилось. Семьи, среди которых он вырос, продавали свои участки миллиардерам. Те уничтожали старые дома и строили за железными воротами огромные замки с бассейнами, более похожими на озера, и кинотеатрами. Все денежные тузы теперь стремились в эти края. Появились даже русские (и кто знает, откуда они взяли такие деньги?) – покупали обширные участки земли в Коньерс-Фарм, строили вертолетные площадки.

Миллиардеры портили жизнь миллионерам. Хоук покачал головой.

Двадцатью годами раньше он играл в футбол за среднюю школу Гринвича. Потом продолжил играть, учась в Университете Колби. Не самом престижном, но диплом позволил ему стать участником программы подготовки детективов Управления полиции Нью-Йорка, чем очень гордился его отец, всю жизнь проработавший в отделе водоснабжения Гринвича. Потом ему удалось расследовать пару громких дел, и он продвинулся по службе. А когда угнанные арабскими террористами самолеты врезались в башни Всемирного торгового центра, он уже работал в департаменте информации управления.

И вот теперь вернулся.

Когда его скиф входил в гавань, оставляя по левую руку ухоженные лужайки Бель-Хэвена, две лодки поменьше прошли мимо встречным курсом. Их хозяева оказались на воде по той же причине, что и он: ехали на работу на Лонг-Айленд, расположенный по другую сторону пролива. Полчаса – и все дела, никаких пробок.

Хоук помахал рукой.

Ему тут нравилось, хотя память о прошлом давала о себе знать.

Он тяготился разводом с Бет. Конечно, с женщинами он встречался: с симпатичной секретаршей из «Дженерал реиншуренс», с маркетологом из «Алтрии», даже с двумя коллегами по службе. Но пока не нашел никого, с кем хотел бы разделить жизнь. Как делил ее с Бет.

Иногда он виделся с давними приятелями из города. Кто-то заработал приличные деньги на продаже недвижимости, кто-то стал водопроводчиком или брокером, один создал ландшафтную компанию. Все, кто знал Тая со школы, называли его «Лег» – сокращенно от легенды. И действительно, старожилы с придыханием рассказывали о том, как он обеспечил победу над «Западным Стэмфордом», благодаря которой команда гринвичской школы стала чемпионом округа Фэрфилд. Эта игра до сих пор считалась лучшей из увиденных в Гринвиче со времен Стива Янга {Один из лучших разыгрывающих американского футбола. Закончил играть в 1999 г.}, и Тая всегда и везде угощали пивом.

Но прежде всего здесь он чувствовал себя свободным. Прошлое не преследовало его. Каждый день он пытался сделать что-то хорошее, как-то помочь людям. Относился к ним по справедливости. И у него была Джессика, которой уже исполнилось десять, пусть и виделись они только по уик-эндам. Они ловили рыбу, играли в соккер, устраивали пикники на природе. А в воскресенье, во второй половине дня, он отвозил ее на своем восьмилетнем «форде-бронко» в Бруклин, где она теперь жила. Зимой, по пятницам, Тай играл в местной хоккейной команде «Для тех, кому за сорок».

И все-таки мысли о прошлом не выходили из головы. Снова и снова он возвращался в одну и ту же точку пространства и времени – аккуратно перед тем, как рухнул его мир. В

мгновение перед тем несчастьем. Перед тем, как оборвалась его семейная жизнь. Перед тем, как он сдался.

«Так для чего возвращаться сюда. Тай?»

Но как бы он ни старался, полностью вернуться ему так и не удалось. Жизнь такого не позволяет.

Хоук направил скиф к пристани яхт-клуба «Индийская гавань», управляющий которого, Хэнк Гордон, давний приятель, всегда разрешал ему швартоваться на день. Он включил радио.

– Подхожу, Гордон...

Но управляющий уже ждал его на пристани.

– Что ты тут делаешь, Тай?

– Радуюсь хорошей погоде, дружище.

Он развернул скиф и начал швартоваться задним ходом. Гордон бросил ему канат, который Тай закрепил, и выключил двигатель. «Меррили» медленно сближался с пристанью. Тай перешел на корму и, едва скиф коснулся буя, прыгнул на пристань.

– Плыл как в сказке.

– Сказка закончилась. Не теряй времени, Тай. Тебе наверняка надо быть на работе.

По лицу управляющего Хоук понял: произошло что-то серьезное. Взглянул на часы: 8.52. Обычно они с Гордоном болтали несколько минут о «Рейнджерах» или последних происшествиях в городе.

И вот тут подал голос мобильник Хоука. Звонили с работы. На дисплее высветились три цифры: 237.

Два три семь – код чрезвычайной ситуации.

– Ты не включал радиоприемник, не так ли? – спросил Гордон, закрепляя канат.

Хоук покачал головой.

– Тогда ты не знаешь, что тут случилось, лейтенант?

ГЛАВА 5

Поначалу Карен не запаниковала. Она не относилась к тем, кто сразу теряет голову. Снова и снова приказывала себе: сохраняй спокойствие. Чарли мог быть где угодно. Где угодно!..

«Ты даже не знаешь, поехал ли он на этом поезде».

В не таком уж далеком прошлом, когда Саманте было четыре или пять лет, они подумали, что потеряли ее в универмаге «Блумис». Начались лихорадочные поиски, они позвали менеджера, уже начали осознать: случилось что-то ужасное и это не ложная тревога, когда увидели их Сэмми. Она сидела с любимой книжкой на груди восточных ковров и махала им ручкой.

И сегодня, возможно, тот самый случай, убеждала себя Карен.

«Сохраняй спокойствие. Черт побери, просто сохраняй спокойствие!»

Она вернулась в зал для занятий йогой, нашла сумочку. Порылась в поисках мобильного. С гулко бьющимся сердцем нажала на кнопку быстрого набора номера Чарли.

«Давай, давай...»

Дождаясь, пока пройдет соединение, Карен пыталась вспомнить, чем собирался заняться ее муж этим утром. Излома он ушел около семи. Она как раз заканчивала сушить волосы. Десять минут до города, десять минут в автосервисе: оставить автомобиль, обсудить, что нужно сделать. Сколько получается?... 7.20? Еще десять минут до станции. В информационном выпуске сообщили, что взрыв произошел в 8.41. Он мог успеть на предыдущий поезд. Или мог взять подменную машину и поехать в город на ней. На мгновение Карен позволила себе ощутить надежду на лучшее. Все могло быть... Чарли находил выходы из любого положения.

Пошли гудки. Карен видела, как трясутся ее руки.

«Давай, давай, отвечай...»

Но услышала записанный голос: «Это Чарли Фрайдман...»

– Чарли, это я, – затараторила Карен. – Я места себе не нахожу. Я знаю, что ты поехал в город на поезде. Ты должен позвонить мне, как только получишь это сообщение. Немедленно. И мне без разницы, чем ты так занят, Чарли. Просто позвони, дорогой!

Она разорвала связь, чувствуя себя совершенно беспомощной.

Потом вспомнила: голосовая почта есть и на ее телефоне. С гулко бьющимся сердцем Карен открыла в меню раздел «Пропущенные звонки».

Номер Чарли! Слава Богу. От радости сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Карен нажала кнопку, чтобы воспроизвести сообщение, поднесла мобильник к уху. Раздался знакомый голос, такой спокойный: «Послушай, дорогая, я подумал, раз уж Центральный вокзал мне не миновать, то на обратном пути куплю в «Оттоманелли» твои любимые маринованные стейки, и мы их поджарим вместо того, чтобы вечером куда-то

идти... Звучит неплохо? Дай мне знать. Я буду на работе к девяти. Должен заканчивать разговор. В автосервисе был просто дурдом. Пока».

Карен посмотрела на время доставки сообщения. 8.34. Он надиктовал его, подъезжая к Центральному вокзалу. Еще в поезде. Карен вновь прошиб пот. Она посмотрела на экран, на столб дыма, поднимающегося над Центральным вокзалом.

Внезапно она все поняла. Больше не могла лгать себе.

Ее муж ехал в город на этом поезде.

Не в силах более контролировать себя, она нажала кнопку быстрого набора номера офиса Чарли. «Давай, давай», – повторяла она, дожидаясь соединения. Наконец Хизер, помощница Чарли, сняла трубку.

– Офис Чарльза Фрайдмана.

– Хизер, это Карен. – Она еще пыталась держать себя в руках. – Мой муж уже на работе?

– Еще нет, миссис Фрайдман. Он прислал мне электронное письмо, сообщил, что должен отдать автомобиль на техобслуживание или что-то в этом роде. Я уверена, он будет с минуты на минуту.

– Я знаю, что он сдал автомобиль, Хизер! Поэтому и волнуюсь. Вы видели новости? Он сказал, что поедет на поезде.

– Господи! – ахнула помощница. Конечно, она видела новости. Они все видели. Весь офис не отрывался от экранов. – Миссис Фрайдман, я попытаюсь найти его по телефону. Я уверена, что на Центральном вокзале сейчас суший ад. Может, он уже едет сюда. Просто телефоны там не работают. Может, он уехал на следующем поезде.

– Он оставил мне сообщение, Хизер! В восемь тридцать четыре. Сказал, что подъезжает к Центральному вокзалу... – Голос дрогнул. – Это было в восемь тридцать четыре, Хизер! Он ехал на том поезде. Иначе бы он позвонил. Я думаю, он ехал на том самом поезде...

Хизер умоляла ее сохранять спокойствие, пообещала отправить электронное сообщение, не сомневалась, что скоро он даст о себе знать. Карен не стала с ней спорить, но, когда отключала мобильник, сердце стучало по ребрам, а кровь шумела в ушах. И она понятия не имела, что делать дальше. Прижала телефон к сердцу, вновь набрала номер Чарли.

«Ответь, Чарли... Чарли, пожалуйста...»

У Центрального вокзала репортер подтверждал, что взорвалась как минимум одна бомба. Несколько выживших, пошатываясь, выходили из здания. Собирались на улице, глаза блуждали, на лицах краснела кровь и чернела копоть. Кто-то что-то бормотал о пути 109, о двух взрывах, о пожаре, о том, что многие не могут выбраться из поезда. И рвануло в первых двух вагонах.

Карен обмерла. А потом по щекам покатились слезы.

«Именно туда Чарли всегда и садился. Такая у него была привычка. Только в первый вагон, в самом крайнем случае – во второй».

«Давай, Чарли... – безмолвно молила Карен, наблюдая за экраном телевизора. – Кто-то же спасся. У них уже берут интервью».

Он вновь нажала кнопку быстрого набора номера, волна паники уже накрывала ее с головой.

«Ответь на этот гребаный звонок, Чарли!»

ГЛАВА 6

Мысли Карен переметнулись на Саманту и Алекса. Она поняла, что должна вернуться домой.

Что она им скажет? Чарли всегда ездил на автомобиле. У него было место в подземном гараже здания, где располагался офис. Он многие годы добирался до работы, сидя за рулем... И выбрал именно это чертово утро, чтобы поехать поездом!

Карен бросила в сумку мокрую от пота спортивную форму, выбежала из клуба, мимо регистрационной стойки, через стеклянные двери, на автостоянку, где оставила свой «лексус» с гибридным приводом. Чарли купил ей эту машину всего месяц назад. В кабине еще витал запах новенького автомобиля. Нажатием кнопки на брелоке она открыла центральный замок, прыгнула за руль.

Дом находился в десяти минутах езды. Выезжая со стоянки, Карен поставила телефон в режим автодозвона на номер мобильного Чарли.

«Пожалуйста, Чарли, пожалуйста, ответь на этот гребаный звонок».

Остатки надежды таяли.

«Это Чарли Фрайдман...»

Слезы катились по щекам, но Карен пыталась выбросить из головы мысли о самом страшном. Быть такого не может!

Выехав с автостоянки «Спортплекса», Карен резко повернула направо, на проспект, проскочила перекресток на мигающий зеленый, устремилась к А-95. Автомобили ползли как черепахи, тормозя всех, кто пытался добраться до центра Гринвича.

Поступали все новые сведения, зачастую противоречащие друг другу. По радио сказали, что взрывов прогремело несколько. На железнодорожных путях бушевал пожар, который никак не могли потушить. Очень высокая температура и, возможно, выбросы ядовитых газов не позволяли пожарным приблизиться к эпицентру. Говорили о многочисленных жертвах.

Все это до смерти пугало Карен.

Он мог оказаться в западне где угодно! Мог обгореть, получить травму, не иметь возможности выбраться из вагона. Вариантов было множество. Карен вновь нажала на кнопку быстрого набора номера.

— Где ты, Чарли, черт побери? Отзовись, пожалуйста...

Вновь она подумала об Алексее и Саманте. Они же ни о чем не подозревают. Даже если известия о случившемся дойдут до них, они не встревожатся. Чарли всегда ездил на работу на автомобиле.

Карен перестроилась, вырулила на съезд 5, к Олд-Гринвичу, затем покатила по Пост-роуд. Заверещал мобильник. Слава Богу! Сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Но звонила Пола, ее лучшая подруга, которая жила в Ривер-Сайде, совсем рядом.

— Ты слышала, что происходит? — На ее слова накладывался звуковой фон: в комнате работал телевизор.

— Конечно, слышала, Пола. Я...

— Они говорят, что поезд из Гринвича. Возможно, в нем ехали люди...

— Пола... — прервала ее Карен и с трудом выдавила из себя следующую фразу: — Я думаю, Чарли был в том поезде.

— Что?!

Карен рассказала ей о «мерседесе» и о том, что не может дозвониться до мужа. Сказала, что едет домой и не может занимать телефон, потому что могут позвонить из офиса Чарли.

— Конечно, дорогая, я понимаю. Кар, все будет хорошо. Чарли умеет выпутываться из сложных ситуаций. Ты это знаешь, верно?

— Знаю, — ответила Карен, понимая, что лжет сама себе. — Знаю.

С гулко бьющимся сердцем Карен проехала через город, повернула на Шор-роуд, идущую вдоль пролива. Вот наконец и ее улица. Проехав полквартала, Карен свернула на подъездную дорожку к своему дому. Старый «мустанг» Чарли занимал в гараже третью ячейку, как и частому назад, когда она уезжала. Из гаража она бегом бросилась на кухню. Вновь обрела надежду, увидев на автоответчике мигающую лампочку. «Пожалуйста...» — взмолилась она, включая прослушивание сообщений. Кровь пульсировала от тревоги.

— Привет, миссис Фрайдман, — раздался занудный голос. Мэл, их сантехник, забубнил что-то насчет нагревателя воды, который она хотела починить, какого-то чертова клапана, который он никак не мог найти. Слезы потекли по щекам Карен, ноги начали подгибаться, она привалилась к стене, беспомощно сползая на пол. Виляя хвостом, подбежал Тоби, принялся тыкаться в нее мордочкой. Карен размазывала слезы ладонями.

— Не сейчас, крошка. Пожалуйста, не сейчас...

На столике Карен нащупала пульт дистанционного управления. Включила телевизор. Ситуация только ухудшалась. На экране появился Мэтт Лоер на пару с Брайаном Уильямсом, и они говорили о десятках жертв, о пожаре, который распространялся, захватывая все новые территории, о неудачных попытках остановить огонь. Потом на экране рухнула часть здания, появился какой-то эксперт по Аль-Каиде и терроризму, черное облако над Манхэттеном все увеличивалось в размерах.

Он бы обязательно позвонил, если бы с ним все было в порядке. Карен это знала. По крайней мере позвонил бы Хизер. Может, даже до того, как позвонил бы ей. И это напугало ее больше всего. Она закрыла глаза.

«Лишь бы ты остался жив и невредим, Чарли, где бы ты ни был. Лишь бы остался жив и невредим».

На улице хлопнула дверца автомобиля. Карен услышала трель дверного звонка. Кто-то позвал ее по имени, торопливо вошел в дом.

Пола. Увидела Карен, сидящую на полу, растерянную, какой никогда раньше ее не видела, плюхнулась рядом, они обнялись, у обеих щеки блестели от слез.

— С ним все будет хорошо. — Пола гладила Карен по волосам. — Я знаю, что будет. Там наверняка сотни людей. Возможно, мобильники не работают. Может, ему нужна медицинская помощь. Чарли из тех, кто выживает. Если кто-то и сумеет оттуда выбраться, так это он. Вот увидишь, дорогая. Все будет хорошо.

Карен кивала и повторяла:

— Я знаю, знаю... — вытирая слезы рукавом.

Они звонили и звонили. А что еще оставалось делать? На мобильник Чарли. В его офис. Тридцать раз, может, сорок.

В какой-то момент Карен заставила себя улыбнуться.

— Ты знаешь, как злится Чарли, когда я звоню ему на работу?

В 9.45 они уже сидели на диване в гостиной. Именно тогда услышали, как к дому подъехал автомобиль, захлопали дверцы. Алекс и Саманта ворвались на кухню с радостным криком: «Занятия отменили!»

Заглянули в гостиную.

— Вы знаете, что случилось? — спросил Алекс.

Карен сразу ответить не смогла. Когда увидела детей, ужас сдвинул сердце. Потом велела им сесть. Они заметили слезы на ее лице. Поняли: произошло что-то ужасное.

Саманта села напротив.

— Мама, что такое?

— Папа этим утром оставил автомобиль на техобслуживание, — ответила Карен.

— И что?

Карен проглотила комочек, застрявший в горле, и точно знала, что по щекам вновь покатались слезы.

— А потом... — пауза, — поехал в город на поезде.

Глаза детей округлились, и оба как по команде посмотрели на широкий экран.

— Он там? — спросил ее сын. — На Центральном вокзале?

— Не знаю. Мы не можем с ним связаться. Это и тревожит. Он позвонил и сказал, что он в поезде. В восемь тридцать четыре. А случилось все в восемь сорок одну. Я не знаю...

Карен пыталась продемонстрировать уверенность и положительный настрой, делала все, чтобы не испугать их, потому что понимала: в любой момент Чарли мог позвонить, сказать им, что он выкарабкался, что у него все тип-топ. Она даже не чувствовала слез, которые текли по щекам и капали на колени, а Саманта смотрела на нее, приоткрыв рот, готовая расплакаться. И Алекс, ее бедный мачо Алекс, белый как полотно, во все глаза смотрел на черное облако, все расширяющееся в небе над Манхэттеном.

Какое-то время все молчали, просто смотрели, разрываясь между отчаянием и надеждой. Сэм обняла брата за шею, оперлась подбородком на его плечо. Алекс, впервые за многие годы взяв Карен за руку, смотрел на экран, словно ожидая, что на нем вот-вот покажут отца. И Пола смотрела на экран, напрягшись, готовая в любую секунду вскочить с криком: «Смотрите, вон он!» И конечно же, они ждали, что вот-вот зазвонит телефон.

Алекс повернулся к Карен:

— Папа сможет оттуда выбраться? Как думаешь?

— Разумеется, малыш. — Карен сжала его руку. — Ты знаешь своего отца. Если кто-то сможет, так это он. Он выберется.

Вот тут они услышали грохот. Камеру тряхнуло от одного его приглушенного взрыва. Зеваки ахнули и закричали. Новое облако черного дыма вырвалось из здания Центрального вокзала.

— Ох, Господи... — заголосила Саманта.

Карен почувствовала, как у нее засосало под ложечкой. Она крепко сжала руку Алекса.

— Чарли, Чарли, Чарли...

— Повторные взрывы... — пробормотал начальник полиции, выходя из здания, обреченно качая головой. — Там много, очень много тел. А мы даже не можем приблизиться к огню.

ГЛАВА 7

Около полудня

Когда поступил звонок, Хоук разговаривал по телефону с департаментом чрезвычайных ситуаций Управления полиции Нью-Йорка.

— Возможно, шесть три четыре. Виновный скрылся с места преступления. Пересечение Уэст-стрит и Пост-руд.

Все утро Тай следил за тем, что происходит в большом городе. Постоянно звонили охваченные паникой люди, которые не могли связаться со своими близкими, не знаящие, что им делать. Когда угнанные террористами самолеты поразили башни Торгового центра, он работал в департаменте информации и многие последующие недели ему пришлось отслеживать судьбы пропавших без вести людей — собирать крупными партиями информацию в больницах, у выживших. В этом департаменте у Хоука остались друзья. Он посмотрел на список тех, кто уехал из Гринвича на этом злополучном поезде: Поумрой, Вэштар, Грейс, О'Коннор.

В тот раз им удалось найти только двоих.

– Возможно, шесть три четыре, Тай. – Дежурный сержант позвонила второй раз. – Водитель скрылся с места преступления. На Пост-роуд, рядом с Уэст-стрит, там, где рестораны быстрого обслуживания и автомобильные салоны.

– Не могу, – ответил ей Хоук. – Отправь туда Муньоса. Я занят.

– Муньос уже там, лейтенант. Это убийство. Похоже, там вас ждет труп.

Хоуку потребовалось несколько минут, чтобы выскочить из полицейского участка, прыгнуть в «гранд-корону», промчаться по авеню Мейсона с включенными мигалками, потом по Пост-роуд до Уэст-стрит и остановиться напротив автосалона, торгующего «акурами».

Он возглавлял группу расследования насильственных преступлений, так что сержант все сделала правильно. Его группа занималась в основном разбором драк в средней школе, иногда – расследованием грабежей и семейных ссор. А уж трупы появлялись в Гринвиче крайне редко.

Жители города предпочитали мошенничества на бирже.

Четыре сине-белых патрульных автомобиля перекрыли Уэст-стрит, поблескивая мигалками. Хоук вылез из машины, кивнул двум патрульным. К нему направился Фредди Муньос, его детектив.

– Ты, должно быть, пошутил, Фредди. – Хоук покачал головой. – Чтобы именно в такой день...

Муньос мрачно указал на прикрытый черным мешком холмик посреди Уэст-стрит, которая пересекала Пост-роуд и уходила к Рэйлрод-авеню и А-95.

– Неужели похоже на шутку, лейтенант?

Патрульные автомобили образовали у тела защитный барьер. Микроавтобус с экспертами уже прибыл, но они ждали приезда медиков из Фармингтона. Хоук присел, откинул край пластикового мешка.

– Господи!

Он шумно выдохнул.

На асфальте лежал совсем мальчишка (двадцать два года, максимум двадцать три), бледный, в коричневом рабочем комбинезоне, с длинными рыжими волосами, заплетенными в косички. Спина плотно прижата к асфальту, бедра чуть изогнуты, широко распахнутые глаза смотрят в никуда. Струйка крови из уголка рта образовала на мостовой маленькую лужицу.

– Фамилию знаешь?

– Раймонд. Первое имя – Абель. Второе – Джон. Откликнулся на Эй-Джея – так сказал его босс из мастерской по ремонту и реставрации старинных автомобилей. Там он и работал.

Рядом стоял молодой патрульный с блокнотом в руке – по-видимому, это он первым прибыл на место преступления. На жетоне Хоук прочитал фамилию: Стейсио.

– Паренек отправился на обеденный перерыв, – продолжил Муньос. – Сказал, что ему нужно купить сигареты и позвонить. – Он указал на ресторан на другой стороне улицы. – Судя по всему, шел вон туда.

Хоук посмотрел. «Фэрфилд». Копы часто заглядывали в тот придорожный ресторанчик, чтобы перекусить. Бывал там и он. Не один раз.

– Что известно об автомобиле?

Муньос посмотрел на Стейсио, который, судя по возрасту, только месяц назад закончил обучение и приступил к несению службы. Тот, чуть запинаясь, начал зачитывать написанное в блокноте:

– Это был белый внедорожник, лейтенант. Он двигался по Пост-роуд, а здесь резко повернул на Уэст-стрит... Сбил потерпевшего, когда тот переходил мостовую. У нас есть два очевидца.

Стейсио указал на двоих мужчин. Один – плотный, приземистый, с усами, в пиджаке спортивного покроя – сидел на переднем сиденье патрульного автомобиля. Второй – в синей куртке из ткани с начесом – разговаривал с другим патрульным, важно качая головой.

– Одного мы нашли на автостоянке у «Арбис», вон там. Как выяснилось, бывший коп. Второй выходил из банка на другой стороне улицы.

Парнишка постарался на славу.

– Хорошая работа, Стейсио.

– Благодарю вас, сэр.

Хоук медленно поднялся, колени хрустнули. Вот они, последствия футбольной юности.

Он посмотрел на серый асфальт Уэст-стрит. Два черных следа от резины, протянувшиеся футов на двадцать за тем местом, где остались очки и мобильник жертвы. Водитель притормозил, но лишь после того, как сбил парня. Хоук глубоко вдохнул. Желудок неприятно дернулся.

«Этот сукин сын и не пытался притормозить».

Он взглянул на Стейсио:

– Тебе нехорошо, сынок?

На лице патрульного ясно читалось, что это первый в его жизни труп.

Стейсио кивнул:

– Да, сэр.

– Держись. – Хоук похлопал его по плечу. – Это непросто для любого из нас.

– Спасибо, лейтенант.

Хоук отвел Муньосу в сторону. Взглядом показал на Пост-роуд, откуда приехал внедорожник, потом на следы резины на мостовой.

– Видишь то же, что и я, Фредди?

Детектив мрачно кивнул.

– Этот мерзавец даже не пытался тормозить.

– Да. – Хоук достал из кармана латексные перчатки, надел. – Ладно. – Вновь присел у тела. – Давай посмотрим, что оно нам скажет...

Хоук чуть приподнял тело Абеля Раймонда, достал бумажник из заднего кармана брюк. Водительское удостоверение, выданное во Флориде: Абель Джон Раймонд.

Ламинированный студенческий билет, выданный два года назад. То же лицо, что и на водительском удостоверении, только волосы более короткие. Может, Абель бросил учебу.

Кредитная карточка «Мастеркард» на его имя, дисконтная карточка из «Сирса», от «Костко», «Эксон мобил», социальная карточка. Сорок два доллара наличными. Корешок билета с финального матча студенческого футбольного чемпионата 2006 года. Университет Флориды – Университет Норт-Дам. Хоук помнил ту игру. Из другого отделения бумажника он вытащил фотографию симпатичной черноволосой женщины лет двадцати пяти, с маленьким мальчиком на руках. Хоук протянул фотографию Муньосу.

– На сестру не похожа. – Детектив пожал плечами. – Обручального кольца на трупе нет. Может, подруга.

Оба понимали, что придется выяснять, кто запечатлен на фотографии.

– Кто-то сегодня вечером сильно огорчится, – изрек Фредди Муньос.

Хоук вернул фотографию в бумажник, шумно выдохнул.

– Боюсь, Фредди, поиски предстоят долгие.

– Это какое-то безумие, лейтенант. – Фредди покачал головой. Он уже говорил не о гибели Абеля. – Знаешь, брат моей жены сегодня утром поехал на поезде семь тридцать семь. Вышел из Центрального вокзала до того, как все началось. Его жена чуть с ума не сошла. Не могла с ним связаться, пока он не добрался до работы. А мог повалиться в постели лишнюю минутку, задержаться на светофоре, опоздать на свой поезд... Представляешь себе, как ему повезло?!

Хоук подумал о списке, который лежал у него на столе, нервные, но еще не потерявшие надежду голоса, которые диктовали ему фамилии... Посмотрел на свидетелей Стейсио.

– Пошли, Фредди, выясним, что известно об этом автомобиле.

ГЛАВА 8

Хоук взял на себя мужчину в спортивном пиджаке, Фредди занялся вторым.

Свидетеля, которого допрашивал Хоук, звали Фил Дайц, и ранее он служил в полиции Южного Джерси. Здесь же занимался охранными системами («умные дома», идентификационные сканеры и все прочее). Этот род деятельности он выбрал для себя три года назад, когда ушел со службы. В «Арбис» заехал, чтобы перекусить, и все произошло у него на глазах.

– Он ехал по улице достаточно быстро, – рассказывал Дайц, невысокого роста, плотный, седеющие волосы на макушке заметно поредели, но усы оставались такими же пышными, как и в молодости. Он энергично жестикулировал. – Я услышал, как он поддал газу. Ускорился, а потом резко повернул. Вон там. – Он указал на пересечение Уэст-стрит и Пост-роуд. – Сукин сын даже и не подумал нажать на тормоз. А парнишку я увидел слишком поздно.

– Можете описать автомобиль? – спросил Хоук.

Дайц кивнул.

– Белый внедорожник, одна из последних моделей. Думаю, «хонда» или «акура». Я могу взглянуть на картинки, наверняка узнаю. Номерные пластины белые, сами знаки – синие, может, зеленые. – Он покачал головой. – Не разглядел, слишком далеко. И глаза уже не такие, как прежде, когда я работал. – Дайц наполовину вытащил из нагрудного кармана очки для чтения, вернул обратно. – Теперь могу читать только то, что написано большими буквами.

Хоук улыбнулся, сделал пометку в блокноте.

– Не местные?

Дайц покачал головой:

– Нет. Может, Нью-Хэмпшир или Массачусетс. Извините, больше помочь ничем не могу. Мерзавец притормозил на секунду, но после того, как я крикнул «Эй, ты!» и побежал к мостовой, он тут же помчался дальше. Я попытался сфотографировать его на мобильник, но все произошло слишком быстро. Он уехал.

Дайц показал в сторону Рэйлроад-авеню. Уэст-стрит здесь отгибала пустырь и какое-то административное здание. А Рэйлроад-авеню прямоком выводила на шоссе А-95. Достаточно минуты, чтобы белый внедорожник успел выехать на автостраду. Хоук сомневался, что они найдут еще кого-нибудь, кто обратил внимание на этот автомобиль.

Он повернулся к свидетелю:

– Вы сказали, что слышали, как водитель прибавил газу?

– Совершенно верно, я как раз выходил из своей машины. Подумал, что успею перекусить до следующей встречи с клиентом. Все на бегу, знаете ли.

– Конечно, – улыбнулся Хоук и указал на юг: – Он ехал оттуда. Вы заметили его до поворота?

– Да, он попался мне на глаза, когда начал ускоряться.

– За рулем сидел мужчина?

– Безусловно.

– Можете его описать?

Дайц покачал головой.

– После того как внедорожник остановился, водитель оглянулся. Посмотрел через заднее окно. Может, вдруг понял, что сделал. Но лица я разглядеть не смог. Тонированные стекла. Поверьте мне, я бы разглядел, будь такая возможность.

Хоук мысленно прочертил путь жертвы. Если он работал в мастерской «Покраска и рихтовка», то, чтобы добраться до ресторана, должен был пересечь Уэст-стрит, а потом, на светофоре, Пост-роуд.

– Вы говорите, что служили в полиции?

– Во Фрихолде. – Глаза свидетеля радостно вспыхнули. – В Южном Джерси. Рядом с Атлантик-Сити. Двадцать три года.

– Это хорошо. Тогда вы поймете, о чем я хочу вас спросить, мистер Дайц. Вы не обратили внимания: этот автомобиль все время ехал на большой скорости или ускорился непосредственно перед поворотом?

– Вы пытаетесь определить для себя, это несчастный случай или умышленное убийство?

– Я лишь пытаюсь составить объективную картину происшедшего, – ответил Хоук.

– Я услышал его оттуда. – Дайц показал на стоянку у «Арбис». – Он спустился с холма, потом резко повернул, и у меня создалось ощущение, что он пьяный. А после столкновения он какое-то время тащил тело на переднем бампере, как мешок зерна. Вы же видите следы. Потом остановился. Думаю, парнишка упал под колеса, перед тем как водитель снова нажал на педаль газа.

Дайц повторил, что с удовольствием взглянет на картинки внедорожников, чтобы точно определить модель.

– Вы найдете этого сукина сына, лейтенант. Если я могу чем-то помочь, дайте знать. Я хочу стать тем молотком, который загонит гвоздь в гроб этого подонка.

Хоук его поблагодарил. Показания Дайца особой пользы не принесли. Подошел Муньос. Мужчина, которого он допрашивал, видел все с другой стороны улицы. Он жил в Уилтоне, расположенном в двадцати милях от Гринвича. Тоже описал белый внедорожник и номерные знаки другого штата. «Вроде бы номер начинался с эй-ди или как-то так. Потом шла восьмерка...» Он как раз выходил из банка, после того как снял наличные в банкомате. Все произошло очень быстро, и номер он, конечно, не запомнил.

Муньос разочарованно пожал плечами.

– Зацепиться особо не за что, не так ли, лейтенант?

Хоук поджал губы.

– Это точно.

Он вернулся к своей машине, связался с диспетчером. Попросил объявить в розыск белый внедорожник, возможно, «хонду» или «акуру», за рулем которого сидел мужчина, номерные знаки Нью-Хэмпшира или Массачусетса, возможно, начинающиеся с AD8, автомобиль с повреждениями переднего бампера от столкновения с человеком. Эта информация предназначалась для передачи в дорожную полицию и во все ремонтные мастерские северо-запада. Им же оставалось найти людей, которые могли видеть этот внедорожник, мчавшийся по Уэст-стрит. Могли помочь и видеорекамеры, контролируемые скоростной режим на автостраде. Хоук очень на них надеялся. Если, конечно, не выяснится, что кто-то сильно хотел избавиться от Абея Раймонда.

Неподалеку стоял мужчина в бейсболке «Янкиз». Стейсио подозвал его. Это был Дейв Корсо, владелец ремонтной автомастерской, в которой работал Эй-Джей Раймонд.

– Хороший был парень. – Корсо покачал головой, явно опечаленный случившимся. – Работал у меня примерно год. Сам восстанавливал старинные автомобили. Приехал из Флориды.

Хоук вспомнил водительское удостоверение.

– Знаете, откуда именно?

Владелец мастерской пожал плечами:

– Нет. Таллахасси, Пенсакола... Он всегда ходил в футболках Флоридского университета. Думаю, всех угостил пивом, когда в прошлом году они выиграли университетский чемпионат. Вроде бы его отец живет где-то там. Кажется, он моряк.

– Служит во флоте?

– Нет. По-моему, он лоцман. У него фотография отца приколата на рабочем месте. Можете взглянуть.

Хоук кивнул.

– А где жил мистер Раймонд?

– В Бриджпорте, я в этом почти что уверен. Я знаю, у нас это записано, но, сами понимаете, все меняется. Но я точно знаю, что деньги у него лежали в Первом городском банке...

Корсо рассказал им, что Эй-Джею позвонили за двадцать минут до того, как он ушел. Он как раз красил крыло автомобиля. Потом подошел и попросил пораньше отпустить его на обед.

– Сослался на встречу с каким-то Марти. Он сказал, что сначала сходит за сигаретами. Я думаю, в тот ресторан. У них есть автомат. – Корсо посмотрел на накрытое тело, лежащее на асфальте. – И на тебе... Что вы думаете?

Хоук достал бумажник убитого из пластикового пакета и показал Корсо фотографию молодой женщины с ребенком.

– Знаете, кто это?

Владелец автомастерской пожал плечами:

– Думаю, у него была девушка там, где он жил... А может, в Стэмфорде. Она пару раз заезжала за ним. Дайте посмотреть... Да, думаю, это она. Эй-Джей работал с классическими автомобилями. Вы понимаете, восстанавливал их. «Корветы», «лесабры», «мустанги». Я думаю, в прошлый уик-энд он ездил на какое-то шоу старинных автомобилей. Я просто в шоке...

– Мистер Корсо... – Хоук отвел мужчину в сторону. – Может, кто-то хотел причинить зло мистеру Раймонду? У него были долги? Он увлекался азартными играми? Может, вам что-то известно?

– Вы думаете, это не несчастный случай? – Глаза владельца автомастерской широко раскрылись.

– Просто мы делаем свою работу, – ответил ему Муньос.

– Ну, не знаю. Мне казалось, парень он серьезный. Приходил сюда. Исправно трудился. Со всеми ладил. Но теперь, раз уж вы упомянули... эта девушка... Я думаю, она была замужем, и недавно они разошлись. Я слышал, как Эй-Джей говорил, что у нее проблемы с бывшим мужем. Может, Джейки знает. Он сейчас в мастерской. Они дружили.

Хоук кивнул. Знаком предложил Муньосу проверить.

– Мистер Корсо, не будете возражать, если мы проверим, откуда ему позвонили?

Не нравился Хоуку этот телефонный звонок, который заставил Эй-Джея раньше уйти на обед.

Он поднялся к Пост-роуд, посмотрел на место столкновения. Все как на ладони. Поворот на Уэст-стрит. Ничто не закрывало обзор. Автомобиль не притормозил. Не сделал попытки объехать жертву. Водитель сознательно целил в парня.

Наконец-то прибыли медики. Хоук спустился вниз. Поднял с асфальта мобильник убитого. Проверил последние номера. Не удивился бы, если б один из них привел к главному подозреваемому.

Такое теперь случалось часто.

Хоук в последний раз наклонился над телом Абея Раймонда, всмотрелся в лицо. «Я его найду, сынок», – пообещал он покойнику. Мысли вернулись к взрыву в Центральном вокзале. В этот вечер многие не смогут вернуться домой. И Абель – один из них. Но за Абея он мог поквитаться.

Абель был конкретным человеком, не одной из жертв массового убийства.

Прежде чем встать, Хоук еще раз проверил карманы. В брюках нашел какую-то мелочь, чек за бензин. Проверил нагрудный карман с вышитыми на нем инициалами: «Эй-Джей». Вытащил квадратик желтой бумаги. Стандартный, с полоской клея по одной стороне, какими все пользуются, чтобы наскоро что-то записать. Увидел имя, фамилию, местный номер телефона.

Возможно, с этим человеком и собирался встретиться Абель Раймонд. А может, эта бумажка давно уже лежала в кармане. Хоук положил находку в пластиковый пакет к остальным вещам, собранным на месте преступления. Еще одна ниточка, которую следовало проверить.

Чарльз Фрайдман...

ГЛАВА 9

Я больше не услышу голоса своего мужа. Я так и не узнала, что случилось.

Огонь бушевал на Центральном вокзале большую часть дня. В бомбе использовалось мощное зажигательное вещество. В четырех бомбах. По одной заложили в два первых вагона поезда, который проходил через Гринвич в 7.51. Они взорвались, как только

поезд остановился у перрона. Две другие запрятали в урны на платформе. Ста фунтов гексогена в каждой вполне хватило бы для того, чтобы разрушить здание приличных размеров. Они говорили, что такую тактику террористы применяют в Ираке. Можете себе такое представить? Чарли ненавидел войну в Ираке. По телевизору называли имена, показывали фотографии пожарища, говорили и о химическом составе бомб. В эпицентре пожара, который смогли потушить только на вторые сутки, температура превышала две тысячи градусов.

Мы ждали. Мы ждали первый день, в надежде что-то услышать. Хоть что-нибудь. Голос Чарли. Сообщение из одной из больниц, куда его доставили. И куда мы только не звонили: в Управление полиции, по горячей линии, нашему конгрессмену, которого лично знал Чарли.

Безрезультатно.

Погибли сто одиннадцать человек. Включая трех смертников, которые, как подозревала полиция, ехали в двух первых вагонах. Где всегда сидел Чарли. Многих не смогли даже идентифицировать. От них ничего не осталось. Однажды утром поехали на работу и исчезли с лица земли. Как и Чарли. Мой муж в последние восемнадцать лет. Попрощался, перекрывая шум фена, и уехал, чтобы сдать автомобиль на техобслуживание. И исчез.

Что они нашли, так это ручку с обгоревшей верхней частью кожаного брифкейса, который дети подарили ему в прошлом году. Ручку явно оторвало взрывом, а золотая монограмма «ЧМФ» похоронила все наши надежды и вызвала слезы.

Чарльз Майкл Фрайдман.

Эти первые дни я не сомневалась, что он чудом, но выбрался из этого ада. Чарли всегда выбирался. Он мог упасть с крыши, закрепляя спутниковую антенну, и приземлиться на ноги. Обычное дело для такого, как он.

Но он не выбрался. Не позвонил, не нашлось ни клочка его одежды, ни горсти пепла.

И я никогда не узнаю...

Я никогда не узнаю, погибли он при взрыве или уже в огне. Оставался ли в сознании, чувствовал ли боль. Думал ли о нас. Произносил ли перед смертью наши имена.

Какой-то моей части более всего хотелось схватить его за плечи в этот последний момент и прокричать ему в лицо: «Как ты мог позволить себе здесь умереть, Чарли? Как ты мог?»

А теперь я должна смириться с тем, что он ушел. И больше не вернется. Хотя это так трудно...

Он никогда не повезет Саманту в колледж в ее первый учебный день. Не увидит, как Алекс забивает мяч. Не узнает, какими они станут, когда вырастут. А он бы так ими гордился!

Мы собирались состариться вместе. Уплыть на островок в Карибском море. А теперь он ушел, исчез в пламени.

Восемнадцать лет нашей жизни.

Восемнадцать лет...

И я даже не поцеловала его на прощание.

ГЛАВА 10

Несколькими днями позже (в пятницу или субботу – Карен потеряла счет) к ним зашел детектив из местной полиции.

Не из Нью-Йорка. Люди из полиции Нью-Йорка и из ФБР уже заходили, узнавали о перемещениях Чарли в тот день. Этот работал в Гринвиче. Он позвонил заранее и спросил, сможет ли Карен уделить ему несколько минут по вопросу, не связанному со взрывами на Центральном вокзале. Она ответила: конечно. Все, что могло отвлечь ее от этой трагедии, пусть и на несколько минут, казалось подарком небес.

Когда он пришел, она на кухне ставила в вазу цветы, которые прислал один из клиентов Чарли.

Карен знала, что выглядит ужасно. Но в такие моменты не до внешнего лоска. Ее отец, Сид, который прилетел из Атланты и взял на себя многие хлопоты, привел его на кухню.

– Я лейтенант Хоук, – представился детектив. Для копа выглядел он очень стильно: пиджак спортивного покроя, слаксы, со вкусом подобранный галстук. – Я видел вас на городском собрании в понедельник. Отниму у вас лишь несколько минут. Очень сожалею о постигшей вас утрате.

– Благодарю вас. – Карен кивнула, откинула с лица волосы, пригласила его на застекленную террасу, предложила сесть, села сама, натужно улыбнулась.

– Моя дочь неважно себя чувствует, – вмешался отец, – поэтому, если вас не затруднит, постарайтесь...

— Папа, я в полном порядке. — Она улыбнулась еще раз, закатила глаза, поймала взгляд лейтенанта. — Все нормально. Позволь мне поговорить с полицейским.

— Хорошо, хорошо, — кивнул отец. — Я буду в гостинной. Если понадобится. — И вернулся к телевизору, закрыв за собой дверь.

— Он не знает, что делать. — Карен тяжело вздохнула. — Никто не знает. Для всех это очень тяжелый период.

— Спасибо, что согласились поговорить со мной. Много времени я у вас не займу. — Детектив что-то достал из кармана. — Я не уверен, что вы слышали об этом, но в понедельник в городе автомобиль сбил человека. Молодого парня. Насмерть. На Пост-роуд.

— Нет, я не слышала, — отозвалась Карен.

— Его фамилия Раймонд. Абель Джон Раймонд. — Лейтенант протянул ей фотографию улыбающегося, хорошо сложенного молодого человека с рыжими волосами, заплетенными в косички, который стоял на берегу рядом с доской для серфинга. — Эй-Джей, так его называли. Он работал в мастерской по ремонту и восстановлению старинных автомобилей. Переходил Уэст-стрит, когда его сбил мчавшийся на высокой скорости внедорожник, повернувший с Пост-роуд. Этот человек даже не остановился. Протащил Эй-Джея футов пятьдесят, а потом уехал.

— Это ужасно. — Карен смотрела на молодое лицо, сердце сжималось от печали. Что бы ни случилось с ней, она жила в маленьком городке. Это мог быть кто угодно. Чей угодно сын. В тот самый день, когда она потеряла Чарли.

Она подняла глаза на лейтенанта.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Вы, случайно, раньше не видели этого человека?

Карен вновь посмотрела на фотографию.

Симпатичное, жизнерадостное лицо. Такие длинные рыжие косички она бы точно запомнила.

— Думаю, что нет. Нет.

— Вы не слышали, как кто-нибудь упоминал про Абея Раймонда или Эй-Джея Раймонда?

Карен еще раз взглянула на фотографию, покачала головой:

— Нет, лейтенант. А что?

На лице детектива читалось разочарование. Он вновь сунул руку в карман, достал пластиковый пакет с лежащим в нем квадратом желтой бумаги.

— Мы нашли этот листок в кармане рабочей одежды погибшего.

Когда Карен прочитала надпись на листке, она почувствовала, как скрутило желудок. Глаза ее широко раскрылись.

— Это имя и фамилия вашего мужа, не так ли? И номер его мобильного?

Карен в полнейшем недоумении посмотрела на детектива, кивнула:

— Да. Совершенно верно.

— И вы уверены, что ваш муж никогда не упоминал фамилии этого человека? Раймонда? Он работал в нашем городе, ремонтировал и восстанавливал старинные автомобили.

— Автомобили? — Карен покачала головой, улыбнулась. — Об этом молодом человеке речь у нас никогда не заходила.

Хоук улыбнулся в ответ. Но Карен видела, что он рассчитывал на другое.

— Я бы очень хотела вам помочь, лейтенант. Вы думаете, его сбили намеренно?

— Просто хочу во всем разобраться. — Детектив взял со стола и фотографию, и пакет с желтым бумажным листком. Симпатичный мужчина, подумала Карен. Такой спокойный. Серьезные синие глаза. И читающееся в них неподдельное сочувствие. Приход сюда дался ему нелегко, но, несомненно, он хотел сделать для этого парня все, что в его силах.

Она пожала плечами.

— Это совпадение, не так ли? Имя и фамилия Чарли на этом листке. В кармане этого паренька. В один и тот же день... И необходимость прийти ко мне.

— Я очень сожалею, что пришлось потревожить вас, — кивнул детектив и сухо улыбнулся. — Больше не буду вам докучать. — Оба встали. — Если что-то придет в голову, дайте мне знать. Я оставлю визитную карточку.

— Разумеется. — Карен взяла визитку.

Старший детектив

Расследование насильственных преступлений

Полицейский участок Гринвича

— Очень сожалею о вашей утрате, — повторил лейтенант.

Его взгляд сместился на фотографию, которую она держала на полке. Они с Чарли в праздничных одеждах. На свадьбе ее кузена Мередита. Карен всегда нравилось, как они выглядят на этой фотографии.

Она печально улыбнулась:

– Восемнадцать лет вместе. Я даже не поцеловала его на прощание.

Какие-то мгновения они стояли молча, она уже жалела о последних произнесенных ею словах, он переминался с ноги на ногу, о чем-то задумавшись.

– Одиннадцатого сентября я работал в департаменте информации Управления полиции Нью-Йорка. Моя работа состояла в поиске без вести пропавших людей. Вы понимаете, вроде бы они находились в башнях – и пропали. Это было тяжело. Я повидал много семей... – он облизнул губы, – в аналогичной ситуации. Наверное, я хочу сказать, что в какой-то степени понимаю, что вам пришлось пережить...

Карен почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Посмотрела на детектива, попыталась улыбнуться, не зная, что и сказать.

– Спасибо за сочувствие, лейтенант. – Она открыла ему дверь из кухни, чтобы не вести через дом. – Это ужасно. Желаю вам удачи в поисках этого парня. Жаль, что не смогла помочь.

– Вам и без того хватает забот, – ответил он, выходя на заднее крыльцо.

Карен вновь посмотрела на него. В ее голосе слышалась надежда:

– Кого-нибудь нашли? Тогда?

– Двоих. – Он пожал плечами. – Женщину в больнице Сент-Винсента. Ее стукнуло по голове куском бетона и отшибло память. И мужчину, который в то утро не пошел на работу. Увидел, что происходит, и устроил загул на несколько дней.

– Шансы невелики. – Карен вновь улыбнулась. – Но все равно приятно знать, что кто-то может найтись.

– Мои наилучшие пожелания вам и вашей семье, миссис Фрайдман. – Лейтенант спустился с крыльца. – Очень сожалею о вашей утрате.

Хоук не сразу сел в машину, в раздумье постоял на тротуаре.

Он надеялся, что имя и фамилия на листке, найденном в кармане Эй-Джея Раймонда, позволят за что-то зацепиться. Собственно, кроме этой записки, у него ничего больше и не было.

Проверка звонков в мастерскую результатов не принесла. Насчет Марти звонок был личный, не по работе, с мобильного. Проследить его не представлялось возможным.

Чистым оказался и бывший муж. Неприятный тип, возможно, раньше бил жену, но алиби не вызывало сомнений. В тот момент, когда Абель угодил под колеса, он находился в школе своего сына, на собрании. И ездил он на синей «тойоте-королле», а не на внедорожнике. Хоук дважды проверил эту информацию.

Так что теперь он мог рассчитывать на показания двух свидетелей и на запрос по розыску белого внедорожника.

Практически все ниточки оборвались.

Кому-то, похоже, это убийство сошло с рук. Он не мог выйти на преступника.

Карен Фрайдман ему понравилась, такая красивая, обаятельная. Ему очень хотелось ей помочь. Изгнать из глаз неопределенность, напряжение. Он точно знал, что выпало на ее долю. И что ждало впереди.

Сочувствие, которое он испытывал, обуславливалось не только участием в поисках жертв трагедии 11 сентября, как он говорил. Была и другая причина, более личная.

Нора. Ей бы сейчас исполнилось восемь?

Воспоминание о дочери пронзило сердце, будто ножом. Как и всегда. Ребенок в синем свитере, играющий с сестрой на мостовой. Игрушечный кораблик.

Он мог слышать ее нежный голосок. Видеть рыжие, заплетенные в две косички волосы.

Хлопнула автомобильная дверца, выдернув Хоука в реальность. Он повернул голову, увидел хорошо одетую пару, идущую с цветами к парадной двери дома Карен Фрайдман.

Краем глаза он уловил нечто важное.

В гараже открыли половину ворот. Служанка выкатывала контейнер с мусором.

В одной из ячеек стоял «мустанг» цвета меди, модель 1965 или 1966 года. Кабриолет. Заднее крыло украшало красное сердце. Белая полоса тянулась по борту.

На номерной пластине Хоук прочитал: «Крошка Чарли».

Хоук подошел, провел рукой по хромированной окантовке.

«Черт побери...»

Этим же и занимался Эй-Джей Раймонд! Восстанавливал и красил старинные автомобили. Хоук едва не рассмеялся. Он не знал, что испытывает в большей степени – разочарование или облегчение, но теперь ему стало понятно, откуда у этого парня взялся телефонный номер Чарльза Фрайдмана.

ГЛАВА 11

Огромный серый танкер вынырнул из тумана и заглушил двигатели у входа в гавань. На берегу в ожидании судна замерли едва просматривающиеся силуэты кранов, резервуаров и громадных насосов для перекачки нефти.

Навстречу танкеру двигался маленький катер.

Лоцман, его звали Паппи, стоял у штурвала, не отрывая глаз от танкера. Его работа состояла в том, чтобы провести корабль мимо песчаных мелей вокруг Синглтон-Пойнт во внутреннюю гавань, где уже начиналась обычная предрассветная жизнь.

Проводкой больших кораблей он занимался с двадцати двух лет, получив эту работу по наследству от отца, который тоже стал лоцманом в двадцать два года. За почти тридцать лет Паппи проделал один и тот же путь так много раз, что, наверное, мог бы доставить корабль к нужному пирсу и во сне – которым он наслаждался бы в столь ранний час, будь это нормальное утро и обычный танкер.

«Высоко сидит, – отметил Паппи, глядя на корпус судна. – Слишком высоко».

Линия максимальной грузовой осадки находилась высоко над водой. Паппи уставился на эмблему судовладельца на носу танкера. С этой компанией ему уже приходилось иметь дело.

Обычно проводка нагруженного танкера между мелей требовала виртуозного мастерства – как и маневрирование во внутренней бухте, которая к 10.00 была оживленнее, чем перекресток в центре города.

Но не в это утро.

«Персефона» должна пришвартоваться к пирсу 12, с тем чтобы опорожнить танки, заполненные, согласно документам, венесуэльской нефтью.

Катер Паппи приближался к танкеру елевого борта. На корпусе красовался прыгающий дельфин.

«Дельфин ойл».

Паппи почесал бороду, еще раз сверился с полученными бумагами: на борту 2,3 миллиона баррелей сырой нефти. Танкер дошел сюда из Тринидада за четырнадцать часов. «Слишком быстро, – отметил Паппи. – Учитывая, что танкер старый, класса ULCC {Класс танкеров с полезной грузоподъемностью свыше 320 тысяч тонн или водоизмещением свыше 400 тысяч тонн}, плавающий с семидесятого года да еще полностью загруженный».

Эти танкеры всегда добирались сюда быстро.

Принадлежащие «Дельфин ойл».

В первый раз его просто разобрало любопытство. Танкер прибыл из Джакарты. Он еще подумал – как полностью загруженный корабль мог иметь такую высокую осадку? Во второй раз, буквально несколькими неделями раньше, он тайком пробрался на борт после швартовки, заглянул в трюм, проشمыгнув мимо занятой своими делами команды, проверил один из носовых танков.

Пусто. И неудивительно. Во всяком случае, для него.

Танк был чист, как задница младенца.

Он доложил начальнику порта, не один раз, а два. Но тот лишь похлопал Паппи по плечу, словно старого дурака, и спросил, что тот собирается делать, выйдя на пенсию. На этот раз к начальнику порта он идти не собирался. Потому что не хотел, чтобы тот опять все спустил на тормозах. Паппи знал нужных людей. Тех, что сидели на своем месте. Которые не оставили бы такое без внимания. На этот раз, пришвартовав катер, он собирался доказать свои слова.

2,3 миллиона баррелей...

2,3 миллиона баррелей... но чего?

Паппи подал сигнал и повел катер к носу танкера. Его помощник Эл встал у штурвала. С палубы танкера спускали трап. Паппи собирался подняться по нему.

В этот момент завибрировал мобильник. Паппи сдернул его с пояса. Часы показывали 5.10. В такое время не спали только безумцы. Судя по надписи на дисплее, на мобильник передавалась картинка.

Паппи крикнул Элу: «Подожди!» – и спрыгнул с трапа. В предрассветных сумерках всмотрелся в картинку, появившуюся на дисплее.

Обмер.

Раздавленное тело на асфальте. Темная лужа под головой. Паппи сразу понял, что это кровь.

Он поднес мобильник к глазам.

– Господи, нет...

Он разглядел длинные рыжие косички. Грудь пронзила резкая боль, словно его ударили ножом. Он еще на шаг отступил от трапа.

– Паппи! – крикнул с мостика Эл. – Ты в порядке?

Нет! Какой уж тут порядок?!

– Это Абель, – прохрипел он. – Это мой сын!

Мобильник снова завибрировал. Номер опять не высветился. На этот раз пришло текстовое послание. Из четырех слов.

Пытаясь вдохнуть, Паппи рванул воротник, но грудь сжимала печаль – не инфаркт. И злость... на собственную гордость.

Он тяжело опустился на палубу, четыре слова горели перед его глазами:

Увидел все, что хотел?

ГЛАВА 12

Месяцем позже, через несколько дней после того, как они наконец-то провели мемориальную службу (Карен старалась держаться, но давалось ей это ой как нелегко), к дому подъехал грузовичок «Юнайтед парсел сервис», частной почтовой службы, и оставил на переднем крыльце посылку.

Произошло это днем. Дети были в школе, а Карен собиралась на заседание родительского комитета. Она прилагала все силы для того, чтобы жизнь вернулась в привычное русло.

Карен осмотрела большой, толстый конверт. Ни фамилии, ни адреса отправителя не нашла. Только штемпель бруклинского отделения «Юнайтед парсел сервис». Карен не припоминала, чтобы кто-то из ее знакомых жил в Бруклине.

Вернулась на кухню, вскрыла конверт. Присланный предмет был аккуратно завернут в воздушно-пузырчатую пленку, предохраняющую от ударов. Карен аккуратно разрешила ее.

Достала рамку. Десять на двенадцать дюймов. Хромированная. Дорогая.

Под стеклом лежала страница, вроде бы вырванная из блокнота, обгоревшая по одному краю, грязная, с оторванным верхним правым углом, покрытая записями. Множество чисел, имя и фамилия. И строка логотипа.

При виде этой типографской строки у Карен перехватило дыхание.

Со стола Чарльза Фрайлмана

Узнала она и почерк Чарли.

— Это подарок? — спросила Рита, их служанка, поднимая с пола обертку.

Карен кивнула, не зная, сможет ли произнести хоть слово.

— Да...

Вышла на застекленную террасу, села, посмотрела на дождь.

Блокнот ее мужа. Подаренный ею, Карен. Сделанный на заказ. Этот лист вырвали. Числа ей ничего не говорили, как и имя с фамилией. Меган Уолш. Обгоревший край. Похоже, листок долго валялся на земле.

Но он принадлежал Чарли, и писал на нем Чарли. Карен начала бить дрожь.

К рамке скотчем приклеили записку. Карен оторвала ее. Развернула.

Я нашел это через три дня после случившегося в главном терминале Центрального вокзала. Оставил, потому что не знал, причинит боль или поможет. Молю Бога, чтобы помогло.

Без подписи.

Карен не могла в это поверить. В новостях сообщали, что после взрыва по всему вокзалу разлетелись тысячи бумаг, превратившись в подобие конфетти.

Карен всмотрелась в записи Чарли. Ничего не значащие числа и имена. И дата: двадцать второе марта, задолго до его смерти. Какие-то рабочие записи, ничего больше.

Но она понимала — это частичка Чарли. Его почерк. Блокнот был с ним в день его смерти.

Они не отдали ей найденную часть брифкейса. И вот этот листок. Прижимая рамку к груди, Карен на мгновение почувствовала, что Чарльз рядом с ней.

Ее глаза наполнились слезами.

— Ох, Чарли...

Он словно прощался с ней.

«Я не знал, причинит боль или поможет», — написал анонимный отправитель.

«Да, помогает, больше чем помогает... — Карен все прижимала рамку. — В тысячу раз больше».

Всего лишь какие-то числа, какие-то имена, написанные его рукой. Но это все, что у нее осталось.

Она не смогла плакать на его мемориальной службе. Слишком много людей.

Увеличенные портреты Чарли над ними. Все они хотели торжественности, а не печали. И она пыталась показать, какая она сильная.

Но здесь, сидя у окна, прижимая к сердцу листок с записями мужа, она чувствовала себя вправе дать слабину. «Я здесь и с тобой, Чарли», — подумала Карен. И наконец-то разрыдалась.

ГЛАВА 13

Мужчина сидел в автомобиле, припаркованном у тротуара на противоположной от дома Карен стороне улицы. Дождь заливал ветровое стекло. Мужчина курил и стряхивал пепел на мостовую через щелку в приоткрытом окне.

Грузовичок «Юнайтед парсел сервис» только что отъехал. Мужчина знал, какую он доставил посылку. Знал, для чего. А вскоре из дома выбежала Карен Фрайдман, в дождевике, с капюшоном на голове, села в «лексус».

Интересно...

Задним ходом автомобиль выкатился с подъездной дорожки на улицу, проехал мимо мужчины. Тот пригнулся, когда фары «лексуса» осветили ветровое стекло.

«С гибридным приводом», — отметил он, наблюдая в зеркале заднего вида, как «лексус» растворяется в пелене дождя.

Взял мобильник с пассажирского сиденья, где тот лежал рядом с «Вальтером Р38», набрал номер. Взгляд упал на руки. Большие, натруженные, руки рабочего человека.

«Пора вновь их испачкать», — вздохнул он.

— План «А», похоже, не сработал, — доложил он, когда ему наконец ответили.

— Мы не можем ждать вечно.

— Совершенно верно. — Мужчина затаился, выбросил окурочек, завел двигатель, развернул автомобиль и поехал следом за «лексусом». — Я уже приступил к плану «Б».

ГЛАВА 14

Среди прочего Карем приходилось заниматься и ликвидацией фирмы Чарли.

В дела мужа она никогда не вникала. «Харбор кэпител» зарегистрировали как «ограниченное партнерство» {Партнерство, в котором один или несколько участников являются генеральными партнерами, осуществляющими полный контроль и управление деятельностью партнерства, а остальные члены выполняют функции пассивных инвесторов, вложивших капитал и не принимающих участия в делах бизнеса}. Партнерское соглашение предусматривало, что в случае кончины или недееспособности генерального партнера активы фирмы перераспределялись между другими партнерами. Чарли управлял небольшим фондом, его активы составляли порядка двухсот пятидесяти миллионов долларов. Основными инвесторами были банк «Морган Стэнли», где Чарли отработал не один год, и несколько богатых семей, которые он смог привлечь.

Сол Ленник, начальник Чарли в «Морган Стэнли», помогший ему открыть собственное дело, был попечителем фонда.

Карен эта ликвидация давалась с огромным трудом. Прежде всего потому, что все напоминало у Чарли. В штате у него было семь человек, и Карен достаточно хорошо знала их всех, но приятельские отношения у нее сложились лишь с Сэлли, которая вела всю документацию и работала с Чарли со дня основания фирмы, и с помощницей Хизер, которая многое делала и для Карен.

Ленник предупредил, что на оформление всех бумаг может уйти несколько месяцев. Карен ничего не имела против. Чарли хотел, чтобы они ни в чем не нуждались. «Ты же знаешь, с ними он проводил больше времени, чем со мной», — улыбнулась она Солу. И потом, деньги на тот момент особого значения не имели.

По части финансов у нее с детьми все было хорошо. За дом они расплатились, как и за коттедж в Вермонте. Кроме того, Чарли из года в год откладывал какие-то деньги на их общий банковский счет.

И все-таки ей было больно смотреть, как сводят на нет созданную им фирму. Позиции закрывались. Офис на Парк-авеню собирались сдать в аренду. Один за другим уходили люди, подыскав себе новую работу.

Это был последний штрих. Последнее свидетельство того, что Чарли больше нет.

Примерно в это время младший трейдер, Джонатан Лауэр, который проработал в фирме лишь несколько месяцев, позвонил Карен домой. Ее не было, так что он оставил сообщение на автоответчике: «Я бы хотел поговорить с вами, миссис Фрайдман. В удобное для вас время. Есть некоторые нюансы, о которых вы должны знать».

Некоторые нюансы?.. Какими бы они ни были, вникать в них Карен не хотелось. Джонатан был новичком, он только начал работать в «Харбор кэпител». Чарли переманил его из «Морган Стэнли». Она переадресовала сообщение Солу.

— Не волнуйся, я все улажу, — пообещал тот. — При закрытии фирмы всегда возникают щекотливые проблемы. Люди пытаются защитить свои интересы. У некоторых могли быть специальные бонусные программы. Чарли многое держал в голове, нигде это не фиксируя. Сейчас тебе незачем во все это вникать.

Он был прав. Сейчас она мало во что могла вникнуть. В июле уехала на неделю с Полой и ее мужем Риком в их летний домик в Сэг-Бэй. Вернулась в читательскую группу,

вновь начала заниматься йогой. Господи, как же ей этого не хватало!.. Тело вновь начало оживать. А вслед за ним и душа.

Наступил август, Саманта нашла работу в местном пляжном клубе. Алекс с командой по лакроссу уехал в спортивный лагерь. Карен уже подумывала, не записаться ли ей на курсы подготовки риелторов.

Джонатан Лауэр вновь побеспокоил ее.

На этот раз он застал Карен дома. Однако трубку она не сняла. Прослушала то же сообщение: «Мисс Фрайдман. Я думаю, нам нужно поговорить...» — и не решилась вступить в разговор. Ей не нравилось, что она избегает встречи с ним, ведь Чарли всегда высоко отзывался об этом молодом человеке, но она просто не могла заставить себя снять трубку. И когда голос Джонатана смолк, отругала себя.

ГЛАВА 15

В сентябре, когда дети вернулись к учебе, Карен вновь столкнулась с лейтенантом Хоуком, детективом из Гринвича.

Случилось это в перерыве футбольного матча на школьном стадионе. Местная команда играла с «Западным Стэмфордом». Карен вызвалась продавать лотерейные билеты Атлетического центра для подростков. На трибунах яблоку негде было упасть. Погода в это субботнее утро выдалась солнечной, пусть и прохладной. На поле играл духовой оркестр. Она пошла в буфет, чтобы выпить чашечку кофе.

Поначалу Карен даже не узнала его. В синем пуловере и джинсах, с симпатичной девчушкой лет девяти или десяти, которая гордо восседала у него на плечах. Собственно, они столкнулись в толпе.

— Лейтенант?..

— Хоук. — Он повернулся к ней, глаза блеснули.

— Карен Фрайдман, — напомнила она и прикрыла ладонью глаза от солнца.

— Конечно, я помню. — Он опустил девочку на землю. — Джесс, поздоровайся с миссис Фрайдман.

— Привет! — Симпатичная девчушка, чуть смущаясь, помахала ей рукой. — Рада с вами познакомиться.

— И я тоже рада, милая, — улыбнулась Карен. — Ваша дочь?

Лейтенант кивнул.

— Вот и хорошо. — Хоук потер спину. — Она уже слишком большая, чтобы подолгу носить ее. Точно, солнышко? Почему бы тебе не поискать своих подруг? Я сейчас подойду.

— Ладно. — Девочка нырнула в толпу.

— Ей девять? — спросила Карен.

— Десять. Но иногда она все равно просит посадить ее на плечи. Надеюсь, через год-другой она с гневом откажется, если я посмею такое ей предложить.

— От таких папиных предложений девочки никогда не отказываются. — Карен покачала головой и улыбнулась: — Даже когда вырастают.

Толпа обтекала их с обеих сторон. Какой-то здоровяк в тренировочной футболке Гринвича, проходя мимо, хлопнул Хоука по плечу.

— Привет, Лег...

— Привет, Ролли, — махнул ему рукой Хоук.

— Я хотела выпить кофе.

— Позвольте вас угостить, — предложил Хоук. — И поверьте мне, так дешево вы кофе нигде не получите.

Они подошли к буфету. Женщина, которая стояла за кофеваркой, сразу узнала его.

— Привет, Тай! Как дела, лейтенант? Такое ощущение, что тебя-то нам сегодня на поле и не хватает.

— Да, двадцать чашек вот этого напитка, по уколу кортизона в каждое колено, и можно выпускать. — Он достал пару купюр.

— За счет заведения, лейтенант, — отмахнулась женщина. — Рекламная кампания.

— Спасибо, Мэри. — Хоук подмигнул ей. Протянул одну чашку Карен.

Они высмотрели свободный столик, подошли, сели на металлические стулья.

— Видите? — Он пригубил кофе. — Одна из немногих оставшихся у меня привилегий.

— Звание дает вам на это право. — Карен сделала вид, что увиденное произвело на нее впечатление.

— Нет, — покачал головой Хоук. — Прошлые заслуги. В 1975 году команда гринвичской школы стала чемпионом округа, вышла в финал первенства штата. Такое не забывается.

Карен улыбнулась. Поправила волосы.

— Как поживаете? — спросил детектив. — У меня пару раз возникала мысль заглянуть к вам. Когда я видел вас в последний раз, выглядели вы ужасно.

– Я знаю, – кивнула Карен. – И чувствовала себя соответственно. Но понемногу отхожу. Время... – Она вздохнула, отпила кофе.

– Так говорят... – Лейтенант последовал ее при меру. – Значит, ваши дети учатся в средней школе?

– Двое. Саманта в этом году заканчивает. Алекс – во втором классе {В США двенадцатилетнее образование, включающее три ступени. Четыре последних года – средняя школа}. Он играет в лакросс. И по-прежнему очень переживает.

– Само собой. – Кто-то, протискиваясь, задел его по спине. Он чуть наклонился вперед, сжал губы. Да и что тут можно было сказать?

– Вы тогда расследовали дело о наезде. – Карен сменила тему. – Какой-то паренек из Флориды. Водителя нашли?

– Нет. Но я выяснил, как имя и телефон вашего мужа оказались в его кармане.

И рассказал Карен о «мустанге».

– «Крошка Чарли». – Карен кивнула и улыбнулась. – Все понятно. Автомобиль по-прежнему в гараже. В завещании Чарли попросил его не продавать. Может, возьмете, лейтенант? Вам нужна американская икона? Всего-то восемь тысяч баксов за то, чтобы пару раз выкатывать ее из гаража...

– Извините. У меня уже есть американская икона. Банковский счет на обучение дочери в колледже. – Он рассмеялся.

По системе громкой связи объявили, что команды выходят на поле. Оркестр направился к проходу между трибун под мелодию Бон Джови «Кто говорит, что ты не можешь пойти домой?». Из толпы вынырнула дочка лейтенанта.

– Папуля, пошли! Я хочу сидеть с Элизой.

– Начинается второй тайм. – Лейтенант поднялся.

– Она такая милашка. Ваша старшая?

– Моя единственная, – ответил детектив после короткой паузы. – Спасибо.

Их взгляды на мгновение встретились. И Карен почувствовала: глубоко посаженные глаза что-то скрывают.

– Как насчет лотерейного билета Атлетического центра? – спросила она. – Благое дело. Программа развития. – Она рассмеялась. – Помогайте, а то я в отстающих.

– Боюсь, на благо спорта я уже отдал все, что мог, – смиренно вздохнул лейтенант, похлопав себя по коленям.

Она оторвала один билет, написала его фамилию.

– За счет заведения. Знаете, ваши слова в тот день мне очень помогли. Насчет того, что вы знаете, каково мне сейчас. Наверное, мне тогда требовалось такое вот неформальное сочувствие. Я это оценила.

– Да... – Хоук покачал головой, беря билет из ее руки. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. – Сегодня у меня день подарков.

– Расплата за добрые дела, лейтенант.

Они встали.

– Папа, пошли! – нетерпеливо позвала дочь.

– Успеха вам с лотереей. Знаете, если вы до конца игры продадите хоть несколько, можете считать, что вам повезло.

Карен рассмеялась:

– Я рада нашей встрече, лейтенант.

Хоук помахал ей рукой, направляясь к дочери.

– Надеюсь, еще увидимся.

ГЛАВА 16

Его захватили врасплох, решил вечером Хоук, стоя у мольберта в своем маленьком, на две спальни, доме, который он арендовал на авеню Евклида в Стэмфорде, с видом на Холли-Коув.

Опять морская тематика. Шлюп в гавани, со свернутыми парусами. И на палубе – никого. Это все, что он обычно рисовал. Корабли.

Джесси сидела в своей комнате, смотрела телевизор, отправляла текстовые сообщения. Они съели пиццу в «Моне Лизе», посмотрели новый полнометражный мультипликационный фильм. Джесс прикидывалась, что ей скучно. Он наслаждался.

– Это все для трехлеток, папуля! – Она закатила глаза.

– Возможно, – не стал спорить он. – Но пингвины клевые.

Хоуку здесь нравилось. Один квартал до маленькой бухты. Маленький двухэтажный коттедж, построенный в шестидесятых. Хозяин недавно сделал ремонт. С балкона на втором этаже, где находилась гостиная, виден пролив Лонг-Айленд. В соседнем доме жили французы, Ричард и Жаклин. Они реставрировали старинную мебель (мастерская находилась в гараже) и всегда приглашали его на вечеринки, куда в основном приходили люди, которые говорили с ужасным акцентом, и где подавши! неплохое вино.

Да, они захватили его врасплох. Нахлынувшие чувства. Как он заметил ее глаза, карие и притягивающие. Как ее смех естественным образом сочетался с ними. Как она чуть растягивала слова, словно родилась не в этих краях. И ее светло-каштановые волосы, забранные в девичий конский хвост.

Как она сунула ему в руку лотерейный билет и пыталась вызвать у него улыбку. Так непохоже на Бет. Когда рухнул ее мир.

Хоук провел тонкую линию от мачты парусника, растворил ее в синеве неба.

Присмотрелся. Тошниловка.

Никто не спутал бы его с Пикассо.

Она спросила, старшая ли Джессика, и он ответил после паузы, которая длилась вечность, что она его единственная. Он мог бы ей сказать. Она бы поняла. Она через это прошла.

«Перестань, Тай, почему все всегда должно возвращаться к этому?»

Тогда у них было все. У него и Бет. Даже не верится, что когда-то они любили друг друга. Когда-то она думала, что он самый сексуальный мужчина на свете. А он считал ее самой сексуальной женщиной.

«Моя единственная...»

Что он забыл в магазине и поспешил вернуться? Упаковку йогуртов...

Торопливо поставил «мини-вэн» на паркинг {При установке ручки управления автоматической коробки передач на паркинг выходной вал, соединенный с колесами, заблокирован}. Сколько раз он это делал, и ручка переключения скоростей оставалась на месте? Тысячу? Сто тысяч?

– Будьте осторожнее, девочки. Папе нужно выйти из гаража...

И когда он уже был готов вернуться к машине, с чеком в одной руке, с бумажником – в другой, они услышали крик Джессики.

У Бет округлились глаза.

– Господи, Тай, нет! – Через окно кухни они увидели катящийся назад «мини-вэн».

Нора не издала ни звука...

Хоук положил кисточку. Провел по лбу ладонью. Ему пришлось за это заплатить. Бет развелась с ним. Он начинал плакать, если смотрел в зеркало. И Джессику он теперь мог видеть только по выходным.

Вот так он потерял все.

Мыслями он вернулся в прошедшее утро. Веснушки, пляшущие на ее щеках. Они заставили его улыбнуться.

«Спустись на землю, Тай... Она, наверное, ездит на автомобиле, который стоит раз в пять дороже, чем твой. Она только что потеряла мужа. В другой жизни, возможно...»

И в другое время.

Но чувства вновь удивили его, когда он взял в руку кисточку. Что он думал... что ощущал? Он проснулся, ожил.

И вот это самое странное, решил Хоук. Он-то думал, что уже ничто не может его удивить.

ГЛАВА 17

Декабрь

Их жизнь начала упорядочиваться. Сэм подала заявления о приеме в университеты Тафтса и Бакнелла {Крупные частные университеты, находящиеся соответственно в штатах Массачусетс и Пенсильвания}, в списке ее предпочтений они занимали две первые строчки. На собеседования Карен съездила вместе с ней.

И вот тогда к ней в дверь постучали двое мужчин.

– Миссис Фрайдман? – спросил один из них, пониже ростом. С резкими чертами лица, коротко стриженными светлыми волосами, в сером деловом костюме под дождевиком. Второй, худощавый, высокий, в очках с роговой оправой, держал в руке кожаный брífкейс, из тех, что в почете у адвокатов. – Мы из частной аудиторской компании, миссис Фрайдман. Позвольте войти?

Поначалу она решила, что они представляют государственный фонд, учрежденный для семей жертв. Она слышала от родственников других погибших, что люди эти держатся очень холодно и официально. Она открыла дверь.

– Благодарю. – Светловолосый говорил с легким европейским акцентом. Протянул визитную карточку «Арчер энд Бей ассошиэйтс». Йоханнесбург, Южная Африка. – Я – Пол Руз, миссис Фрайдман. Моего коллегу зовут Пол Гиллеспи. Мы не отнимем у вас много времени. Может, присядем?

– Разумеется... – Не нравились Карен эти молодые люди, их бесстрастные манеры. Она еще раз взглянула на визитку. – Если ваш приход как-то связан с моим мужем, сразу скажу, что ликвидацией фонда занимается Сол Ленник из «Уайтэкп кэпител груп»...

— Мы связывались с мистером Ленником, — ответил Руз все также бесстрастно. Шагнул к гостинной. — Если позволите...

Она усадила их на диван.

— У вас красивый дом! — Руз оглядел гостиную.

— Благодарю. Так вы аудиторы? — Карен предпочитала не отвлекаться. — Я думаю, фондом моего мужа занималась местная фирма. «Росс энд Уайнер». А вы представляете...

— Мы не имеем отношения к фонду вашего мужа, миссис Фрайдман, — южноафриканец положил ногу на ногу, — но представляем интересы некоторых его инвесторов.

— Инвесторов?

Карен знала, что наибольшие инвестиции в фонд Чарли шли от «Морган Стэнли». Со дня основания фонда в него инвестировали О'Флинны и Хейзены.

— Каких инвесторов? — в недоумении переспросила она.

Руз сухо улыбнулся:

— Просто... инвесторов.

Эта улыбка начала действовать Карен на нервы.

Его спутник, Гиллеспи, открыл брифкейс.

— Вы получили деньги от ликвидации активов фирмы вашего мужа, не так ли, миссис Фрайдман?

— Вот это больше похоже на аудит! — резко ответила Карен. — Да. И что тут не так? — После продажи всех активов, с учетом последних расходов, доля Чарли составила чуть меньше четырех миллионов долларов. — Может, все-таки объясните, в чем дело?

— Мы проверяем некоторые сделки... — Гиллеспи положил на кофейный столик толстый отчет в кожаном переплете.

— Послушайте, к делам моего мужа я не имела никакого отношения. — Все это уже не на шутку тревожило Карен. — Я уверена, если вы говорили с мистером Ленником...

— Речь идет о недостачах, — уточнил бухгалтер.

Визитеры определенно вызывали раздражение. Карен до сих пор не могла понять, по какой причине они пришли. Вновь посмотрела на визитные карточки.

— Вы аудиторы?

— Аудиторы и судебные следователи, миссис Фрайдман, — отозвался Руз.

— Мы пытаемся разобраться в некоторых аспектах деятельности фирмы вашего мужа, — объяснил Гиллеспи. — В бумагах есть... скажем так, некоторые неясности. Мы понимаем, что независимый хеджевый фонд волен не соблюдать некоторые формальности.

— Послушайте, я думаю, вам следует уйти. Я думаю, будет лучше, если со всеми этими вопросами вы обратитесь...

— Но в одном сомнений нет, — продолжил бухгалтер, словно и не слышал ее. — Пропала крупная сумма денег.

— Пропала... — Карен встретила с ним взглядом, сдерживая злость. Сол ничего не говорил о пропавших деньгах. — Так почему вы здесь? Что ж, может, не все так плохо, мистер Гиллеспи? Мой муж умер, как вам, должно быть, известно. Однажды утром восемь месяцев назад ушел на работу и не вернулся. Поэтому скажите мне... — Она встала. — О какой сумме идет речь, мистер Гиллеспи? Я принесу кошелек.

— Мы говорим о двухстах пятидесяти миллионах долларов, миссис Фрайдман, — невозмутимо ответил бухгалтер. — Выдержите дома такие деньги?

Сердце Карен упало. Она села, слова бухгалтера пронзили ее, словно пули. А лицо мистера Гиллеспи оставалось бесстрастным.

— Что вы такое говорите?

Руз вновь взял инициативу на себя, наклонился вперед:

— Мы говорим о чертовски больших деньгах, которые оставались неучтенными в фирме вашего мужа, миссис Фрайдман. И наши клиенты хотят, чтобы мы нашли эти деньги.

Двести пятьдесят миллионов... Сумма настолько поразила Карен, что она не могла даже смеяться. Ликвидация фонда прошла так гладко. Да все активы бизнеса Чарли не превышали этой суммы.

Она посмотрела в их тусклые, ничего не выражающие глаза. Поняла, что они намекают на какие-то деяния ее мужа. Но Чарли умер. И не мог себя защитить.

— Я не уверена, что нам следует продолжать этот разговор, мистер Гиллеспи, мистер Руз. — Карен снова встала. Она хотела, чтобы эти мужчины покинули ее дом. Как можно быстрее. Немедленно. — Я говорила вам, что не участвовала в бизнесе моего мужа. С вашими претензиями вам следует обратиться к мистеру Леннику. Попрошу вас уйти.

— Мы ни в коем случае не хотели причинить вам боль или обидеть вас, миссис Фрайдман. — Голос Руза звучал примирительно. — Но должен предупредить, что может начаться расследование. И я рекомендую вам не тратить деньги, полученные после ликвидации хеджевого фонда вашего мужа. — Он опять улыбнулся, еще раз оглядел гостиную. — Как я и говорил, у вас чудесный дом... Но мы сочли необходимым предупредить вас. — Он повернулся к двери. — Возможно, проверка ждет и ваши личные счета.

Волоски на руках Карен встали дыбом.

ГЛАВА 18

Карен потребовалось несколько минут – панических минут, – чтобы дозвониться до Сола Ленника.

Секретарю пришлось попотеть, чтобы разыскать его. Ленник улетел в Европу, в деловую командировку, но по возбужденному голосу Карен секретарь поняла, что найти его необходимо.

– Карен?

– Сол, извини, что беспокою... – Она едва сдерживала слезы. И рассказала о визите двоих мужчин из «Арчера».

– Откуда?

– «Арчер энд Бей ассошиэйтс». Они аудиторы, судебные следователи. В визитке указано, что они из Южной Африки. Они сказали, что говорили с тобой.

Он попросил ее вновь все пересказать уже более подробно, задал несколько вопросов об именах и о сути сказанного ими.

– Карен, послушай. Прежде всего будь уверена, что тебя это совершенно не касается. Ликвидация партнерства «Харбор» близка к завершению, и я заверяю тебя, что все активы учтены в документации. Если на то пошло, могу тебе сказать, что в последние дни Чарли понес убытки. Он сильно вложил в акции канадских месторождений, которые не оправдали надежд.

– Кто эти люди, Сол?

– Не знаю, подозреваю, какая-то заокеанская бухгалтерская фирма, но я выясню. Возможно, их нанял кто-то из инвесторов Чарли, с тем чтобы замедлить процесс ликвидации фонда.

– Они говорили о сотнях миллионов долларов, Сол! Ты знаешь, Чарли такими суммами не управлял. Они предупредили, что мне не стоит тратить деньги, полученные при ликвидации фонда. Это деньги Чарли, Сол! У меня мурашки бегут по коже. Они сказали, что проверка может коснуться и моих личных счетов.

– Этого не случится, Карен. Видишь ли, есть некоторые мелочи, за которые при желании можно зацепиться...

– Какие мелочи, Сол? – Ничего такого раньше он ей не говорил.

– Можно поставить под сомнение некоторые сделки. Какие-то ошибки можно найти в инвестиционных соглашениях Чарли. Но я не хочу забегать вперед паровоза. В этом нет никакой необходимости.

– Чарли мертв, Сол! Он не может защищать себя! Сколько раз я слышала, как он тревожился из-за денег своих клиентов! Это была его жизненная позиция. А эти люди, эти намеки... Они не имели права приходить ко мне, Сол!

– Карен, не сомневайся, у них не было ни единого основания так говорить. Кем бы они ни были, они просто пытаются замутив воду. И они сильно ошиблись, обратившись к тебе.

– Да, Сол, возможно, ошиблись. – Ярость, от которой Карен трясло, начала стихать. – Но они приходили сюда. Я не хочу больше их видеть в моем доме! Слава Богу, Саманта и Алекс были в школе.

– Послушай, Карен, отправь мне факсом их визитку. Постараюсь с этим разобраться. И позабочусь о том, чтобы больше этого не повторилось.

– Чарли дорожил своей репутацией. Ты это знаешь лучше других.

– Знаю, Карен. Чарли был для меня вторым сыном. Ты понимаешь, что твои интересы я ставлю превыше всего?

Она отбросила волосы с лица, все больше успокаиваясь.

– Я понимаю...

– Пришли мне визитку, Карен. И я хочу быть первым, кому ты позвонишь, если они все-таки заявятся к тебе еще раз.

– Спасибо, Сол.

Внезапно какое-то странное чувство накатило на Карен, неудержимое желание разрыдаться. Такое с ней теперь случалось. На этот раз слезы вызвали мысли о необходимости защищать репутацию мужа. Но за считанные секунды ей удалось взять себя в руки.

– Я это от души, Сол... Действительно, спасибо тебе.

– Ты могла бы этого не говорить, Карен, – ответил наставник ее мужа.

Ему не хватило духа рассказать ей обо всем в этот раз. И он сомневался, что когда-нибудь расскажет.

Ленник положил трубку на рычаг в вестибюле мюнхенского отеля «Времена года».

Неделей раньше звонил коллега из Королевского банка Шотландии, один из заемщиков, которого он свел с Чарли: фонд использовал в своих операциях деньги банка. В голосе банкира слышалась легкая тревога.

Ему стало известно о случайной проверке нефтяного танкера, которую провела таможня Джакарты.

У Ленника на мгновение остановилось сердце. Он крутанул вращающийся стул, повернулся спиной к столу.

— А что такое?

— Какое-то несоответствие в описании груза, — ответил банкир.

Согласно документам в танках находилось 1,4 миллиона баррелей нефти. Но таможенники обнаружили, что танкер пуст, заявил банкир.

Лицо Ленника посерело.

— Я уверен, это какая-то ошибка, — продолжил шотландский банкир.

Эти 1,4 миллиона баррелей нефти по шестьдесят два доллара за баррель банк получил в залог от Чарльза Фрайдмана за предоставленный кредит.

Банкир откашлялся.

— Есть какие-то основания для тревоги?

Ленник почувствовал, как по спине побежал холодок. «Я с этим разберусь», — пообещал он коллеге, и этого хватило, чтобы банкир успокоился. Но, положив трубку, Ленник закрыл глаза.

Подумал о недавних убытках Чарли, о напряжении, под которым ему приходилось работать. Под которым работали они все. Как много назанимал Чарльз?

«Глупый ты сукин сын, Чарли, — вздохнул Ленник. Потянулся к телефонному аппарату, начал набирать номер. — Как ты мог впасть в такое отчаяние, идиот, проявить такую безответственность? Или ты не знал, что это за люди?»

Эти люди не любили светиться. И терпеть не могли, если кто-то совал нос в их дела. Теперь все придется перестраивать. Все, Чарли...

Даже сейчас, в отеле «Времена года», от воспоминаний о слишком уж деликатном вопросе банкира у Ленника пересохло во рту.

«Есть ли какие-то основания для тревоги?»

ГЛАВА 19

Во второй день хоккейных тренировок в конце февраля Сэм Фрайдман поставила клюшку в свой шкафчик в раздевалке и закрыла дверцу.

В школьной команде девушек она играла правого нападающего. В прошлом году они потеряли двух главных форвардов, которые окончили школу, так что этот сезон обещал быть сложным. Сэм надела куртку, заглянула в дневник. Завтра контрольная по рассказу Тобиаса Вульфа, это по литературе, а по истории — глава о Вьетнаме. Поскольку ее приняли в университет Тафтса еще в январе, она не так уж и налегала на учебу. Вот и сегодня их компания собиралась встретиться вечером, может, даже выпить пива.

Для старшекласников — обычное дело.

Выйдя на стоянку, Сэм подбежала к своему синему внедорожнику «акура», открыла дверцу, бросила сумку с книгами на переднее пассажирское сиденье, села за руль, завела двигатель. Включила айпод, нашла свою любимую песню.

— И я говорю, что не приду... — запела она, копируя Дженнифер Хадсон в фильме «Девушки мечты». Уже взялась за ручку автоматической коробки передач.

В этот момент чья-то рука накрыла ее рот и прижала затылком к подголовнику.

— Ни звука, Саманта, — раздалось сзади.

Незнакомец знал ее имя, и это напугало Саманту больше всего. Она почувствовала, как внутри все похолодело, попыталась скосить глаза, чтобы разглядеть человека в зеркале заднего вида.

— Тихо, Саманта! — Незнакомец развернул ее лицо так, чтобы она смотрела прямо перед собой. — Не пытайся рассмотреть меня. Для своего же блага.

«Как он узнал мое имя?»

Она вспомнила, что миллион раз читала о таких вот ситуациях. «Не сопротивляйся. Делай все, что он говорит. Отдай деньги, драгоценности, все, что попросит. Пусть он свое получит. Чего бы ни попросил».

— Ты испугалась, Саманта, не так ли? — спросил мужчина приглушенным голосом. Его рука продолжала зажимать ей рот.

Она кивнула.

— Я тебя не виню. Я бы тоже испугался.

Она оглядывала автостоянку, моля Бога, чтобы кто-нибудь появился. Но в этот поздний, темный час стоянка пустовала. Саманта почувствовала шеей горячее дыхание незнакомца. Закрыла глаза.

«Господи, он собирается изнасиловать меня. А то и хуже...»

— Но сегодня у тебя счастливый день. Я не причиню тебе вреда, Саманта. Я просто хочу, чтобы ты передала одному человеку несколько слов. Ты это сделаешь?

Да, кивнула Саманта, да. «Держись, держись, — молила она себя. — Он тебя отпустит».

— Твоей мамочке.

«Моей мамочке... При чем здесь мама?»

— Я хочу, чтобы ты передала ей, Сэм, что расследование скоро начнется. И это будет очень личное расследование. Она поймет. Мы не из тех, кто терпеливо ждет... целую вечность. Я думаю, ты это видишь, не так ли? Ты меня понимаешь, Сэм?

Она закрыла глаза. Ее трясло. Она кивнула.

— Хорошо. Скажи ей, что часы пошли. И ей не захочется увидеть, что произойдет, когда они остановятся, я могу это обещать. Ты меня слышишь, Сэм? — Он чуть отвел руку.

— Да, — прошептала Саманта дрожащим голосом.

— А теперь не оглядывайся, — предупредил мужчина. — Я сейчас уйду. — Его лицо скрывал капюшон. — Поверь мне, меньше знаешь — крепче спишь.

Саманта застыла. Лишь голова моталась взад-вперед.

— Понимаю.

— Отлично.

Дверца открылась. Мужчина выскользнул из салона. Она не скосила взгляд на боковое зеркало. Не обернулась. Смотрела прямо перед собой. Как ей и велели.

— Ты папенькина дочка, не так ли, Сэм?

Ее глаза широко раскрылись.

— Запомни сумму. Двести пятьдесят миллионов долларов. Скажи матери, долго мы ждать не будем.

ГЛАВА 20

Карен крепко прижимала к себе дочь. Они сидели на диване в гостиной. Саманта рыдала, уткнувшись лицом в плечо матери, и едва могла говорить. Она позвонила Карен, как только мужчина ушел. Потом в панике помчалась домой. Карен немедленно позвонила в полицию. И теперь тихую улицу освещали мигалки.

— Почему школа не охраняется? — набросилась Карен на первого полицейского, вошедшего в дом. — Почему на территорию может зайти кто угодно? — Карен повернулась к Сэм и раздраженно бросила: — Крошка, как ты могла не запереть автомобиль?

— Я не знаю, мама.

Но глубоко в душе Карен знала — дело-то не в Саманте. Не в обеспечении охраны территории школы. Не в запертых дверцах автомобиля.

Причиной был Чарли.

Точнее, что-то такое, что он сделал. И ничего ей не сказал.

Они бы нашли Саманту в торговом центре, или около чьего-то дома, или в клубе, где она работала. Но добраться они хотели не до Саманты, и Карен это знала.

Они хотели добраться до нее.

А она понятия не имела, чего добивались эти люди.

Когда Карен заметила входящего в дверь лейтенанта Хоука, ее вдруг охватило безмерное облегчение. Она вскочила, подбежала к нему. Едва удержалась от того, чтобы не обнять.

Хоук положил руку ей на плечо.

— С ней все хорошо?

— Да. — Карен облегченно кивнула. — Думаю, что да.

— Я знаю, ей уже пару раз задавали все эти вопросы, но мне тоже надо с ней поговорить.

Карен повела его к дочери.

— Хорошо.

Хоук сел на кофейный столик, прямо перед Самантой.

— Сэм, я лейтенант Хоук, возглавляю отдел детективов полиции Гринвича. Мы с твоей мамой знакомы по тем дням, когда погиб твой отец. Я хочу, чтобы ты в точности рассказала мне, что произошло.

Карен кивнула дочери, села рядом с ней на диван, взяла за руку.

Всхлипывая, Саманта повторила свой рассказ. Она вышла из спортивного комплекса после тренировки, села в автомобиль, включила айпод. На заднем сиденье, совершенно неожиданно для нее, возник мужчина, зажал ей рот, чтобы она не закричала, заговорил ледяным голосом, от которого по коже бежали мурашки.

— Я так испугалась, мама!..

Карен сильнее сжала ее руку.

— Я знаю, детка, знаю...

Она сказала Хоуку, что разглядеть незнакомца ей не удалось.

— Он велел мне не смотреть на него, и я боялась, что он изнасилует меня или убьет.

— Ты все сделала правильно, милая, — заверил ее Хоук.

— Он сказал, что скоро начнется расследование. И оно будет очень личным. Упомянул какие-то двести пятьдесят миллионов долларов. — Саманта посмотрела на мать:

— О чем он говорил, мама?

Карен без малейшей заминки покачала головой:

— Я не знаю.

Когда Хоук задал все вопросы, Карен поднялась с дивана. Попросила пройти с ней во внутренний дворик. В темноте они видели огни кораблей, плывущих по проливу.

— Вы представляете себе, что все это значит? — спросил Хоук.

Карен глубоко вздохнула и кивнула:

— Да.

«И нет...»

Она рассказала ему о визите двоих мужчин из «Арчер энд Бей», которые спрашивали ее о пропавших деньгах.

— О двухстах пятидесяти миллионах долларов, — призналась она.

А теперь вот это.

— Я не знаю, что происходит. — Карен покачала головой, ее глаза заблестели. — Попечитель фонда Чарли... он наш добрый друг, заверяет, что с бухгалтерией фонда все чисто. И я уверена, что так оно и было. Эти люди... — Карен посмотрела на Хоука. — Чарли был хорошим человеком. Не связывался с грязными деньгами. Мне кажется, они обратились не по адресу. Клиентов у Чарли было немного. «Морган Стэнли», несколько обеспеченных семей, его давних знакомых.

— Вы понимаете, что с этим придется разбираться? — спросил Хоук.

Карен кивнула.

— Но если ваша дочь не назовет мне приметы преступника, задача сильно усложнится. На стоянке есть видеокamеры. Может, кто-то его заметил. Но уже стемнело, и в такой час вряд ли там могло быть много народу. А эти люди, безусловно, профессионалы.

Карен вновь кивнула:

— Знаю.

Она наклонилась вперед, от избытка вопросов вдруг закружилась голова, колени начали подгибаться:

Лейтенант положил руку ей на плечо. Она не отстранилась.

Карен нашла в себе силы пережить смерть Чарли, долгие месяцы неопределенности и одиночества, ликвидацию его фирмы. Но теперь вот не выдержала. Слезы покатались из глаз, горячие слезы скорби, страха, замешательства. Страх, что внезапно в эту историю оказались вовлечены дети. Страх перед неизвестностью. Слезы лились и лились. Она ненавидела эти слезы. Ненавидела возникшие сомнения в честности мужа. Ненавидела тех людей, которые вторглись в ее жизнь.

— Я позабочусь о вашей защите. — Лейтенант сжал плечо Карен. — Возле вашего дома будет дежурить полицейский. И какое-то время мы понаблюдаем, не следит ли кто за вашими детьми, когда они едут в школу и возвращаются домой.

Она посмотрела на него, глубоко вдохнула.

— У меня такое чувство, будто мой муж что-то сделал, лейтенант. По части бизнеса. Чарли всегда рисковал, и вот теперь один из его рисков отозвался. Но он мертв. И не может отвести от нас угрозу. — Она вытерла глаза. — Он ушел, а мы по-прежнему здесь.

— Мне нужен список его клиентов.

— Хорошо.

— И мне нужно поговорить с Ленником, попечителем фонда вашего мужа.

— Я понимаю. — Карен подалась назад, пытаясь взять себя в руки. Потекла тушь. Она протерла глаза.

— Я что-нибудь найду. Обещаю вам. И сделаю все, чтобы надежно вас защитить.

— Спасибо, лейтенант. — Она вновь прижалась к нему. — За все.

Когда он убирал руку с ее свитера, затрещало статическое электричество.

— Послушайте, — он улыбнулся, — я, конечно, не очень знаком с порядками на Уолл-стрит, но все-таки думаю, что «Морган Стэнли» не прибегает к таким методам, чтобы получить долги.

ГЛАВА 21

Звонок раздался в половине двенадцатого вечера. Ленник только-только вышел из лимузина у своего дома на Парк-авеню. Они вернулись из оперы. Мими, его жена, в ванной снимала макияж.

— Ты можешь взять трубку, Сол?

Ленник как раз разувался. И он прекрасно знал, что означают столь поздние звонки. Раздраженно сдернул трубку. «Ну почему не подождать до утра?»

— Алло?

— Сол!

Карен Фрайдман. По голосу чувствовалось, что она очень расстроена и взволнована. Он сразу понял: что-то не так.

— Что случилось, Карен?

Она рассказала о происшествии у школы.

Ленник встал. Саманту он считал своей внучатой племянницей. Приходил на празднование ее батмицвы {В иудаизме девочка, достигшая возраста 12 лет и одного дня считается правомочной блюсти все заповеди, исполнение которых предписано женщине еврейской религиозной традицией. В настоящее время не столько религиозный, как светский праздник}. Открыл для нее и для Алекса счет в своей фирме. Защемило сердце.

— Господи, Карен, с ней все в порядке?

— Она в порядке... — Карен всхлинула. — Но... — И рассказала о требовании денег. И о том, что незнакомец назвал ее папенькиной дочкой. — Что это значит, Сол? Это какая-то угроза?

В нижнем белье и носках Ленник плюхнулся на кровать. Подумал о Чарли. О лавине, которую тот вызвал.

«Безмозглый ты сукин сын». Покачал головой, вздохнул.

— Что-то происходит, Сол. Ты уже собрался что-то сказать мне пару недель назад. Но посчитан, что тогда не самое удачное время... Так вот, я только что уложила дочь в свою кровать. — Голос Карен стал жестче. — Она испугана до смерти. Как думаешь, Сол, сейчас удачное время?

ГЛАВА 22

Компании «Арчер энд Бей» не существовало.

Название на визитке — ничего больше. Звонок давнему приятелю в Интерпол, быстрый просмотр по Интернету компаний, зарегистрированных в Южной Африке, и все стало ясно. Выдуманными оказались и адрес в Йоханнесбурге, и телефонный номер.

У Хоука не вызывало сомнений, что кто-то пытался вымогать у нее деньги. Кто-то знакомый с делами ее мужа. С этим согласился и Ленник, с которым чуть раньше встречался лейтенант.

— С вами хотят поговорить, лейтенант!

На местном жаргоне сие означало, что звонит его бывшая жена. Хоук положил руку на трубку и снял ее через пару секунд.

— Слушаю, Бет, как дела?

— Все в порядке, Тай. А ты?

— Как Рик?

— И у него все хорошо. Получил под свое крыло новые территории. Пенсильванию и Мэриленд. — Рик, новый муж Бет, работал региональным менеджером в крупной ипотечной компании.

— Это хорошо. Поздравляю. Джесс что-то такое говорила.

— В какой-то степени поэтому я и звоню. Мы думаем о том, чтобы все-таки отправиться в эту поездку, которую столько откладывали. Ты знаешь, мы обещали Джесси показать Орландо. Тематический парк.

Хоук напрягся.

— Ты знаешь, Бет, я рассчитывал, что сам поеду туда с ней.

— Да, я знаю, ты всегда так говоришь, Тай. Но... на этот раз мы действительно едем.

Хоуку пришлось признать, что она, пожалуй, права.

— И когда вы туда собираетесь, Бет?

Вновь пауза.

— Мы думаем о Дне благодарения.

— О Дне благодарения? — Хоук аж подпрыгнул. — Я думал, мы договорились, что в этом году День благодарения — мой. Я собирался отвезти Джесс в Бостон, к моей сестре. К ее кузинам. Она давно их не видела.

— Я уверена, ей бы там понравилось, Тай. Но возникла эта идея. «Дисней уорлд», ты понимаешь?..

— У Рика там какая-нибудь конференция или что? — раздраженно спросил Хоук.

Бет не ответила.

— Это «Дисней уорлд», Тай, — повторила она. — Джессику ты можешь взять на Рождество.

— Нет! — Он бросил ручку на стол. — Я не могу взять ее на Рождество, Бет. Мы об этом говорили. Мы все распланировали. На Рождество я уезжаю. — Со школьными приятелями он собрался на рыбалку на Багамы, впервые за долгие годы. — Незачем к этому возвращаться, Бет.

— Ах да. — Она вздохнула, словно память вдруг ее подвела. — Ты прав. Теперь вспоминаю.

- Почему не спросить Джесс?
- Спросить Джесс о чем. Тай?
- Спросить ее, куда она хочет поехать.
- Я не должна спрашивать ее, Тай. Я ее мать.

Он уже собирался огрызнуться: «Черт побери, Бет, а я ее отец», – но знал, к чему это приведет.

– Мы уже забронировали билеты, Тай. Извини. Я позвонила не для того, чтобы ссориться.

Он шумно выдохнул.

– Ты знаешь, что ей нравится в Бостоне. С кузинами. Они ждут нас. И ей нужно видаться с ними раз или два в год.

– Я знаю, Тай. Ты прав. В следующий раз, обещаю, она поедет с тобой. – Опять пауза. – Послушай, я рада, что ты понимаешь.

Они закончили разговор. Он развернулся на стуле, посмотрел на фотографию Джессики и Норы, которая стояла на низком картотечном шкафу. Сфотографировали их за год до несчастья. Обе улыбались.

В этот момент в дверь кабинета постучали.

– Можно?

Вошел Стив Кристофел, который занимался расследованием мошенничеств и поддельными документами.

– Что такое, Стив?

Детектив пожал плечами, замялся, держа в руке блокнот.

– Хотите, чтобы я зашел позже, босс? Может, сейчас не самое удачное время?

– Нет, нет, заходи. – Хоук злился на себя. – Извини. С чем пришел?

– Лейтенант, мне нужно одно дело, которые вы держите в кабинете.

– Какое дело?

– Вы знаете, то самое, что вы прячете на своем столе. – Детектив улыбнулся. – О наезде на Раймонда.

– А, это... – Хоук пожал плечами. Действительно, эта папка лежала под другими делами, заведенными позже. Хоук о Раймонде не забывал ни на минуту. Просто не мог выйти на убийцу. Он достал из-под груды папок желтую. – А что такое?

– Память у меня не очень, лейтенант, но вроде бы с этим делом связано одно имя. Марти, так?

Хоук кивнул.

Человек, который позвонил Эй-Джею Раймонду на работу, перед тем как тот пересек улицу. «Сослался на встречу с каким-то Марти», – сказал его босс. Эта ниточка никуда не привела.

– И что?

– Только что пришла вот эта депеша. – Кристофел подошел, положил перед Хоуком блокнот. – Какая-то контора, которая занимается подделками кредитных карточек, разбирается с одним делом, пусть и прошло столько времени. Это карточка «Американ экспресс», принадлежащая некому Томасу Марди, которой воспользовались, чтобы рассчитаться за поездку на лимузине до Гринвича. Пассажир попросил высадить его у ресторана «Фэрфилд» около полудня, лейтенант. Девятого апреля.

Хоук посмотрел на детектива, сердце забило чаще.

Девятого апреля. В этот день белый внедорожник сбил Раймонда. Марди – не Марти, это совпадало! Томас Марди вышел из лимузина рядом с тем местом, где убили Эй-Джея Раймонда.

Теперь Хоук ловил каждое слово.

– Есть только одна неувязка, лейтенант. – Детектив почесал затылок. – Дело в том... Томас Марди, которому принадлежала кредитная карточка, погиб девятого апреля. При взрывах в Центральном вокзале. В поезде...

Хоук молча смотрел на Кристофела.

– И произошло это за три часа до того, как в Гринвиче Раймонд угодил под колеса.

ГЛАВА 23

В тот вечер Хоук не мог заснуть. В начале первого ночи вылез из кровати. Шла программа Дэвида Леттермана {Телеведущий и комик, более 26 лет ведет программу «Ночное шоу»}, но смотреть ее он не смог. Подошел к окну, выглянул. Темно и холодно. Мысли не давали покоя.

Как?

Как такое возможно? Человек погибает при взрыве на Центральном вокзале, а через три часа его кредитной карточкой пользуются, чтобы оплатить проезд до ресторана «Фэрфилд»? К тому самому месту, где убили Раймонда.

Кто-то позвонил ему перед тем, как он пересек улицу. «Сослался на встречу с каким-то Марти».

Марли...

Что-то связывало Чарльза и Эй-Джея Раймонда. Но что?

Какого-то звена явно не хватало.

Хоук надел свитер, джинсы, сунул ноги в старые мокасины. Ночной воздух встретил его холодом. Он прыгнул в «форд-бронко». В квартале не горело ни единого окна.

Включил двигатель, тронул внедорожник с места.

Они уже четыре дня охраняли Фрайдманов. Один патрульный автомобиль стоял у дома, другой сопровождал детей в школу. Ничего не произошло. Ничего экстраординарного. Может, те, что побеспокоили Карен, дали задний ход? Поняли, что пахнет жареным?

С автострады Хоук свернул в Олд-Гринвич. Въехал в город. На Мэйн-стрит тоже не светилось ни одного окна. Повернул на Шор-роуд. Потом на ту, где стоял дом Фрайдманов.

Хоук остановил «форд-бронко» в двадцати ярдах от дома. В эту ночь вахту нес Стейсио. Патрульная машина стояла напротив дома.

Он подошел, постучат по стеклу. Патрульный опустил его.

— Лейтенант? — В голосе слышалось удивление.

— Ты выглядишь уставшим, сынок. Женат?

— Да, сэр. Два года.

— Поезжай домой. Выпись. Я подежурю.

— Вы? Я в порядке, лейтенант.

— Я знаю. Поезжай домой. — Хоук подмигнул патрульному. — Ты хорошо выполняешь свою работу.

Стейсио еще поупирался, но Хоук настоял на своем. Оставшись один, он втянул кулаки в рукава свитера, чтобы не мерзли.

Дом стоял темный, если не считать полоски света, пробивавшейся между штор в одном из окон второго этажа. Хоук посмотрел на часы. В девять ноль ноль его ждал капитан Фицпатрик. Сменить его должны были в шесть утра. Он вдохнул холодный влажный воздух.

«Ты рехнулся, Тай».

Он вернулся к «форду-бронко», открыл дверцу. И уже собрался сесть за руль, когда увидел, как шторы на втором этаже разошлись чуть шире. Кто-то выглянул из окна. На мгновение в темноте их взгляды встретились.

Хоук подумал, что заметил улыбку.

«Я — Тай», — выдохнул он. Ему хотелось сказать это всякий раз, когда она называла его лейтенантом.

«Я — Тай. И насчет вашего мужа. Я знаю, что вы чувствуете, что вам пришлось пережить... я знаю».

Он помахал рукой, подмигнул, без уверенности, что она могла разглядеть его лицо. Затем скользнул за руль машины и захлопнул дверцу. Когда посмотрел на окно, не осталось и маленькой щелочки.

Но это значения не имело.

Он не сомневался, что она чувствует себя в полной безопасности, зная, что он здесь. И, как ни странно, то же самое ощущал и он.

Хоук откинулся на спинку сиденья, включил радио.

«Я — Тай. — Он хохотнул. — Это все, что я хотел сказать».

ГЛАВА 24

Апрель

Прошел год.

Год без мужа. Год в заботах о себе и детях. Год одиночества в постели. Эту годовщину Карен ждала с ужасом.

«Время лечит, так?» Расхожая фраза. Поначалу Карен не позволяла себе в это поверить. Все напоминало ей о Чарли. Вещи в доме. Встречи с друзьями. Телевизор. Песни. Рана была слишком свежей.

Но день переходил в день, месяц в месяц, и боль с каждым утром все больше таяла. Карен с ней свыкалась. Пусть и против воли.

Жизнь просто продолжалась.

Сэм на каникулы съездила в Акапулько и вернулась в полном восторге. Алекс забил решающий гол и победно вскинул клюшку. Карен радовалась, что их лица снова стали счастливыми. Она поняла, что надо себя чем-то занять, и решила получить лицензию риелтора. Ходила на свидания, пару раз. С разведенными, хорошо обеспеченными гринвичскими финансистами. Один предложил ей слетать с ним на уик-энд в Париж. На его самолете. После встречи дети закатили глаза и выразили свое фи: «Слишком старый».

Она чувствовала, что пока рано, время для этого еще не пришло.

Незванные гости из «Арчера» более не давали о себе знать. Может, решили больше к ней не соваться, чтобы не привлекать к себе внимание полиции. Может, тот, кто хотел получить с нее деньги, пришел к выводу, что обойдется без них. Полицейскую защиту сняли, страхи ушли в прошлое. Все надеялись, что там они и останутся.

Во всяком случае, Карен молилась об этом каждый вечер, выключая свет.

8 апреля, накануне годовщины трагедии, по телевидению показали документальный фильм о взрывах в Центральном вокзале. Снятый одной из репортерских групп, которая прибыла туда вместе с пожарными, с включением эпизодов, запечатленных видеокамерами мобильных людей, находившихся на Центральном вокзале и на соседних улицах, а также камерами наблюдения.

Карен выключала телевизор, как только на экране появлялись кадры того события. Потому что в тот день погиб ее муж. А появлялись они тогда всюду: в выпусках новостей, в передаче «Закон и порядок», даже по ходу спортивных трансляций.

В семье они все это обговорили. Решили следующий вечер провести вместе одни, отмечая годовщину гибели Чарли. А днем раньше ничего не хотели смотреть. Сэм и Алекс ушли к друзьям. Пола и Рик пригласили Карен к себе. Она отказалась.

Даже не могла сказать почему.

Может, хотела показать себе, какая она сильная. Мол, не дело прятать голову в песок как страус. Чарли через это прошел. В прямом смысле этого слова. Пусть и не выжил.

Значит, могла пройти и она.

Она понимала, что должна прикоснуться к этой трагедии. Что деваться некуда. Так почему не теперь?

Как бы то ни было, в тот вечер Карен приготовила себе салат. Пролистала пару журналов, которые копились целый год, посмотрела в компьютере кое-какие материалы для подготовки к экзамену на получение лицензии риелтора. Со стаканом вина. И поглядывая на часы.

«Ты сможешь это сделать, Карен. Не будешь прятаться».

Около девяти вечера Карен выключила компьютер. Взяла пульт дистанционного управления, включила Эн-би-си. Включила и видеомagniтофон, чтобы записать фильм для завтрашнего просмотра с детьми.

Представлял фильм один из ведущих новостных выпусков. Начался он, по законам жанра, с отправления из Стэмфорда поезда, прибывающего на Центральный вокзал в 8.41. Люди читали газеты, решали кроссворды, обсуждали вчерашнюю игру «Никс» {Профессиональная баскетбольная команда Нью-Йорк}.

Карен почувствовала, как застучало сердце.

Она легко могла представить себе Чарли в первом вагоне, уткнувшегося в «Уолл-стрит джорнал». Камера переместилась на двух уроженцев Ближнего Востока, с рюкзаками. Один укладывал чемодан на багажную полку. Карен взяла Тоби на руки, прижала к себе. Заныл желудок. Может, не следовало ей смотреть этот фильм?

Потом на экране появились часы, показывающие 8.41. Время взрыва. Карен отвернулась.

«Господи...»

Камера наблюдения, установленная на путях Центрального вокзала, зафиксировала этот момент. Внезапная вспышка ослепляющего света. Свет в поезде погас. В темноте закричали люди.

От взрыва ста фунтов тексогена, смешанного с зажигательным веществом, обрушились бетонные конструкции, вспыхнул мощнейший пожар. Температура превысила две тысячи градусов, клубы черного дыма поднялись в небо. Пошли кадры с вертолетов. Это Карен уже видела в то ужасное утро, на занятиях йогой. Люди в панике выбегали из здания станции, кашляли. Облако дыма все разрастается.

«Да, я допустила ошибку». Карен сжала кулаки, покачала головой, из глаз катились слезы. «Это неправильно». Не могла она на это смотреть. Подумала о Чарли, оказавшемся в том аду. Какие же муки выпали на его долю! Карен застыла как изваяние, вернувшись в ужас того первого дня. Какой же это кошмар! Люди умирали. Ее муж умирал...

«Нет, извини, дорогой, я не могу на это смотреть».

Она потянулась за пультом дистанционного управления, чтобы выключить телевизор.

В этот самый момент на экране появился боковой выход из Центрального вокзала, на углу Сорок восьмой улицы и Мэдисон-авеню. Камеры показывали людей, которые, пошатываясь, выходили из здания Центрального вокзала, кашляющие, в крови и копоти. Многие тут же падали на тротуар или мостовую, кто-то плакал, другие смотрели в никуда пустыми глазами, еще не веря, что остались в живых.

Ужасно! Она не могла смотреть.

И уже поднесла палец к красной кнопке на пульте, когда что-то привлекло ее внимание.

Карен моргнула.

На мгновение... на долю мгновения. Наверное, воображение сыграло с ней шутку. Злую шутку. Такого не могло быть.

Карен переключилась на видеоматрифон, прокрутила запись назад. Вновь начала просматривать, наклонившись к экрану. Люди, пошатываясь, выходили из здания Центрального вокзала...

Внутри у нее похолодело.

Карен вновь прокрутила запись назад. Сердце бухало, как паровой молот. Добравшись до нужного места, Карен нажала кнопку «Пауза».

«Господи...»

Ее глаза широко раскрылись, словно веки оттянули пальцами. Перехватило горло. Карен встала. Во рту пересохло. Она шагнула к телевизору. Этого не могло быть...

Лицо.

На экране застыло лицо, которого там быть не могло.

Вне Центрального вокзала. Среди хаоса. После взрыва. Отворачивающееся от камеры.

Лицо Чарли.

Карен стало дурно.

Никто не смог бы этого заметить – никто, кроме нее. А моргни она в этот момент или отвернись от телевизора, не заметила бы и она.

Но лицо было. Схващенное камерой. Как бы она ни хотела это отрицать.

Лицо Чарли.

Карен смотрела на своего мужа.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 25

Утро выдалось ясным и солнечным, шоссе в Нью-Джерси практически пустовало, если не считать тридцати велосипедистов в свитерах яркой расцветки, которые ехали плотной группой. В голове колонны Джонатан Лауэр оглянулся, высккивая ярко-зеленый свитер своего друга Гэри Эддинга, трейдера из «Меррилл Линч». Нашел, зажатого в середине основной группы гонщиков. Идеальный шанс! Джонатан начал прибавлять. И как только увидел перед собой свободный коридор, рванул на полную.

«Лауэр решительно вышел вперед», – послышался у него в голове голос воображаемого комментатора.

Для большинства эти воскресные велосипедные прогулки были развлечением, способом снять накопившееся за рабочую неделю напряжение, но они с Гэри придумали себе особую игру. Больше чем игру. Испытание. Они всегда соревновались на пределе возможностей, стремились показать все, на что способны. Победитель потом целую неделю ходил тоголем, а в следующее воскресенье выезжал в желтом свитере. Проигравший покупал пиво.

Пригнувшись к рулю новенького, с корпусом из углепластика, «лемонда», Джонатан выиграл добрых двадцать ярдов, а потом плавно вписался в поворот.

Оглянувшись, Джонатан заметил Гэри, пытающегося выбраться из пелотона. С бурлящей от выброса адреналина кровью он помчался по двухполосному шоссе – на ближайшие пол-мили прямому, как стрела. Вовремя он ушел в отрыв!

Джонатан яростно крутил педали, не думая о новой работе, на которую поступил несколькими неделями раньше (в энергетическом департаменте «Мэн секьюритис», одной из крупнейших брокерских компаний). Вот уж где ему представлялся шанс заработать приличные деньги! Шаг вперед после всей этой истории с «Харбор».

Не думал он и о показаниях под присягой, которые дал на прошлой неделе. В присутствии аудитора из банка Шотландии и адвоката из «Паркер» Кегг заставил его раскрыть некоторые неблагоприятные сделки прежнего работодателя, и это после того, как он получил приличную сумму при ликвидации «Харбор эпител».

Нет, в это утро Джонатан думал только об одном – как бы пересечь воображаемую финишную черту раньше друга. Гэри уже выбрался из пелотона и сократил расстояние между ними. До перекрестка оставались какие-то сто ярдов. Джонатан увеличил темп. Бедро болели, горло жгло огнем. Он рискнул оглянуться. Гэри далеко. Игра закончена. Остальные велосипедисты – разноцветные точки. Его никому не догнать.

Джонатан проехал под мостом шоссе номер 287 и, войдя в поворот, вскинул руки, издавая победный вопль.

Он сделал Гэри!

А вскоре он уже ехал домой по тихим улочкам Аппер-Монтклера.

Автомобилей практически не было. Он обдумывал одну сложную схему биржевой игры с индексом, о которой ему рассказали на работе. Смаковал свою победу, предвкушал, как расскажет о ней своему восьмилетнему сынишке, Стиву. Есть, есть еще порох в пороховницах.

В его районе улицы были более извилистые, поднимались на невысокие холмы и спускались в долины. Джонатан поднялся на Маунт-Вью-драйв, последний холм. Вспомнил,

что сегодня обещал Стиву съездить в магазин спортивных товаров и купить ему бутсы для соккера. До дома оставалась четверть мили.

Именно тогда он заметил автомобиль, точнее, огромный черный фасад внедорожника, «навигатора» или «эскалады», со сверкающей хромированной решеткой.

Ехал внедорожник прямо на него.

На мгновение Лауэр разозлился:

– Тормози, козел!

Их разделяло достаточно большое расстояние. На тихой улице в столь ранний час не было ни души. Он еще подумал, может, ему следовало держаться ближе к тротуару...

Но Джонатан Лауэр не услышал скрипа тормозов.

Он услышал другое.

Совсем другое, и его злость тут же сменилась ужасом. Потому что хромированная решетка вдруг оказалась совсем рядом.

Он услышал, как взревел двигатель, разгоняя внедорожник.

ГЛАВА 26

За несколько последующих дней Карен, должно быть, сотню раз просмотрела этот двухсекундный клип.

В полнейшем замешательстве. Не в силах осознать, как трактовать увиденное.

Лицо мужчины, с которым она прожила восемнадцать лет. Мужчины, которого ей так не хватало, по которому она скорбела. В чью подушку иногда плакала ночами, прижимая ее к себе, чье имя все еще шептала.

Это был Чарли, ее муж Чарли, «схваченный» объективом камеры наблюдения.

Вне Центрального вокзала. После взрывов.

«Как ты мог там оказаться, Чарли?..»

Карен не знала, что и делать. Кому она могла об этом рассказать? Она побегала трусцой с Полой в Тодс-Пойнт, выслушала подробный рассказ об обеде, на который ее с Риком пригласили в какой-то удивительный дом в Стэнвиче, и каждое мгновение Карен так и подмывало перебить подругу и сказать: «Я видела Чарли, Пола».

Детям? Увидеть лицо отца стало бы для них жутким потрясением. Они бы умерли. Ее родителям? И как она все это объяснит? Карен не знала.

Солу? Человеку, который делал для Чарли все, что только мог. Нет.

Вот она и держала все в себе. Смотрела на лицо Чарли снова и снова, пока не почувствовала, что сходит с ума. Замешательство переросло в злость. Злость – в обиду и боль.

«Почему? Почему, Чарли? Как получилось, что это ты? Как ты мог так поступить с нами?»

Карен перебрала в памяти факты. Чарли оставил «мерседес» на техобслуживание. В компьютере у дилера имелась соответствующая запись. Они нашли остатки разорванного брифкейса. Ей прислали обгоревший лист из его блокнота. Он звонил ей в 8.34. Карен никак не могла составить единую картину.

Он ехал на том поезде!

Сначала она пыталась убедить себя, что это не он. Чарли никогда, никогда не поступил бы так с ней. Или с детьми. Только не Чарли... И почему? Почему?! Она смотрела на его лицо. Люди выглядели такими похожими. Глаза, надежды... от них можно ждать любого подвоха. И картинка чуть расплывалась. Но всякий раз, когда она возвращалась к телевизору, прокручивала этот крошечный отрезок документального фильма, может, уже и в тысячный раз, перед ней возникало лицо Чарли. И ошибки тут быть не могло. Карен прошиб пот. Ноги стали ватными.

«Почему?!»

Шли дни. Карен пыталась делать вид, будто ничего не произошло, но лицо Чарли на экране телевизора просто раздавило ее. Она слегла. Сказала детям, что это нервное. Годовщина смерти Чарли. Нахлынувшие чувства. Однажды они даже принесли ей обед в постель. Куриный суп, купленный в кулинарии, чашку зеленого чая. Карен поблагодарила детей, заглянула в их встревоженные глаза. «Поправляйся скорее, мамочка». Когда они ушли, она расплакалась.

Потом, когда дети спали или уходили в школу, она бродила по дому, всматривалась в лицо мужа на фотографиях, которые висели везде. Они так много значили для Карен. Только они у нее и остались. Чарли на пляже. Чарли и она на свадьбе ее кузины. Личные вещи Чарли, которые лежали в ящиках его стола: визитки, квитанции, наручные часы.

«Ты не мог так поступить со мной, Чарли, правда? С нами... Только не ты...»

Должно быть, это какое-то совпадение. Пусть и странное, невероятное. «Я верю тебе, Чарли... Я верила тебе всю жизнь, и я собираюсь верить и теперь. Ты никогда бы не причинил мне такую боль».

Карен то и дело подходила к еще одному свидетельству того страшного дня. Вырванному из блокнота листу, который кто-то нашел на Центральном вокзале. «Со стола Чарльза Фрайдмана».

Она чувствовала его присутствие. Она ему верила. Верила все восемнадцать лет. Что бы она ни видела на экране. Карен чертовски хорошо знала, каким был ее муж.

А вот тут Карен впервые посмотрела на вырванный лист. Действительно посмотрела. Не как на память о муже. Меган Уолш. Случайное имя, нацарапанное неразборчивым почерком Чарли. Рядом телефонный номер: 964-1650. еще номер, подчеркнутый несколько раз: B1254.

Карен закрыла глаза.

«Не звони туда, – приказала она себе, отгоняя подозрения. – Лист прислал не Чарли. Быть такого не может».

Но через мгновение Карен вновь смотрела на телефонный номер. Сомнения рвали душу. Его лицо на экране. И вот этот лист, кусочек прошлого, ниточка к Чарли... единственная ниточка.

«Звонить по этому номеру – безумие, Карен. Но если не хочешь окончательно сойти с ума, ничего другого не остается».

ГЛАВА 27

Карен пришлось собрать всю волю в кулак.

Ей казалось, что она изменяет Чарли, его памяти. А если в документальном фильме она увидела вовсе не его? Если она пошла на поводу собственного воображения, приняла за Чарли совсем другого человека?

Ее муж уже больше года как погиб!

Но она набрала номер, моля Бога, что не попадет в какой-нибудь отель, где Чарли с кем-то встречался в номере B1254. Получалось, что она подозревала мужа в измене. Самое время.

– Банк «Чейз Манхэттен», отделение на Сороковой улице и Третьей авеню, – прозвучал женский голос.

Карен шумно выдохнула – от облегчения и... от стыда. Но раз уж она сделала первый шаг, останавливаться не имело смысла.

– Я бы хотела поговорить с Меган Уолш.

– Одну минуту.

Как выяснилось, Меган Уолш работала менеджером отдела частных вкладов. И после того как Карен сказала, что ее муж умер, а она единственная наследница его состояния, выяснилось, что B1254 – банковская ячейка, которую Чарли арендовал в этом отделении банка на свое имя примерно за полгода до смерти.

Наутро Карен поехала в город. Отделение «Чейз Манхэттен», просторное, светлое помещение с высоким потолком, находилось всего в нескольких кварталах от работы Чарли. Там ее встретила Меган Уолш, миловидная женщина лет тридцати пяти с длинными темными волосами, в дорогом, элегантном костюме, отвела в свой кабинет.

– Я помню мистера Фрайдмана. – На ее лице читалось сочувствие. – Сама открывала ему счет. Очень сожалею о вашей утрате.

– Я разбирала его старые записи. Эта банковская ячейка не упоминалась в списке. Я даже не знала о ее существовании.

Менеджер банка внимательно изучила копии свидетельства о смерти Чарли и судебного решения о признании Карен единственной законной наследницей. Задала несколько вопросов. Прежде всего спросила кличку их собаки. Карен улыбнулась (как оказалось, речь шла о Саше). Потом девичью фамилию матери. Наконец отвела Карен в небольшую комнатку без окон, расположенную рядом с хранилищем, и усадила в кожаное кресло перед высоким конторским столом.

– Счет мистер Фрайдман открыл восемнадцать месяцев назад, в сентябре. – Мисс Уолш положила перед Карен соответствующие бумаги. Подписи явно принадлежали Чарли.

Вероятно, какие-то документы, предположила Карен. Она посмотрит, что в ячейке, и передаст ее содержимое Солу.

Меган Уолш извинилась, вышла и вскоре вернулась с достаточно большим металлическим ящиком.

– Никуда не торопитесь, временем вас никто не ограничивает. – Она поставила ящик на стол и открыла дубликатом ключа, выданного Чарли. – Если вам что-то понадобится, я вам с радостью помогу.

– Спасибо, – поблагодарила ее Карен.

Дверь закрылась, но Карен еще пару минут сидела неподвижно, не решаясь прикоснуться к той части жизни своего мужа, которой он не делился с ней.

Лицо на экране вызвало у нее шок. А теперь она смотрела на банковскую ячейку, которая не упоминалась ни в каких документах и не являлась частью наследства Чарли. Она осторожно провела рукой по металлической поверхности.

«И что он там хранил в тайне от меня?»

Карен откинула крышку и заглянула внутрь.

Ее глаза широко раскрылись.

Металлический ящик заполняли аккуратно уложенные банковские упаковки денег. Точнее, стодолларовых банкнот. По сто штук. И перевязанные резинками государственные облигации на предъявителя, в каждой пачке лежала бумажка с записанной почерком Чарли суммой. Семьдесят шесть тысяч долларов, двести десять тысяч... Карен подняла пару пачек, не веря своим глазам.

«Как минимум пара миллионов долларов».

Карен сразу поняла: что-то здесь не так. Откуда у Чарли взялось столько денег, да еще и наличными? Они всегда делили все. Положила пачки денег обратно. Почему он никогда ей об этом не говорил?

Желудок скрутило. Она вспомнила двоих мужчин из «Арчера», которые приходили двумя месяцами раньше. «Пропала крупная сумма денег». И это происшествие с Самантой. «Двести пятьдесят миллионов долларов». Это всего лишь малая часть.

Она все еще тарасилась на содержимое банковской ячейки: эти деньги начали ее пугать.

«Что, черт побери, происходит, Чарли?»

На дне металлического ящика, под деньгами, Карен обнаружила конверт из плотной бумаги. Открыла его, и на стол выскользнуло содержимое конверта. Вновь Карен ждал сюрприз.

Паспорт.

Совершенно новенький. Карен полистала его. Увидела фотографию Чарли.

Фотография была Чарли, а вот имя и фамилия стояли другие. Вымышленные.

Уайзман. Алан Уайзман.

Компанию паспорту составляли две кредитные карточки на ту же вымышленную фамилию. У Карен разболелась голова.

«Что ты от меня скрываешь, Чарли?»

В полном замешательстве Карен откинулась на спинку кресла. Как, как все это объяснить? Возможно, лицо на экране принадлежало не Чарли.

Но это... Ей становилось все труднее противиться очевидному. Она пробежалась взглядом по листу, в котором указывалось, когда владелец брал ячейку из хранилища. Первый раз это случилось при открытии счета, 24 сентября. За шесть месяцев до гибели Чарли. В соответствующей графе стояла его роспись. Собственно, все росписи принадлежали ему. Пару раз – через несколько дней после открытия счета. А потом дважды в месяц, регулярно как часы. Наконец взгляд Карен добрался до последней заполненной строки.

Роспись Чарли, ничем не отличающаяся от предыдущих.

Адата... 9 апреля. День взрывов на Центральном вокзале.

Карен прошиб холодный пот.

Время – 13.35. Через четыре с половиной часа после смерти!

ГЛАВА 28

Карен едва подавила подкатившую к горлу тошноту.

Кружилась голова. Она схватилась за край стола, чтобы не вывалиться из кресла. Не могла оторвать глаз от одной графы в последней заполненной строке.

13.35.

Она окончательно перестала что-либо понимать. Но в одном более не сомневалась: камера наблюдения «сфотографировала» ее мужа.

В тот день Чарли определенно не погиб на Центральном вокзале.

Карен принялась вновь пересматривать содержимое банковской ячейки, осознав в тот самый момент, что все пережитое ею за год, от начала и до конца, было ложью: и тоска, и горечь утраты, и сочувствие предсмертным мукам Чарли, и ночные слезы, и обнимание подушки со стонами: «За что?.. За что?!»

Он хранил все это в тайне от нее. Он все это спланировал.

Он не погиб в тот день. При взрыве. В адском огне.

Он остался в живых.

Мысленно Карен вернулась в то утро... Чарли что-то ей прокричал, перекрывая гудение фена. Что-то насчет автомобиля. Половины слов она и не расслышала.

«Он жив!»

Она вспомнила ужас, который охватил ее в зале для занятий йогой, нарастающую панику от осознания, что он находился в том поезде. Его звонок... последние звуки его

голоса... насчет маринованных стейков, которые он привезет вечером. Произошло это в 8.34. Оторванная ручка с верхней частью брифкейса, его инициалы. Присланный ей лист из блокнота.

Все вернулось разом и обрушилось на нее с силой урагана. Вся эта душевная боль, все эти слезы...

Он там был. В поезде.

Просто не умер.

Вновь ей пришлось бороться с подкатывающей к горлу тошнотой. Она же должна радоваться. Он жив! Но перед ней лежали груды денег и фальшивый паспорт. Он ей ничего не сказал. Заставил целый год страдать. Замешательство сменила злость. Она открыла паспорт. Посмотрела на фотографию. Уайзман.

«Почему, Чарли? Почему? Что ты задумал? Как ты мог так поступить со мной? С нами, Чарли?»

Они же любили друг друга. Вместе прожили долгую жизнь. Создали семью. Путешествовали. Говорили о том, что будут делать, когда дети вырастут и покинут дом. Они все еще занимались любовью.

«Как ты мог так притворяться? Как ты мог так поступить с человеком, которого любил?»

Внезапно в голову пришла новая мысль. Все эти деньги, этот паспорт, что они могли означать? Чарли совершил какое-то преступление? Стены вдруг начали сближаться друг с другом, потолок – с полом.

Карен поняла, что больше не может здесь оставаться. Ни секунды.

Убрала все в металлический ящик, захлопнула крышку, позвала менеджера. Тут же в комнатку вошла Меган Уолш.

– Если возможно, пока я хочу все оставить здесь. – Карен стерла со лба пот.

– Разумеется, – ответила мисс Уолш. – Я сейчас дам вам мою визитную карточку.

– Кто-нибудь мог брать эту ячейку? – спросила Карен.

– Нет, только ваш муж. – Банковский менеджер вопросительно посмотрела на нее. – Что-то не так?

– Нет, нет, все в порядке, – солгала Карен, взяла сумочку, но прежде чем уйти, попросила копию листа, на котором фиксировались дни и время пользования банковской ячейкой. – Я подъеду через несколько дней. Тогда и решу, продлевать ли аренду.

– Разумеется, миссис Фрайдман. Если не затруднит, предварительно позвоните, чтобы мы все подготовили.

На улице Карен первым делом набрала полную грудь холодного воздуха. Оперлась о фонарный столб. Постояла, пока окончательно не убедилась в том, что ноги больше не подгибаются.

«Что тут, черт побери, происходит, Чарли?» Она отвернулась от людей, идущих по тротуару, испугавшись, что произнесла эту фразу вслух, обращаясь к кому-то невидимому, и ее могут принять за сумасшедшую.

«Разве я не заботилась о тебе? Разве не старалась всячески угодить тебе? Я любила тебя. Доверяла тебе. Скорбела о тебе, Чарли. Всякий раз, когда я думала о том, что ты умер, у меня разрывалось сердце.

А теперь получается, что ты жив?»

ГЛАВА 29

Офис Сола Ленника находился неподалеку, на сорок втором этаже одного из высоких стеклянных административных зданий, построенных рядом с пересечением Сорок седьмой улицы и Парк-авеню.

Карен поспешила туда, даже не позвонив, моля Бога, чтобы Сол оказался на месте. Морин, его секретарша, увидев Карен, сразу поняла, что та очень расстроена.

– Дать вам что-нибудь, миссис Фрайдман? – спросила она. – Стакан воды? Чашечку чая?

Карен покачала головой.

– Пожалуйста, присядьте. Мистер Ленник на месте. Он тотчас же вас примет.

Большой кабинет Сола Ленника украшала коллекция африканских масок и деревянных статуэток с острова Бали. Из окна открывался впечатляющий вид на небоскребы Манхэттена и Центральный парк.

Он как раз закончил телефонный разговор и, поднявшись из-за стола, направился навстречу вошедшей в кабинет Карен.

– Карен!

– Что-то происходит, Сол. Я не знаю, что именно. Но Чарли что-то сделал... в своем бизнесе.

– Что? – осведомился Ленник. Поставил стул перед своим столом, предложил Карен присесть. Обошел стол, сел сам.

Она уже собралась выложить все, что узнала, начиная с лица Чарли, увиденного в документальном фильме. Сказать, что он жив!

Но в последний момент сдержалась, испугавшись, что Сол примет ее за чокнутую, и решила ограничиться только сегодняшними открытиями.

— Я кое-что нашла. Что-то такое, о чем Чарли написал в своем блокноте до того, как умер. Я не знаю, с чего начать, но это что-то многое объясняет. И появление этих людей из «Арчера», и нападение на Саманту. И я не знаю, что с этим делать, Сол.

— С чем?

Карен рассказала о банковской ячейке. Об упаковках сотенных и облигациях на предьявителя. О паспорте с фотографией Чарли рядом с вымышленными именем и фамилией.

— Поначалу я подумала, может, у него была другая женщина, но никакой другой женщины не было, Сол. Все гораздо хуже. Посмотри на меня, Сол, я в полной прострации... — Она вздохнула. — Чарли что-то сделал, я только не знаю, что именно. Он был моим мужем, Сол. И я боюсь. Чувствую, эти люди вернуться. Тогда я не понимала, что им от нас надо, а теперь нашла этот ящик с деньгами и поддельными документами. Я не хочу подвергать моих детей опасности, Сол. Почему Чарли прятал все это от меня? Я уверена, ты что-то знаешь. Что происходит? Ты должен сказать мне, Сол... что?!

Ленник откинулся на спинку кожаного стула. За его спиной силуэты Манхэттена напоминали громадную панорамную фотографию.

Он шумно выдохнул.

— Хорошо, Карен. Я надеялся, что этого разговора у нас не будет. Что все как-то рассосется.

— Что, Сол? Что рассосется?

Он наклонился вперед.

— Чарльз упоминал когда-нибудь некоего Кумбса? Йена Кумбса?

— Кумбса? — Карен покачала головой. — Думаю, что нет. Не помню.

— А инвестиционную компанию «Балтик секьюритис»? Ее упоминал?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, Сол? Я же не принимала никакого участия в делах мужа. Это все знают.

— Я-то знаю, Карен. Просто...

— Просто что, Сол? Чарли здесь нет. И все начинают говорить о нем намеками. Что, черт побери, сделал мой муж?!

Ленник поднялся, в синем костюме в тонкую полоску, с золотыми запонками в манжетах. Обошел стол, присел на краешек перед Карен.

— Карен, Чарли никогда не упоминал другие счета, которыми он мог управлять?

— Другие счета?

Ленник кивнул.

— Никак не связанные с «Харбор». Может, в офшорах... на Багамских или Каймановых островах? Там, где не действуют инструкции СЕК {Комиссия по ценным бумагам и биржам, независимое регулирующее агентство, надзирающее за выполнением федеральных законов о торговле ценными бумагами} и законы Соединенных Штатов, регулирующие торговлю ценными бумагами? — Он пристально смотрел на Карен.

— Ты меня пугаешь, Сол. Чарли всегда все делал по правилам. Ничего ни от кого не скрывал. Во всяком случае, от тебя.

— Это я знаю. И я бы не заговорил об этом первым. Да только...

— Да только... — эхом откликнулась Карен.

— Да только ты нашла то, что нашла, Карен. Деньги, облигации, паспорт.

Получается, не все он делал по правилам.

Карен напряглась. Перед мысленным взором возникло лицо Чарли на экране. Вся их жизнь. Они же делились практически всем. Дети, расходы. Иногда и ссорились. По-другому не бывает. Но они полностью доверяли друг другу. И вот тут Карен засомневалась. Она-то доверяла. А Чарли, похоже, не совсем.

— О чьих деньгах мы говорим, Сол?

Он не ответил. Сжал губы, провел рукой по седым редющим волосам.

— О чьих деньгах?! — Карен не сводила с него глаз.

Наставник ее мужа выдохнул. Пальцы начали выбивать по столу что-то вроде похоронного марша. Он пожал плечами:

— В этом-то и беда, Карен. Никто точно не знает.

ГЛАВА 30

Карен не находила себе места. Следующие несколько дней она с трудом заставляла себя подняться с постели. Не знала, что и делать. Саманта все чаще озабоченно поглядывала на нее. Уже неделю Карен была сама не своя, с того самого момента, как увидела лицо Чарли на экране телевизора. И по взгляду дочери чувствовалось, что дети понимали: что-то не так.

– Что происходит, мама?

Карен хотелось все рассказать, но как она могла?

Что человек, которым она восхищалась, который обеспечил ее и детей до конца жизни, так жестоко их обманул? Что там говорил Сол? Незаконные счета. Деньги людей, которых она знать не знала. Офшоры.

Каких людей?

И все эти наличные. Они ужасали Карен. Откуда они взялись? Она начала склоняться к мысли, что Чарли совершил какое-то преступление. «Чарли никогда не упоминал другие счета, которыми он мог управлять?»

«Нет, – ответила она Солу. – Ты знаешь Чарли. Он был честным человеком. Так щепетильно относился к деньгам своих клиентов».

Все эти годы он водил ее за нос?

Прошло еще несколько дней. Карен просто сходила с ума. Чарли жив. И что все это значит? Ночью она опять не могла уснуть. У детей свет давно погас. Тоби спал на ее кровати. Карен спустилась вниз, вскипятила чайник, налила себе чашку чая.

На столике стояла рамка с фотографией Чарли. В белой рубашке на трех пуговичках, с короткими рукавами и шортах цвета хаки. Именно эту фотографию они увеличили для мемориальной службы. Посчитали ее лучшей, Чарли на борту яхты, посреди Карибского моря, с прижатым к уху мобильником.

«Ты знал его, Сол...»

Карен взяла рамку, впервые подавив желание швырнуть ее в стену. И внезапно вспомнила. Образ этот вдруг вынырнул из глубин памяти.

Чарли, машущий рукой...

Восхитительная неделя на Карибах подходила к концу. Яхта. Сент-Вартс. Горда. Тортола. На следующий день детей ждала школа.

И вот тут, совершенно неожиданно, Чарли объявил, что должен задержаться. Перемена планов. Срочная встреча.

Почему? С чего?

Он отвез их в местный аэропорт, и они улетели в Сан-Хуан на маленьком двенадцатиместном самолете. Она боялась летать на этих маленьких самолетах. При взлете и посадке держала Чарли за руку. По этому поводу над ней всегда подшучивали...

Почему вдруг всплыло это воспоминание?

Чарли попрощался с ними у галереи для вылета, по существу, стеклянной двери, ведущей налетное поле.

– Все будет хорошо. – Он крепко обнял ее. – Я прилечу через пару дней.

Но, пристегиваясь ремнем безопасности в маленьком двухмоторном самолете. Карен вдруг испугалась: она никогда больше не увидит его. «Почему ты сейчас не со мной, Чарли?» – задала она безмолвный вопрос и потянулась к руке Алекса.

Когда завертелись пропеллеры, Карен посмотрела в иллюминатор. Чарли стоял на балконе миниатюрного терминала, в белой рубашке и шортах, в глазах отражаясь солнце.

Махал рукой.

Махал одной рукой, а другой прижимал мобильник к уху, наблюдая за взлетом крохотного самолета.

Офшоры, сказал ей Сол. Багамские или Каймановы острова.

И теперь, когда Карен смотрела на фотографию, ее охватил тот же страх. Она вдруг подумала, что совершенно не знала Чарли. На фотографии его глаза не отражали солнце, но казались такими глубокими, такими незнакомыми, словно пещера, таящая в себе множество тайн. Тайн, которые никто никогда не исследовал.

И как же ее пугали эти тайны. Она поставила рамку на столик. «Он жив, – подумала она. – Может, сейчас думает обо мне. Может, гадает в этот самый момент, знаю ли я, подозреваю, чувствую его присутствие на этом свете».

Карен содрогнулась.

«Что же ты такого сделал, Чарли?»

Она понимала, что не сможет долго держать все в себе. Просто сойдет с ума. Она должна с этим разобраться. Почему он это сделал? Где он сейчас?

Карен закрыла лицо руками. Никогда она не чувствовала себя такой беспомощной. Такой одинокой.

И она знала только одно место, куда могла пойти со своими проблемами.

ГЛАВА 31

Хоук поднимался в свой кабинет из подвала, где находились камеры предварительного заключения. Он и Фредди Муньос только что получили признательные показания перепуганного юноши-латиноса, члена банды из Норуока, которая угоняла дорогие автомобили в Гринвиче и окрестных городках. Эти показания позволяли накрыть всю банду. Джо Хорнер, детектив полицейского участка Норуока, ждал на телефоне.

Когда Хоук проходил мимо стола Дебби, секретарши группы расследования насильственных преступлений, она остановила его:

— К вам посетительница, Тай.

Она сидела на скамье у двери его кабинета, в оранжевой водолазке и бежевом жакете, рядом лежала сумка с одной лямкой. Хоук и не попытался скрыть, что появление Карен обрадовало его.

— Деб, скажи Хорнеру, что я возьму трубку через минуту.

Карен встала. Улыбнулась несколько нервно. Хоук не видел ее пару месяцев, с тех пор как люди, которые досаждали ей, вроде бы уgomонились и полиция сняла охрану и с дома, и с детей. За это время он раз или два звонил, чтобы убедиться, что все в порядке. Улыбаясь, Хоук направился к Карен. Заметил, что лицо у нее бледное и осунувшееся.

— Вы сказали, что я могу зайти... — она пожала плечами, — если что-то случится.

— Разумеется.

Карен встретила с ним взглядом.

— Что-то случилось.

— Пройдемте в мой кабинет. — Он взял ее под руку.

Хоук крикнул Дебби, что сам перезвонит норуокскому детективу, открыл стеклянную дверь и пропустил Карен вперед. Пододвинул металлический стул к круглому столу для совещаний, который стоял напротив его письменного стола.

— Присядьте. — Он видел, что она расстроена и встревожена. — Принести вам чего-нибудь? Воды? Чашку кофе?

Карен покачала головой. Он придвинул другой стул, сел лицом к ней.

— Так расскажите мне, что случилось.

Карен глубоко вздохнула, крепко сжала губы, сунула руку в сумку.

— Мы можем воспользоваться вашим компьютером, лейтенант?

— Конечно.

Она протянула ему компакт-диск.

— Я хочу, чтобы вы это посмотрели.

На экране появились люди. Много людей. На улице. В Нью-Йорке. Вроде бы какой-то репортаж. Из гущи событий. Он сразу понял, что съемка сделана в день взрывов на Центральном вокзале.

— Вы видели этот документальный фильм, лейтенант? Его показывали по телевизору в прошлую среду.

Хоук покачал головой:

— Я работал. Нет.

— Я видела. — Они оба смотрели на экран. — Для меня это было так тяжело. Зря я это сделала. Все ожило вновь.

— Я могу вас понять.

— И где-то здесь я почувствовала, что смотреть больше не могу. Собралась выключить. — Она встала, подошла к нему, наклонилась над его плечом, всматриваясь в экран. — Мне казалось, что я сойду с ума, вновь наблюдая, как умирал мой муж.

Хоук не понимал, куда она клонит. Наклонившись еще больше, Карен дотянулась до мышки, ждала. Люди, пошатываясь, появлялись из какого-то бокового выхода вокзала, кашляющие, задыхающиеся, в копоти и крови.

— И вот тут я увидела это, — добавила Карен.

Нажатием мышки остановила картинку. На экране высвечивалось и время — 9.16.

В кадре женщина пыталась утешить мужчину, который рухнул на мостовую. Перед ней находился еще один мужчина, в запачканном костюме. Он пробегал мимо, пытаясь отвернуться от камеры. Лицо Карен застыло, в глазах вдруг появился стальной блеск, но при этом (Хоук не мог этого не заметить) и грусть.

— Это мой муж. — Она изо всех сил пыталась изгнать из голоса дрожь. — Это Чарли, лейтенант.

Хоуку показалось, что у него остановилось сердце. Ему потребовалась как минимум секунда, чтобы осознать услышанное. Ее муж погиб при взрыве. Годом раньше. Он был у нее дома, на мемориальной службе. Но и ее слова трактовались однозначно. Хоук вновь повернулся к экрану. Лицо вроде бы напоминало то, что он видел на фотографиях в ее доме. Хоук посмотрел на Карен:

— И что все это значит?

— Я не знаю, что все это значит, — ответила Карен. — Он уехал в город на том поезде — вот в этом я уверена. Позвонил мне перед самым взрывом. На пожарище нашли остатки брифкейса... — Она покачала головой. — Но каким-то образом он не умер.

Хоук вновь всмотрелся в экран.

— Так могли выглядеть сто человек. Он весь в пыли, копоти. Тут не может быть стопроцентной уверенности.

— Все это я уже говорила себе сама. Сначала. По крайней мере надеялась на это. — Карен вернулась к круглому столу. — На прошлой неделе смотрела на эту картинку тысячу раз.

Она достала из сумки лист бумаги.

– Потом я кое-что нашла. Не важно что. Главное, находка привела меня к банковской ячейке на Манхэттене, о которой муж мне ничего не говорил.

Она показала лист Хоуку. Ксерокопию учетного бланка «Чейз Манхэттен», на котором указывалось, когда арендатор пользовался ячейкой, начиная с сентября позапрошлого года. Ячейку открывали достаточно часто. Как правило, два раза в месяц. И всегда арендатор расписывался одинаково: Чарльз Фрайдман.

Хоук всматривался в лист.

– Обратите внимание на последнюю дату. И время.

Хоук обратил – и почувствовал острую боль в груди. Вскинул глаза на Карен.

– Быть такого не...

– Он жив. – Карен встретила с ним взглядом. Ее глаза блеснули. – Он побывал в банке через четыре с половиной часа после взрывов. Через четыре с половиной часа после своей смерти, в которой я не сомневалась. Это Чарли. – Она указала на экран. – Это мой муж, лейтенант.

ГЛАВА 32

– Кому вы об этом сказали?

– Никому. – Она не отрывала от него глаз. – А кому я могла сказать? Моим детям... после того, что им пришлось пережить, их бы это убило, лейтенант. Моим подругам? – Она покачала головой. – Что бы я им сказала, лейтенант? Что произошла какая-то чудовищная ошибка? «Извините, но Чарли не умер. Просто целый год дурачил нас всех!» Поначалу я подумала... вы знаете, иногда, попав в такой жуткий переплет, люди напрочь забывают, кем они были прежде... – Она коснулась пальцем ксерокопии. – Но потом вышла на вот эту банковскую ячейку. Я хотела рассказать все Солу Леннику. Он относился к Чарли как ко второму сыну. Но испугалась. Подумала, а вдруг Чарли действительно что-то сделал? Что-то плохое. И может, я поступлю неправильно, если... Как все это отразится на нас всех? В общем, я испугалась. Вы понимаете, о чем я?

Хоук медленно кивнул.

– Вот и пришла сюда.

Хоук взял со стола учетный бланк. Копом он проработал не один год, так что научился не давать волю чувствам. Прежде всего следовало собрать информацию, создать общую картину. Он посмотрел на листок. Все росписи Чарльза Фрайдмана.

– И чего вы от меня хотите?

– Не знаю. – Карен покачала головой. – Я даже не знаю, что он сделал. Но что-то он сделал... Он не мог так поступить с нами без веской причины. Я достаточно хорошо его знала. Он не такой человек, лейтенант. – Она отбросила с лица прядь волос, ладонью вытерла глаза. – По правде говоря, я не имею ни малейшего понятия, чего я от вас хочу.

– Это нормально. – Хоук сжал ее руку. Посмотрел на экран. Перебрал возможные причины, обусловившие такой вот поступок Чарльза Фрайдмана. Амнезию, вызванную шоком, отмела сама Карен. И правильно. Какая уж тут амнезия, если человек напрямую направился к банковской ячейке. Другая женщина? Присвоение чужих денег? Эта история на автостоянке с дочерью Карен. «Двести пятьдесят миллионов долларов». Но Сол Ленник заверил его, что хеджевый фонд Чарльза ни в чем не нарушал законов.

– Позвольте спросить, а что вы там нашли? – Хоук указал на ксерокопию учетного бланка.

– Деньги, – выдохнула Карен. – Много денег. И паспорт. С фотографией Чарльза, но с вымышленными именем и фамилией. Кредитные карточки...

– Он все это там держал? Значит, подстилал соломку. – Хоук пожал плечами. – Полагаю, вы понимаете, что эту банковскую ячейку он арендовал не случайно. Он заранее подготовился к тому, чтобы начать новую жизнь.

Она кивнула, прикусив нижнюю губу.

– Понимаю.

А вот чего не планировал Чарли, и тут сомнений у Хоука не было, так это начала реализации намеченного плана. Полагал, что интуитивно поймет – момент настал.

В памяти всплыло другое имя – Томас Марди.

– Послушайте... – Хоук повернулся к Карен. – Я должен спросить, не был ли ваш муж... вы понимаете...

– Не был кем? – Карен смотрела на детектива. – Не бегал ли за юбками? Не знаю. Недели раньше сказала бы вам, что такого быть не могло. А теперь порадовалась бы, узнав, что в этом все дело. Он сделал себе этот паспорт, эти кредитные карточки... Он все спланировал. И при этом спал со мной в одной постели. Радовался успехам детей в школе. Каким-то образом, несмотря на взрывы и пожар, ему удалось выбраться из поезда и сказать себе: «Пора пришла. Момент настал. Самое время уйти из всей этой жизни».

На несколько мгновений в кабинете повисла мертвая тишина.

Хоук поджал губы, потом повторил вопрос:

— Чего вы от меня хотите?

— Не знаю. Какой-то моей части хочется просто обнять его и сказать, как я рада тому, что он жив. Но другой части... Я открыла этот металлический ящик и увидела, что он вел другую жизнь, втайне от меня. От женщины, которую вроде бы любил. Я не знаю, чего я хочу, лейтенант! Врезать ему по физиономии. Упрятать в тюрьму. Я даже не знаю, совершил ли он преступление. Помимо того, что так жестоко обидел меня. Но это и не важно. Здесь я по другой причине.

Хоук придвинулся к ней.

— И по какой же?

— По какой? — Ее глаза опять наполнились слезами. Пальцы сжались в кулаки, она беспомощно забарабанила ими по столу. — Разве не понятно? Я здесь потому, что мне просто некуда больше идти!

Хоук встал, шагнул к ней, и она тут же пришла в его объятия. Она уткнулась лицом в его плечо. Он крепко прижимал ее к себе, чувствуя, как она дрожит всем телом, а Карен и не думала отстраняться.

— Он умер! Я скорбела. Я страдала. Спрашивала себя, успел ли он вспомнить нас в последний момент своей жизни. Каждый день корила себя за то, что не сказала ему несколько слов на прощание, не поцеловала. А теперь выясняется, что он жив... — У нее перехватило дыхание. Она вытерла слезы со щек. — Я не хочу, чтобы за ним охотились. Он выбрал этот путь, и, вероятно, у него были на то причины. Он не подонок, лейтенант, что бы вы о нем ни подумали. Я даже не хочу, чтобы он вернулся. Слишком поздно. Понятия не имею, что я почувствую... Наверное, я просто хочу знать... Я просто хочу знать, почему он так поступил со мной, лейтенант. Я хочу знать, что он сделал. Я хочу увидеть его лицо и услышать от него правду. Это все.

Хоук кивнул. Еще раз прижал ее к себе и отпустил. На столе у него стояла коробка с бумажными салфетками. Он достал две, протянул ей.

Она улыбнулась:

— Спасибо.

— Это тоже часть моей работы. Люди здесь частенько плачут.

Она рассмеялась, вытерла глаза и нос.

— Наверное, вы считаете меня совершенно беспомощной. Всякий раз, когда видите меня...

— Нет. — Он подмигнул ей. — Только не беспомощной. Но вы точно меня заинтриговали.

Карен вновь попыталась рассмеяться.

— Я даже не знаю, чего я от вас хочу.

— Вот это я как раз знаю.

— Мне просто не к кому обратиться, лейтенант.

— Я — Тай.

И застал ее врасплох. Они застыли, глядя друг на друга. Потом она отбросила прядь светло-каштановых волос от еще заплаканных глаз.

— Ладно. — Она глубоко вдохнула. — Тай.

— И ответ — да. — Он сел на край стола и кивнул. — Я помогу.

ГЛАВА 33

Он сказал «да». Хоук вновь проанализировал ситуацию.

Да, он мог ей помочь. Да, он знал, чего она от него хочет. И сразу понял, что не сможет ничего сделать, оставаясь на работе.

Вечером он вывел «Меррили» в пролив. Сидел в темноте, заглушив двигатель, смотрел на огни Стэмфорда.

«Почему?» — спрашивал он себя.

Потому что ее образ не выходил из головы? Потому что он ощущал мягкость ее тела, прижимающегося к нему, и тонкий запах духов и чувствовал, как каждая его клеточка просыпается от долгого сна?

«В этом причина. Тай? Это все?»

Или причину следовало искать в другом лице — лице молодого человека с рыжими волосами, заплетенными в косички? Это лицо вдруг вспомнилось ему, неожиданно всплыло из памяти, такое пугающе реальное.

Абель Раймонд.

Кровь стекала из уголка рта, скопилась на асфальте лужицей. Хоук, присев рядом, дал себе слово, что найдет, кто это сделал.

Чарльз Фрайдман не умер.

Это все меняло.

Томас Марди. В тот день в 7.57 он сел в этот злополучный поезд в Кос-Коб и погиб при взрыве на Центральном вокзале.

Однако каким-то образом тремя часами позже его кредитную карточку использовали для того, чтобы оплатить проезд на лимузине до Гринвича.

Теперь Хоук знал, кто это сделал.

Он задался вопросом: а может, «мустанг» – совпадение? «Крошка Чарли»... Автомобиль сбил его с толку. Он бы сбил с толку любого.

Но теперь, увидев лицо Чарли на мониторе компьютера, Хоук знал в отличие от Карен Фрайдман, как ее муж провел четыре с половиной часа между тем мгновением, когда попал в объектив камеры, и появлением в банке.

Этот сукин сын не умер.

Во второй половине дня Хоук попросил прокрутить Чарльза Фрайдмана через информационную систему. Обычное дело – кредитные карточки, банковские счета, выезды за рубеж. Фредди Муньос принес ответ на запрос, постучал в дверь, на его лице отражалось недоумение.

– Этот парень умер девятого апреля прошлого года. – Помолчав, добавил: – При взрывах на Центральном вокзале.

Ни кредитных карточек, ни счетов, ни выездов за границу. Хоук не удивился.

Чарльза Фрайдмана и Эй-Джея Раймонда что-то связывало. И не только раритетный «мустанг». Это он знал точно. Каждый жил своей жизнью, в разных вселенных, и, однако, что-то их связывало.

Но что именно?

В Гринвиче Хоуку ответа найти не удалось. Но у парня была семья. В Пенсаколе, так? За его вещами приезжал брат. Отец работал лоцманом в порту. Хоук видел его фотографию.

Да, он сказал, что поможет ей. Хоук завел мотор. Направил «Меррили» в обратный путь.

Он мог ей помочь. И надеялся, что она не будет сожалеть, если его находки ее не порадуют.

Он постучался и открыл дверь в кабинет босса:

– Карл, мне нужен отпуск. Накопились кое-какие дела.

Карл Фицпатрик, начальник полиции Гринвича, сидел за столом, готовясь к совещанию.

– Конечно, Тай. Заходи, присядь. О чем мы говорим? Два-три дня?

– Пару недель, – ответил Хоук. – Может, больше.

– Пару недель? – Фицпатрик уставился на него поверх очков для чтения. – Я не могу отпустить тебя на такой большой срок.

Хоук пожал плечами:

– Может, больше.

– Господи, Тай! – Начальник полиции бросил очки на стол. – Что происходит?

– Сказать не могу. Пока все тихо. Если что-то возникнет, Фредди и Заро справятся. За пять лет я взял не больше недели.

– Все в порядке. Тай? Джесс здорова, не так ли?

– Конечно, Карл, все в порядке. – Они дружили, и Таю не нравилось, что приходится уходить от прямых ответов. – Просто нужно кое-что прояснить.

– Пару недель... – Фицпатрик почесал затылок. Полистал ежедневник. – Дай мне два дня. Я прикину, что к чему. Когда ты собираешься уехать?

– Завтра.

– Завтра?! – Его глаза широко раскрылись. – Завтра никак нельзя, Тай. Ни с того ни с сего.

– Для тебя – возможно. – Хоук медленно поднялся. – А мне – давно пора.

ГЛАВА 34

Зазвенел дверной звонок. Тоби с громким лаем побежал к двери. Алекс ушел к приятелю готовиться к экзамену. Саманта говорила по телефону в гостиной, положив ноги на подлокотник дивана.

– Мама, откроешь дверь?

Карен как раз закончила прибираться на кухне. Бросила тряпку в раковину, направилась к двери.

Когда увидела, кто пришел, лицо осветила радостная улыбка.

Накрапывал мелкий дождь, так что лейтенант надел коричневый нейлоновый плащ.

– Я бы хотел, чтобы вы для меня кое-что сделали.

— Дочь дома. — Карен посмотрела в сторону гостиной, ей не хотелось втягивать Саманту в эту историю. Он сняла с крючка дождевик, накинула на себя, вышла за порог.
— Что именно?

— Просмотрите личные вещи мужа. Записки со стола. Корешки чеков, квитанции. Все, что осталось. У вас есть доступ к его компьютеру?

Карен кивнула. У нее не возникало желания убрать компьютер из кабинета Чарли. Как, впрочем, и включать его.

— Думаю, да.

— Хорошо. Просмотрите его электронные письма, туристические сайты, на которые он заходил перед тем, как исчезнуть, записанные телефоны. А вещи с работы? Они у вас?

— Что-то мне привезли в большой коробке. Она в подвале. Я не могу сказать, где его компьютер с работы. А что я буду искать?

— Все, что может оказаться полезным в поисках его нынешнего местонахождения. Даже если его там не окажется, возможно, у нас появится отправная точка для дальнейших поисков. Будет с чего начинать.

Карен капюшоном прикрыла голову от капель дождя.

— Прошло больше года.

— Я знаю, что прошло больше года. Но записи-то остались. Свяжитесь с его бывшей секретаршей или с туристическим агентством, услугами которого он пользовался. Может, они посылали ему какие-то рекламные буклеты или бронировали где-то отель. Тогда это казалось мелочью. Подумайте сами, куда он мог отправиться. Вы прожили с ним восемнадцать лет.

— Вы думаете, я не копалась в памяти? — Дождь усилился. Карен обхватила себя руками, чтобы чуть согреться. — Попробую еще раз.

— Я вам помогу, когда вернусь.

— Когда вернетесь? Откуда?

— Из Пенсаколы.

— Из Пенсаколы? — Карен пристально взгляделась в его лицо. — Вы едете туда для меня?

— Я дам вам знать, — Хоук улыбнулся, — как только пойму сам. А пока хочу, чтобы вы просмотрели все, что возможно. Постарайтесь мысленно вернуться в то время. Наверняка найдется какая-нибудь зацепка. Всегда что-то да остается. Я свяжусь с вами, как только приеду.

— Спасибо вам. — Она коснулась рукой его плаща. Ее глаза вдруг наполнились слезами.

Давно уже она не чувствовала присутствия в жизни близкого ей человека, а сейчас перед ней стоял мужчина, с которым она познакомилась сразу после смерти Чарли и он увидел ее, совершенно беспомощную, напоминающую утлое суденышко, угодившее в сильнейший шторм. А теперь стал тем единственным, на кого она могла опереться, кто удерживал ее на плаву. Странно, но факт.

— Извините, что втянула вас в эту историю, лейтенант. Я уверена, у вас и на работе хватает дел.

— Вы никуда меня не втягивали, — покачал головой Хоук. — И к работе это не имеет никакого отношения.

— Как так?

— Вы же не хотели, чтобы все это выплыло наружу. Не хотели, чтобы я принимал какие-то меры, если что-то выяснится. Я не мог бы так поступить, если бы находился при исполнении.

Она в недоумении смотрела на него.

— Я не понимаю.

— Я взял отпуск на несколько недель. — Он подмигнул Карен. — Не волнуйтесь. Я все равно не знал, чем себя занять. Но это только я. Без звания и должности. Больше никого. — Его синие глаза блеснули в улыбке. — Надеюсь, вы не возражаете?

Не возражает ли она? Карен не знала, чего хотела, когда шла к нему. Может, искала человека, который только выслушает ее. Но теперь ее сердце растаяло. Он действительно собрался ей помочь.

— Почему?..

Он пожал плечами:

— Остальные... они или заняты, или попросили бы денег. Карен улыбнулась в ответ, чувство благодарности теплой волной поднялось в груди.

— Я хотела спросить, почему вы это делаете, лейтенант?

Хоук переступил с ноги на ногу.

— Честно говоря, не знаю.

— Вы знаете. — Карен пристально посмотрела на него, откинула со лба прядь мокрых волос. — И скажете мне, когда придет время. Но все равно спасибо вам, лейтенант. Какой бы ни была причина.

— Мне казалось, мы это уже проходили. Я — Тай.

— Хорошо, Тай.

Карен протянула руку. Он ее сжал. Так они и стояли, поливаемые дождем.

– Я – Карен. – Их взгляды встретились. – Я так рада, что встретила тебя, Тай.

ГЛАВА 35

Григорий Ходошевский нажал на педаль газа, и его трехколесный «ти-рекс» {Гибрид спортивного автомобиля и мотоцикла} стоимостью в семьдесят тысяч долларов и оснащенный двигателем мощностью в триста лошадиных сил выкатился на гоночный трек, построенный на территории двадцатиакрового поместья в Гринвиче.

За ним на собственном ярко-красном «ти-рексе», стараясь не отставать, последовал его четырнадцатилетний сын Павел.

– Давай, парень! – Ходошевский рассмеялся в микрофон шлема, объезжая стартовую стойку, чтобы встать с другой стороны. – Ты же не позволишь своему старику сделать тебя? – И рванул с места.

Павел слишком резко вошел в поворот, едва не перевернулся, но удержал машину и помчался дальше, наращивая скорость. На холме он чуть не оторвался от земли.

– Я тебя догоняю!

Они промчались по берегу искусственного пруда, мимо вертолетной площадки, оказались на длинной прямой. На холме высился особняк Ходошевского из красного кирпича, площадью в восемнадцать тысяч футов, напоминающий замок, с огромным мощным двором, с фонтанами и гаражом на восемь автомобилей. В этой «конюшне» стояли «ламборджини-мурсилаго», желтый «хаммер», на котором по городу разъезжала его жена, сделанный по индивидуальному заказу «майбах-мерседес» с пуленепробиваемыми стеклами и спутниковой связью, который обошелся ему более чем в полмиллиона долларов.

В свои сорок восемь Черный Медведь, как иногда называли Ходошевского, был одним из самых могущественных людей этого мира. Когда в 1990-х годах в России началась массовая приватизация, он убедил французский инвестиционный банк купить практически развалившийся завод автомобильных узлов и агрегатов в Иркутске, потом на правах совладельца завода получил место в совете директоров «Тазпроста», крупнейшего автостроительного предприятия России. Вскоре два члена совета, наиболее активно противостоявшие его напору, погибли при невыясненных обстоятельствах, и тридцатичетырехлетний Ходошевский стал безраздельным хозяином завода. После этого он приобрел эксклюзивное право на торговлю «мерседесами» и «ниссанами» в Эстонии и Латвии, купил сотни автозаправочных станций «Газмост», чтобы заправлять эти и многие другие автомобили.

При Ельцине российскую экономику разрывали на части жадные до денег российские бизнесмены. Большая гребаная кондитерская – так называл свою страну Ходошевский. Он строил и открывал универмаги по образу и подобию «Хэррода», где продавалась продукция самых известных западных фирм. Он приобретал права на торговлю дорогим французским шампанским и винами. Потом пришел черед банков, радиостанций. Наконец у него появилась своя авиационная компания.

Не оставлял Ходошевский без внимания и Запад, и теперь, через холдинговую компанию, ему принадлежала чуть ли не половина Елисейских полей.

Создавая свою империю, Ходошевский далеко не всегда играл по правилам. Министры экономического блока при Путине получали у него вторую зарплату. Многих его конкурентов арестовали и посадили в тюрьму. Кого-то убили, кто-то выпал из окна своего кабинета или погиб в автомобильной аварии по пути домой. В эти дни доход Ходошевского превосходил бюджет некоторых небольших, но достаточно богатых стран. В России он крал то, что не мог купить.

К счастью, совесть не мучила его и не мешала спокойно спать по ночам. Каждый день через своих эмиссаров он поддерживал тесные контакты со многими влиятельными людьми – европейцами, арабами, южноамериканцами, – влияние которых простиралось во все уголки Земли. Их капиталы являли собой некую суперэкономику, благодаря которой росли цены на недвижимость, процветала торговля предметами роскоши, производители яхт трудились не покладая рук, индекс Доу-Джонса рос и рос. Они развивали глобальную экономику точно так же, как Международный валютный фонд способствовал развитию отдельных государств. Покупали угольные шахты в Смоленске, поля сахарного тростника для дальнейшей его переработки в этанол в Коста-Рике, сталелитейные заводы во Вьетнаме. И как бы ни падала монета, они всегда оставались в плюсе. При любом раскладе ходошевские никогда не проигрывали.

За исключением разве что таких случаев, как сегодня, когда Григорий чуть отпустил педаль газа.

– Давай, Павел! Посмотрим, на что ты способен. Ну-ка прибавь!

Смеясь, они мчались по завершающей прямой, которая переходила в дугу, огибающую массивный фонтан, красующийся во дворе перед домом. Двигатели «ти-рекс» ревели, машины трясло на брусчатке, положенной бельгийскими мастерами.

– Я тебя обгону, Павел! – крикнул Ходошевский, поравнявшись с сыном.

– Мечтать не вредно, старик! – Павел прибавил газу и улыбнулся.

В последний поворот они вошли ноздря в ноздю. Колеса соприкоснулись, посыпались искры, и «ти-рекс» Ходошевского влетел в бассейн старинного фонтана, вывезенного из Франции. Фибергласовый корпус сложился, как папиросная бумага. Павел победно вскинул руку, проезжая мимо.

– Я победил!

Потирая бок, Ходошевский вылез из разбитой машины. Восстановлению не подлежит, мрачно отметил он. Семьдесят тысяч долларов псу под хвост.

Павел выскочил из своего «ти-рекса», подбежал к отцу.

– Папа, как ты?

– Как я? – Он снял шлем, похлопал себя по животу, по спине. На локте краснела царапина. – Ничего не сломано. Здорово у тебя получилось, мой мальчик. Веселая забава, не так ли? Ты еще станешь пилотом «Формулы-1». А теперь помоги мне укатить эту рухлядь в гараж, пока твоя мать не увидела, что мы наделали. – Он взъерошил волосы сына. – У кого еще есть такие игрушки, а?

В этот момент зазвонил мобильник. Русский сунул руку в карман джинсов, достал блэкберри. Номер узнал.

– Одну минуту, Павел, – махнул он рукой сыну. – Боюсь, это по делу.

Он сел на бордюр фонтана, провел рукой по черным волосам.

– Ходо слушает.

– Я просто хотел сообщить, – заговорил банкир, – что активы, о которых мы беседовали, переведены. Последний транш я привезу ему сам.

– Это хорошо, – фыркнул Ходошевский. – Главное, ты доверяешь ему после того, что он устроил нам в прошлом году. Ты уж, пожалуйста, объясни ему, какую цену нужно заплатить за право иметь с нами дело. На этот раз проследи, чтобы он все понял.

– Обязательно объясню, – заверил его немецкий банкир. – И не забуду передать ваши наилучшие пожелания.

Ходошевский отключил связь. Не в первый раз, подумал он, придется пачкать руки. И конечно же, не в последний. Этот человек был его хорошим другом. Он много раз с ним обедал, выпил не одну бутылку хорошего вина. Но никакого значения это не имело. Ходошевский стиснул зубы. Никому не позволено безнаказанно терять такие деньги.

Никому.

– Пошли, парень. – Он подошел к Павлу, похлопал его по спине. – Оттащим эту рухлядь в гараж. Там стоит еще один, новенький. Может, дашь своему старику второй шанс?

ГЛАВА 36

– Мистер Раймонд?

Хоук постучал в дверь маленького аккуратного домика с выбеленными стенами и под шиферной крышей в одном из районов Пенсаколы, где проживал по большей части средний класс. Лужайка давно выгорела под жарким солнцем. В гараже на один автомобиль стоял черный пикап с наклейкой на заднем бампере: «Даже Иисус Христос любил хорошее пиво».

Дверь открылась, Хоук увидел мужчину с дочерна загорелым лицом.

– Кто вы?

– Моя фамилия Хоук. Я лейтенант полицейского участка Гринвича, штат Коннектикут. Расследовал смерть вашего сына.

На щеках и подбородке Раймонда, мужчины среднего роста и крепкого телосложения, серебрилась щетина. Хоук предположил, что ему лет шестьдесят. Солнце и ветер продубили его кожу на всю оставшуюся жизнь. На темном лице особенно ярко блестели голубые глаза. Мускулистое правое предплечье украшала выцветшая от времени красно-синяя армейская татуировка.

– Все зовут меня Паппи, – пробурчал мужчина, отступая в сторону, чтобы Хоук мог войти. – Мистер Раймонд я слышу только от людей, которые хотят получить с меня деньги.

Хоук прошел в скромно обставленную гостиную. Диван, который определенно отпраздновал сорокалетие, деревянный стол с парой банок «Будвайзера» на нем. Работал телевизор: по какому-то каналу в несчетный раз показывали «Секретные материалы». На стене висели фотографии в рамках. Дети. В бейсбольной и футбольной форме.

Одного мальчика Хоук узнал.

– Присаживайтесь. – Паппи указал на стул. – Я бы предложил вам что-нибудь, но жена уехала к своей сестре в Дестин, так что в доме ничего нет, кроме недельной запеканки да теплого пива. Что привело вас в такую даль, лейтенант Хоук?

– Ваш сын.

— Мой сын? — Раймонд взял пульт дистанционного управления, выключил телевизор. — Мой сын уже с год как умер. Его сбил автомобиль. Водителя не нашли. Как я понимаю, дело закрыто.

— Появилась новая информация, — Хоук переступил через стойку лежащих на полу газет, — которая позволяет взглянуть на случившееся под другим углом.

— Под другим углом?.. — Старик пренебрежительно фыркнул. — Самое время!

Хоук несколько мгновений смотрел на него. Потом указал на одну из фотографий на стене:

— Это Эй-Джей, не так ли?

— Это Абель, — кивнул Раймонд.

— Играл в защите, да?

Раймонд ответил после долгой паузы:

— Послушай, сынок, я знаю, ты приехал издалека и как-то стараешься помочь моему сыну... — Он замолчал, всмотрелся в Хоука из-под тяжелых век. — Но почему ты здесь?

— Чарльз Фрайдман, — ответил Хоук. Убрал другую стопку газет со стула, сел напротив Раймонда. — Эта фамилия ничего вам не говорит?

— Фрайдман? Нет. Никогда не слышал.

— Вы уверены?

— Я же сказал, так? Моя правая рука немного трясется, но с головой у меня все в порядке.

Хоук улыбнулся:

— Эй-Джей... Абель не упоминал это имя?

— При мне — нет. Дело в том, что мы особо и не разговаривали больше года, после того как он перебрался на север. — Старик потер подбородок. — Не знаю, известно ли тебе об этом, но я тридцать лет проработал в порту.

— Известно. От другого вашего сына, который приезжал за вещами Эй-Джея.

— Тяжелая жизнь, — выдохнул Паппи Раймонд. — Вот посмотрите на меня... — Он взял фотографию, на которой стоял за штурвалом буксира, протянул Хоуку. — Однако деньги эта работа приносила. Абель в отличие от меня учился в школе, хотя и не так чтобы прилежно. Он решил идти своим путем... Мы все сами делаем выбор, не так ли, лейтенант Хоук? — Паппи поставил фотографию на прежнее место. — В любом случае нет. Не упоминал он никакого Чарльза Фрайдмана. А что?

— Что-то его связываю с Эй-Джеем.

— Правда?

Хоук кивнул.

— Он управлял хеджевым фондом. Считался погибшим при взрывах на Центральном вокзале в Нью-Йорке, в прошлом апреле. Но как только что выяснилось, не погиб. Выбравшись из Центрального вокзала, он вернулся в Гринвич, позвонил вашему сыну и договорился о встрече.

— Позвонил Абелю? Зачем?

— Потому-то я здесь. Чтобы это выяснить.

Глаза отца настороженно сощурились. Такое Хоуку доводилось видеть не раз.

Паппи рассмеялся:

— Ну и ну! Один мертвец приезжает на встречу с другим.

— Эй-Джей никогда не говорил о своей причастности к чему-то такому, за что могут убить? Наркотики, азартные игры... может, шантаж?

Раймонд убрал ноги со стола, наклонился вперед.

— Я знаю, ты проделал долгий путь, лейтенант, но я не позволю говорить ничего плохого про моего сына.

— Я только спросил. Извините. Меня интересует лишь то, что может пролить свет на его убийство. А больше всего — ответ на вопрос: почему человек, который едва не расстался с жизнью и чей мир никак не соприкасался с миром вашего сына, сразу же едет в Гринвич и связывается с ним?

Паппи Раймонд пожал плечами:

— Я не коп. Полагаю, проще всего спросить этого Фрайдмана.

— Я бы спросил, если б мог. Но он считался погибшим. Больше года. Исчез.

Хоук встал.

— Вы думаете, он убил Абеля? — спросил Паппи Раймонд. — Чарльз Фрайдман? Сбил его на дороге?

— Не знаю. Но думаю, ему известно, что произошло.

— Мой сын был хорошим мальчиком. — Раймонд вновь шумно выдохнул. Его глаза заблестели. — Упрямым, правда. Все делал по-своему. Жаль, что мы проводили вместе не так много времени. — Он вздохнул. — Но вот что я тебе скажу: этот мальчик не обидел бы и гребаной мухи, лейтенант. И не было причины... — Он покачал головой. — Не было причины для такой смерти.

— Может, мне стоит спросить у кого-то еще? — настаивал Хоук. — Кто может знать. Я хотел бы помочь вам.

— Помочь мне?

– Раскрыть убийство Эй-Джея, мистер Раймонд, потому что я уверен: это не несчастный случай.

Старик невесело рассмеялся:

– Ты, похоже, хороший парень, лейтенант, и приехал издалека. Как, ты говоришь, твоя фамилия?

– Хоук.

– Хоук. – Паппи Раймонд включил телевизор. – Возвращайся назад, лейтенант Хоук. Откуда приехал. В Коннектикут. Потому что для меня толку от «новой информации» нет. Что бы ты ни сделал, мне уже ничто не поможет.

ГЛАВА 37

Паппи Раймонд что-то скрывал. Только этим объяснялось его стремление отгородиться от Хоука каменной стеной. И лейтенант знал, что расколоть старика – задача не из простых.

Он вернулся в отель «Харбор-инн», в холле заглянул в магазин сувениров, чтобы купить Джесс футболку с надписью «Скалы Пенсаколы», поднялся к себе, достал из мини-бара банку пива, завалился на кровать, включил Си-эн-эн.

Как обычно, что-то случилось. Взрыв на нефтеперерабатывающем заводе в Лагосе. Погибло более ста человек. Весь день поднимались цены на нефть.

Он нашел телефонный номер брата Эй-Джея, Пита, который после инцидента приезжал в Гринвич за вещами покойного.

Пит сказал, что может встретиться с ним завтра после смены.

Бар «Булинь» находился рядом с портом, где Пит, два года назад демобилизовавшийся из береговой охраны, работал лоцманом, как и его отец.

– В отце словно что-то сломалось... – Пит отпил пива, – после смерти Эй-Джея. Никто никогда не считал моего отца плюшевым медвежонком, но сегодня он идет на работу с твердым намерением бороться до конца, а на следующий день уже ничего не может и не хочет. Даже не заговаривает об этом. И никаких объяснений, почему так.

– Вы думаете, это чувство вины?

– Вины?

Хоук глотнул пива.

– Я допрашивал достаточно много людей, Пит. И думаю, он что-то скрывает.

– Насчет Эй-Джея? – Пит пожал плечами и поправил волосы под бейсболкой «Джексонвиллских ягуаров». – Что-то тут было... Люди, с которыми он общался, рассказывали мне одно и то же: он наткнулся на что-то противозаконное. Какие-то корабли, груз которых не соответствовал заявленной декларации. Он считал, что речь идет о подрыве национальной безопасности. Весь кипел. А потом смерть Эй-Джея. И на том для него вся эта история с кораблями закончилась. Что бы там ни было, он об этом больше не заикался. Словно напрочь обо всем забыл.

– Я не очень-то на него и напирал. – Хоук покачал в руке бутылку с пивом. – У меня одна задача – найти убийцу вашего брата, потому что я уверен: его убили. Может, вы знаете человека, который расскажет об этом побольше?

Пит задумался.

– Я могу назвать несколько имен. Его давние друзья. Но я не очень-то понимаю, почему вы думаете, что одно связано с другим.

Хоук положил на стойку несколько купюр.

– Тем не менее мне это поможет.

– Тридцать лет... – Пит поднялся и допил пиво. – Отца в порту почитали как бога. Здесь он был в курсе всего. А теперь посмотрите на него. Он всегда был суровым, но сейчас озлобился на весь мир. Очень уж сильно подействовала на него смерть Эй-Джея. Куда сильнее, чем я ожидал. Учитывая, что с Эй-Джеем они не жили душа в душу, скорее наоборот.

На следующий день Хоук устроил себе экскурсию по докам. Утром в порт пришли два больших корабля, и теперь громадные краны переносили массивные контейнеры с палубы на пирс.

Он нашел Мака Тайлера, широкоплечего, обожженного солнцем помощника капитана лоцманского катера. Их катер как раз вернулся после проводки очередного судна.

Тайлер поначалу держался настороженно. Люди обычно оберегают своих родственников и друзей, а тут вдруг появляется коп из далекого далека и начинает задавать вопросы. Хоуку пришлось пустить в ход все свое обаяние, чтобы расположить к себе Тайлера.

– Я помню, как однажды мы вышли в море... – Тайлер привалился к стене, закурил. – Он собирался подняться на борт нефтяного танкера, который нам предстояло провести в порт. Паппи постоянно говорил, что с этими кораблями что-то нечисто, что у них фальшивые декларации. Слишком высоко сидят они в воде, так что танки у них пустые, а

не залиты нефтью, как указано в декларации. Я думаю, однажды он тайком прокрался на один такой танкер, чтобы заглянуть в танки. В любом случае, – Тайлер выпустил струю дыма, – в тот раз мы встали борт о борт, с танкера спустили трап, и Паппи собрался подняться по нему. И тут у него звонит мобильник. В пять утра, можете себе такое представить? Паппи принимает сообщение, и внезапно ноги у него подгибаются, лицо бледнеет, такое ощущение, будто у него инфаркт. Мы запросили другой катер, а старика я отвез домой. Врача он вызывать не стал. Сказал, мол, паническая атака. Почему – не сказал. Паническая атака, чтоб я сдох!

– Вы помните, когда это было? – спросил Хоук.

– Конечно, помню. – Тайлер вновь выдохнул дым. – Вскоре после смерти его парня в ваших краях.

Позже Хоук встретился в маленьком кафетерии на территории порта с Реем Дюбуа, еще с одним лоцманом.

– Он словно обезумел, – рассказывал Дюбуа, крупный мужчина с курчавыми седыми волосами, почесывая лысину на макушке. – Только и говорил о танкерах какой-то нефтяной компании, которая фальсифицирует груз. Насчет того, что эти танкеры сидят в воде очень уж высоко. Он мол, видел их не один раз. Одна компания. Один логотип. То ли кит, то ли акула на борту. Не могу вспомнить.

– Что случилось потом?

– Начальник порта велел ему дать задний ход. – Дюбуа отпил кофе. – Вот что случилось! Сказал, что этим занимается таможня, а не мы. «Наше дело – проводка кораблей, Паппи». Но Паппи, он не успокоился. Поднял шум на таможне. Попытался связаться с одним репортером, с которым как-то познакомился в баре. Мол, вопрос национальной безопасности, а он, Паппи, – Брюс Уиллис или кто-то такой.

– Продолжайте.

Дюбуа пожал плечами:

– Все советовали ему не лезть в бутылку, заниматься своим делом. Но Паппи никого не желал слушать. Упрямый старый дурак. Знаете таких? Они ведут себя так еще в животе матери. Мне очень не хватает этого сукина сына. Вскоре после смерти Абея он собрал вещички и ушел. После тридцати лет работы на одном месте. Очень переживал. И вот что забавно... – Дюбуа смял чашку из вощеной бумаги и бросил в урну у стены. – После этого я не слышал от него ни слова об этих танкерах.

Хоук поблагодарил его и поехал в отель. Вторую половину дня он просидел на маленьком балконе, который выходил на бухту Пенсаколы.

Старик что-то скрывал. Насчет этого Хоук не сомневался. Он сотню раз видел такие скованные тревогой лица. «Что бы ты ни сделал, мне уже ничто не поможет...»

Причиной могло быть только чувство вины: он оттолкнул от себя младшего сына, и вот что из этого вышло.

Но возможно, этим дело не ограничивалось. Возможно, автомобиль сбил Эй-Джея не случайно. Вот почему они не смогли найти внедорожник, который описали свидетели. Почему никто другой его не видел? Может, кто-то тщательно подготовил убийство сына Паппи Раймонда?

И Хоук не сомневался, что танкеры имеют отношение к этому убийству.

Подумал, не позвонить ли Карен, узнать, что она выяснила, но перед глазами то и дело возникало суровое лицо старого лоцмана.

ГЛАВА 38

Карен, как и просил Хоук, просмотрела все вещи Чарли. Открыла картонные коробки, которые держала в подвале, приняла все меры к тому, чтобы не привлекать внимание детей. Хизер, его секретарша, прислала эти тяжелые, набитые бумагами коробки с запиской: «Никто не знает, что в них. Может, вы что-то захотите сохранить». Буклеты из туристических агентств они всегда просматривали вместе. Хватало в коробках и писем. Писем было великое множество. Плюс руководства по «мустангу», который Чарли просил не продавать.

Если на то пошло, коробки вобрали в себя всю их совместную жизнь, но ничего полезного она не нашла. В какой-то момент Карен раздраженно привалилась спиной к стене подвала и молчаливо спросила: «Чарли, почему ты так поступил с нами?»

Потом она занялась компьютером, который по-прежнему стоял на столе в его кабинете. Включила его впервые после исчезновения мужа. Создалось ощущение, будто она шпионит за ним. Когда Чарли жил в этом доме, она бы никогда такого не сделала. У Чарли не было даже пароля. Так что Карен сразу получила доступ к файлам. Но что в них могло скрываться?

Один за другим она просматривала документы. Главным образом письма, которые Чарли отправлял из дома. Черновики одной или двух речей, с которыми он выступал. Она заглянула в почтовый ящик. Пусто.

Карен ощущала полную безысходность. Сидела за его столом, в его кабинете, где он подписывал счета, просматривал журналы, проверял ситуацию на бирже, и будто подглядывала за ним.

Конечно же, она не могла обнаружить ничего интересного. Он же не хотел, чтобы его нашли. В этом гребаном мире он мог быть где угодно.

По правде говоря, Карен не знала, как бы она повела себя, если б сумела его найти.

Она позвонила Хизер, которая теперь работала в небольшой юридической фирме. Связалась с Линдой Эдельштейн, которая организовывала их зарубежные поездки. Спросила, не сохранились ли у них в памяти какие-то необычные поступки Чарли (покупка, скажем, кондоминиума, или автомобиля, или заказ круиза) за несколько недель до смерти. Придумала байку о том, что нашла в его бумагах какую-то записку о планах на следующую годовщину свадьбы.

Разве могла она сказать, чем в действительности вызваны ее вопросы?

Линда добросовестно прошерстила свой компьютер. — Ничего такого не было, Кар. Да я бы и помнила. Извини, дорогая. Ничем помочь не могу.

Карен сидела среди вещей мужа и злилась. Она уже сожалела о том, что решила посмотреть тот документальный фильм. Он все перевернул с ног на голову.

«Почему ты так поступил с нами, Чарли? Что же ты такого сделал? Скажи мне, Чарли!»

Она взяла стопку отдельных листов и уже собралась швырнуть их в стену, но тут ее взгляд упал на служебную записку на бланке «Харбор кэпител» с указанием рассылки. Одна фамилия привлекла ее внимание. Фамилия, которую она много месяцев не вспоминала.

К фамилии добавился голос. Голос, на который она не отреагировала, а теперь он вдруг зазвенел в ушах: «Я бы хотел поговорить с вами, миссис Фрайдман. В удобное для вас время. Есть некоторые нюансы, о которых вы должны знать».

ГЛАВА 39

Адрес (дом 3135 по Маунт-Вью-драйв, живописной улице в Аппер-Монтклер, штат Нью-Джерси) Карен нашла в бумагах Чарли. Решила, что это не телефонный разговор. И поехала туда в субботу, после полудня.

«Есть некоторые нюансы, о которых вы должны знать».

Сол говорил, что вопрос личный, связанный с компенсациями. И действительно, больше Лауэр ее не беспокоил. И не то чтобы она не доверяла Солу. Просто, раз уж они вникали во все, как и хотел Тай, она подумала, что должна связаться с Лауэром напрямую. Она так ему и не перезвонила. И произошло все это так давно!

Но внезапно слова трейдера Чарли обрели новое, куда более важное значение.

Карен свернула на подъездную дорожку. В гараже на два автомобиля стоял белый «мини-вэн». Дом построили из кедра и стекла. Чуть ли не весь фасад занимало окно в два этажа. На лужайке рядом с маленькими воротами для соккера лежал детский велосипед. Вдоль дорожки росли цветы.

Карен немного нервничала, нажимая на кнопку звонка. Все-таки прошло так много времени.

— Я открою, мамик!

Дверь открыла девочка лет пяти или шести. С двумя косичками.

— Привет, — улыбнулась Карен. — Папа или мама дома?

Издалека донесся женский голос: «Люси, кто пришел?»

К двери подошла Кэти Лауэр со скалкой в руке. Карен видела ее дважды. Один раз на корпоративной вечеринке, второй — на мемориальной службе. Изящная, стройная, с темными волосами до плеч, в зеленом спортивном костюме. При виде Карен ее глаза удивленно раскрылись.

— Не знаю, помните ли вы меня... — начала Карен.

— Разумеется, помню, миссис Фрайдман, — ответила Кэти Лауэр и погладила по головке дочь, которая уткнулась носом ей в бедро.

— Карен, — поправила ее Карен. — Извините, что беспокою вас. Вы, конечно, удивляетесь, что я свалилась как снег на голову, но... Ваш муж дома?

Кэти Лауэр как-то странно на нее посмотрела.

— Мой муж?

Возникла неловкая пауза.

Карен кивнула и пояснила:

— Джонатан звонил мне пару раз после того, как Чарли... — Она запнулась, не смогла заставить себя произнести слово «погиб». — Я тогда была сама не своя. Не позвонила ему. Теперь вот решила исправиться. Конечно, прошло столько времени. Но он сказал...

— Сказал что? — Кэти Лауэр пристально смотрела на нее, и Карен никак не могла понять, в чем дело. Кэти предложила дочери вернуться на кухню. Пообещала, что придет через минуту и они доделают пирог. Девочка убежала.

— Сообщил, что должен кое-что рассказать мне о бизнесе моего мужа, — уточнила Карен. — Он дома? Я, конечно, заявилась...

— Джонатан умер, — оборвала ее Кэти Лауэр. — Я думала, вы в курсе.

— Умер? — Карен показалось, что у нее остановилось сердце. Кровь бросилась в лицо. — Господи, простите меня... Нет...

— Около месяца назад. Возвращался с велосипедной прогулки, поднимался на Маунт-Вью-драйв. Его сбил автомобиль. Водитель даже не остановился.

ГЛАВА 40

Тускло освещенный, грязный бар «39-й док» находился рядом с портом. В окне мигала реклама пива «Миллер». Над дверью из стены выпирал деревянный нос корабля. Хоук видел, что внутри работает телевизор. Показывали баскетбол. Регулярный чемпионат закончился, пришло время плей-офф. У стойки кричали болельщики.

Хоук вошел в бар.

Судя по рабочей одежде, люди приходили сюда прямо из порта. Докеры и моряки. Снимали напряжение. Клерки сюда не заходили. Рей Дюбуа сказал Хоуку, что тот почти наверняка найдет здесь Паппи.

Хоук поймал взгляд бармена, заказал эль «Басе». Заметил и Паппи: с несколькими друзьями он пил пиво у дальнего конца стойки. Старика баскетбол не интересовал. Он смотрел прямо перед собой, игнорируя крики соседей по стойке и удары локтем, когда кто-то из игроков забрасывал мяч. В какой-то момент Паппи оглянулся, заметил Хоука, тут же злобно сощурился и выпятил челюсть. Взял со стойки стакан пива, встал и протолкался сквозь толпу к детективу.

— Я слышал, ты спрашивал обо мне. Вроде бы я посоветовал тебе возвращаться туда, откуда приехал.

— Я расследую убийство.

— А я не хочу, чтобы ты расследовал это убийство. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое и уехал домой.

— На что вы наткнулись? — спросил Хоук. — Из-за этого вы не хотите говорить со мной, так? Из-за этого вы оставили работу... или вас вынудили ее оставить. Кто-то пригрозил вам. Вы не можете притворяться, что все уляжется само собой. Теперь не уляжется. Ваш сын мертв. Из-за этого в Гринвиче устроили «несчастный случай»? Почему убили Эй-Джея?

— Отстань от меня! — Паппи Раймонд оттолкнул руку Хоука. Тот видел, что старик пьян.

— Я пытаюсь раскрыть убийство вашего сына, мистер Раймонд. И я его раскрою, можете вы мне или нет. Почему вы не хотите поговорить со мной? Почему не рассказываете, что вы нашли?

С каждым словом Хоука в глазах Паппи Раймонда нарастала злость.

— Ты меня не слышишь, сынок? — Он ткнул стаканом пива в грудь Хоуку. — Мне не нужна твоя помощь. Я без нее обойдусь. Уезжай отсюда! Уезжай домой!

Хоук схватил его за руку.

— Я вам не враг. Но вы едите себя поедом из-за того, что позволяете убийцам сына оставаться на свободе. Эти корабли приходили в порт пустыми, верно? Документы подделывались. Вот почему Эй-Джея убили. Никакого несчастного случая. Я это знаю. И вы это знаете. Вы мне не говорите, но кто-нибудь обязательно скажет. И я останусь здесь, пока все не выясню, даже если мне придется поставить палатку на вашей гребаной лужайке.

Толпа взревела.

— Иди сюда, Паппи, — позвал старика кто-то из его дружков. — Уэйд только что забросил трехочковый. Мы отстаем всего на шесть очков.

— Повторяю в последний раз! — Паппи буквально пронзил Хоука взглядом. — Уезжай домой.

— Нет, — покачал головой Хоук. — Я никуда не уеду.

Вот тут старик поднял руку и ударил. С прицелом у него было не очень, и попал он в плечо мужчины, который сидел рядом, а уж потом задел щеку Хоука. Чувствовалось, однако, что бить он умеет. Стакан вылетел из руки Хоука, разбился, ударившись об пол, брызги эля полетели во все стороны.

К ним повернулись соседи.

— Что тут...

– Что тебе от меня нужно, мистер? – Паппи схватил Хоука за рубашку. Вскинул вторую руку. – Разве ты не можешь вернуться туда, откуда приехал, и не ворошить прошлое? Хочешь стать героем, раскрыть чье-то преступление? Оставь мою семью в покое!

– Почему вы оберегаете этих людей? Кем бы они ни были, они убили вашего сына!

Паппи, с занесенным кулаком, наклонился к Хоуку, их лица разделяли несколько дюймов. От старика разило пивом и злобой.

– Почему? – Хоук смотрел ему в глаза. – Почему?..

– Потому что у меня есть другие дети! – В глазах Паппи горела боль. Кулак не опускался. – Вы не понимаете? Они забирают детей!

– Я знаю. – Хоук встретился взглядом со стариком. – Как раз это я знаю. Я тоже потерял ребенка.

Хоук что-то сунул в ладонь старика, когда подошли двое друзей Паппи и оттащили его, говоря, что старик перебрал, и предлагая купить пиво Хоуку. Они усадили старика за стойку, в которую тот и устался, не обращая внимания на игру, крики, сигаретный дым.

В какой-то момент Паппи разжал кулак, посмотрел, что сунул ему Хоук. Его глаза широко раскрылись. Он повернулся к лейтенанту.

«Пожалуйста, – молчаливо, теперь уже с отчаянием на лице молил он. – Уезжай».

ГЛАВА 41

– Мама! – Саманта постучала в дверь спальни.

Карен повернулась:

– Да, цыпленок?

Карен сидела на кровати. Работал телевизор. Она даже не знала, что смотрит. Всю обратную дорогу думала только об одном: Джонатан мертв. Его сбил автомобиль, когда он возвращался домой с велосипедной прогулки. Трейдер Чарли хотел ей что-то сообщить. У него была семья, двое маленьких детей. И умер он, как тот юноша, в кармане которого обнаружилась бумажка с именем и фамилией Чарли, под колесами автомобиля. Если бы она не вспомнила о нем, не поехала к нему, они бы об этом никогда не узнали.

Саманта села рядом.

– Мама, что происходит?

Карен убавила звук.

– Ты о чем?

– Мама, пожалуйста, мы же не идиоты. Ты больше недели сама не своя. И не нужно иметь медицинский диплом, чтобы понять, что это не грипп. Что-то происходит. Ты в порядке?

– Разумеется, милая.

Карен догадывалась, что ее лицо говорит совсем о другом. Но разве могла она сказать дочери правду?

Саманта не сводила с нее глаз.

– Я тебе не верю. Посмотри на себя. Ты уже столько дней практически не выходишь из дома. Не бегаешь трусцой, не ходишь на йогу. Бледная, как призрак. Ты не должна ничего от нас скрывать. Особенно что-то важное. Ведь ты не больна, верно?

– Нет, дорогая. – Карен взяла руку дочери. – Я не больна. Честное слово.

– Тогда в чем дело?

Что она могла сказать? Что видела лицо мужа после его предполагаемой смерти? Что нашла деньги и фальшивый паспорт с кредитными карточками? Что Чарли, возможно, совершил что-то противозаконное? Что два человека, которые могли об этом что-то рассказать, умерли? Разве можно сообщать детям о том, что отец обманул их таким чудовищным образом? Карен не могла найти ответы на эти вопросы. Не могла причинить боль тем, кого любила больше всего на свете.

– Может, ты беременна? – не унималась Сэм.

– Нет, цыпленок. – Карен попыталась улыбнуться, но из уголка ее глаза покатились слеза. – Я не беременна.

– Ты грустишь из-за того, что я уезжаю в колледж? Если грустишь, так я не поеду. Поступлю в местный. Останусь с тобой и Алексом...

– Ох, Саманта! – Карен обняла дочь, прижала к себе. – Я бы никогда, никогда так не сделала. Я горжусь тобой, цыпленок. Тем, сколько ты положила на это сил и времени. Я горжусь вами обоими. У вас впереди целая жизнь. И случившееся с отцом ничего не должно изменить.

– Тогда в чем же дело, мама? Вчера вечером я видела здесь детектива из Гринвича. Вы о чем-то говорили под дождем. Пожалуйста, ты можешь мне сказать. Ты всегда требовала от меня честности. Теперь твоя очередь.

– Я знаю. – Она откинула прядь волос с глаз Саманты. – Я всегда этого хотела, и ты меня не разочаровывала, верно?

– По большей части да. – Саманта пожала плечами. – Кое-что, конечно, оставляла при себе.

– Кое-что оставляла при себе. – Карен улыбнулась. – Значит, и мне так можно? Улыбнулась и Саманта.

– Я знаю, что пришла моя очередь делиться, Сэм. Но сейчас сказать не могу. Пока не могу. Извини. Не все...

– Это как-то связано с отцом, мама? Я видела, ты разбирала его вещи...

– Сэм, пожалуйста, ты должна мне доверять. Я не могу...

– Я знаю, он любил тебя, мама. – Глаза Саманты заблестели. – Любил нас всех. Я надеюсь, мне повезет и я встречу человека, который будет так же любить меня.

– Да, малыш. – Карен крепко прижала дочь к себе. Обе заплакали. – Я знаю, малыш, знаю...

И замолчала, не договорив. В голове мелькнула пугающая мысль.

Жена Лауэра сказала, что мужа убили за несколько дней до того, как ему предстояло давать показания по «Харбор кэпител». Сол Ленник не мог не знать об этом.

«Не волнуйся, я все улажу...»

И он ей ничего не сказал.

Внезапно Карен задалась вопросом: «Он знал? Он знал, что Чарли жив?»

– Да, малыш. – Карен продолжала гладить дочь по голове. – Я надеюсь, ты встретишь такого человека.

ГЛАВА 42

Сол Ленник стоял на Карловом мосту через Влтаву. Пражане и многочисленные туристы наслаждались отличной погодой и прекрасными видами, открывающимися с моста. За мольбертами сидели художники. Скрипачи играли Дворжака и Сметану. В городе царил праздничное весеннее настроение. Ленник оглядывал готические шпили собора Святого Вита и Пражского замка. Ему вообще нравилась Прага, а особенно – панорама, открывающаяся с этого моста через Влтаву.

Трое мужчин в деловых костюмах вышли с улицы Линарта, остановились под восточной башней.

Один, с песочными волосами, в плаще и коричневой фетровой шляпе, в очках с тонкой металлической оправой, румяный, улыбающийся, направился к Леннику с металлическим чемоданчиком в руке, двое других отстали на несколько шагов.

Ленник хорошо его знал.

Иоганн Петер Фихте, уроженец Германии, работал в департаментах частных клиентов «Кредит Свис» и «Бундесбанка», защитил докторскую диссертацию по экономике в Университете Базеля. Теперь ему принадлежал небольшой частный банк, в число клиентов которого входили многие известные люди.

А также не очень известные, избегающие светиться на публике, но сказочно богатые.

Среди прочего банкир занимался «денежным трафиком». Его годами наработанные связи позволяли в максимально короткие сроки перемешать значительные активы, причем в любом виде (наличные, драгоценные камни, оружие, даже наркотики) из любой части света так, чтобы в конечной точке они появлялись в виде легальных, полностью отмытых денег, пригодных для инвестиций. Для этого у него существовала целая сеть торговцев наличностью и компаний-пустышек, плюс лабиринт взаимоотношений – от преступного мира до советов крупнейших корпораций. Среди менее известных клиентов Фихте числились иракские политики и афганские полевые командиры, которые доили американские фонды развития, казахский министр нефтяной промышленности, кузен президента, присвоивший десятую часть нефтяных запасов страны, русские олигархи, которые специализировались на наркотиках и проституции, даже колумбийские наркокартели.

Фихте помахал свободной рукой, лавируя в толпе. Его спутники (телохранители, как предполагал Ленник) по-прежнему держались в нескольких шагах позади.

– Сол! – воскликнул Фихте, широко улыбаясь, поставил металлический чемоданчик у его ног и обнял американца. – Всегда приятно видеть тебя, друг мой. И ты проделал столь долгий путь.

– Работа есть работа, – улыбнулся Ленник, пожимая руку банкира.

– Да, мы всего лишь высокооплачиваемые мальчишки на побегушках и бухгалтеры богачей. – Банкир пожал плечами. – Стоит им щелкнуть пальцами, как мы срываемся с места. Как твоя очаровательная жена? И дочь? Она все еще в Бостоне, не так ли? Прекрасный город.

– Все хорошо, Иоганн. Спасибо, что спросил. Перейдем к делу?

– Да-да, бизнес прежде всего! – Фихте вздохнул, повернулся к реке. – Американский принцип. Его превосходительство генерал-майор Мабуто посылает тебе наилучшие пожелания.

– Я польщен, – солгал Ленник. – Надеюсь, ты передашь ему их и от меня.

– Разумеется! – Немец-банкир широко улыбнулся. Потом, понизив голос, глядя перед собой, словно следя за маленькой птичкой, которая вдали порхала над Влтавой, продолжил: – Фонды, о которых мы говорим, разделены на четыре части. Первый транш уже на счету в цюрихском банке, готовый для перевода по твоему указанию в любое место. Второй в настоящий момент в эстонском «Балтикбанк». На счету благотворительного фонда, созданного для оплаты продовольствия, закупленного ООН и предназначенного голодающему населению Восточной Африки.

Ленник улыбнулся. Фихте всегда отличало своеобразное чувство юмора.

– Я предполагал, что ты это оценишь. Третий транш – не деньги, а военная техника. В том числе и из твоей страны. Она будет вывезена в течение недели. Генерал на этом настаивает.

– А с чего такая спешка?

– Учитывая концентрацию эфиопских войск на границе с Суданом, его превосходительству, возможно, придется вместе с семьей покинуть страну очень и очень быстро. – Он подмигнул.

– Я прослежу, чтобы эти деньги не лежали без дела, – с улыбкой пообещал Ленник.

– Твои усилия оценят по достоинству, – с полупоклоном заверил его немец. Тон вновь стал деловым. – Как мы и говорили, сумма каждого транша – двести пятьдесят миллионов евро.

Более полутора миллиардов долларов! Такие деньги производили впечатление даже на Ленника. Он задался вопросом, сколько полетело голов и сколько людей осталось без гроша, чтобы в руках одного человека набралась такая сумма.

– Я думаю, общее соглашение мы уже обсудили.

– Разнообразные и совершенно прозрачные финансовые инструменты, – кивнул Ленник. – Государственные облигации США и ведущих стран мира, паевые фонды недвижимости, хеджевые фонды. Двадцать процентов останется в нашем частном облигационном фонде. Как ты знаешь, за последние семь лет мы обеспечиваем ежегодный доход в двадцать два с половиной процента, если не брать в расчет некоторые непредвиденные флуктуации.

– Флуктуации... – повторил немец, и его глаза вдруг затуманились. – Как я понимаю, ты говоришь об энергетическом фонде, который закрылся в прошлом году? Надеюсь, Сол, мне нет нужды напоминать, что мои клиенты очень огорчены таким развитием событий?

– Как я и говорил... – Ленник проглотил вдруг возникший в горле комок, – непредвиденные флуктуации. Больше такого не случится.

По правде говоря, имея в своем распоряжении столь гигантские суммы, Ленник научился зарабатывать деньги при любом состоянии рынка. Во времена экономического роста и в периоды стагнации. При подъеме рынка и при его падении. Даже на фоне крупномасштабных террористических актов. Паника, последовавшая после трагедии 11 сентября, более не могла повториться. Он вкладывал миллиарды долларов во все сферы человеческой деятельности, и если где-то что-то терял, то в другом возмещал эти потери сторицей. На фоне глобального перемещения капиталов геополитические тенденции играли все меньшую роль. Да, иногда случались проколы, проколы вроде Чарли, который упрямо ставил на рост нефтяных котировок и в конце концов потерял контроль над своими позициями. А мог бы брать пример с саудовских и кувейтских инвестиционных фондов. Эти страны поставляли на мировой рынок огромное количество нефти, но при этом страховали свои риски, покупая по всему миру плантации сахарного тростника, используемого для производства этанола.

– Так тебя это не беспокоит, друг мой? – внезапно спросил немец-банкир. – Ты еврей и при этом знаешь, что деньги, которые ты зарабатываешь, частенько поступают в распоряжение стран, настроенных враждебно к людям твоей национальности.

– Да, я еврей. – Ленник посмотрел на него и пожал плечами. – Но я давно уже пришел к выводу, что деньги национальности не имеют, Иоганн.

– Не имеют, – согласился Фихте. – Тем не менее терпение моих клиентов на исходе. – Взгляд его стал резким. – Потеря более полумиллиарда долларов им не по нутру, Сол. Они попросили напомнить тебе... у твоей дочери в Бостоне есть дети, так? – Он встретился с Ленником взглядом. – Двух и четырех лет?

Ленник побледнел как полотно.

– Меня попросили узнать, как их здоровье, Сол. Надеюсь, они в полном порядке? Вот тебе совет, друг мой, от моих работодателей: пожалуйста, не тяни. И постарайся свести эти... как ты их назвал... флуктуации к минимуму.

Холодная капелька пота побежала по спине Ленника под полосатой рубашкой «Бриони» стоимостью в шестьсот долларов.

– Твой человек стоил нам больших денег. И не следует тебе так удивляться, Сол. Ты знаешь, с кем имеешь дело. За все нужно платить, друг мой... даже тебе.

Фихте надел шляпу.

Ленник почувствовал, как сдавило грудь. Ладони, теперь мокрые от пота, крепко сжали металлический поручень. Он кивнул:

– Ты говорил о четырех траншах, Иоганн. По двести пятьдесят миллионов евро каждый. Но пока рассказал мне только о трех.

– Ах да... четвертый... – Немец-банкир улыбнулся и похлопал Ленника по спине. Указал на металлический чемоданчик: – Четвертый транш я передаю сегодня, герр Ленник. В облигациях на предъявителя. Мои люди проводят тебя до того места, куда ты захочешь их отнести.

ГЛАВА 43

К утру припухлость на щеке Хоука заметно спала. Он упаковал чемоданы. Давить на старика дальше не имело смысла. Нужные сведения он мог получить и другими способами. Хоук взглянул на часы. Он собирался вылететь десятичасовым рейсом.

Когда вышел из отеля, увидел Паппи Раймонда, стоящего у ограждения.

Лицо старика осунулось, глаза налились кровью. Казалось, он провел ночь в какой-то подворотне. Или затеял драку с хорьком. Причем хорек победил.

– Как глаз? – спросил он Хоука. Вроде бы извиняющимся тоном.

– Нормально. – Хоук пожал плечами, коснулся щеки. – Жаль, что остался без пива.

– Да. – Паппи улыбнулся. – Полагаю, с меня причитается? – Синие глаза блеснули. – Собрался домой?

– Вроде бы у меня сложилось впечатление, что вы этого и добивались.

– Правда? – Паппи хмыкнул. – Я такое говорил?

Хоук поставил чемоданы на землю.

– Всю жизнь я был дураком, – прервал затянувшуюся паузу Паппи. – И все из-за упрямства. Беда в том, что понимаешь это, лишь состарившись. А тогда уже слишком поздно.

Из кармана он достал корешок билета на финальную игру студенческого чемпионата, который прошлым вечером Хоук сунул ему в карман.

– Мы ехали целый день, чтобы увидеть эту игру. Для моего сына она ничем не уступала Супербоулу {Матч за звание чемпиона по американскому футболу. Едва ли не самое значимое событие спортивного года в США}. – Паппи почесал затылок. Туман из глаз вдруг ушел. – Наверное, я должен тебя поблагодарить. Я помню, как вчера вечером ты сказал...

– Моей дочери было четыре года. – Хоук смотрел ему в глаза. – Она попала под колеса нашего автомобиля. Пять лет назад. Я последним был за рулем. Думал, что поставил ручку переключения скоростей на паркинг. Я тоже озлобился, но в конце концов боль ушла. Моя бывшая жена до сих пор не может смотреть мне в глаза, не увидев того кошмара. Так что я знаю... Это все, что я хотел сказать.

– Этого забыть нельзя, да? – спросил Раймонд.

Хоук покачал головой:

– Нельзя.

Раймонд шумно выдохнул.

– Я три или четыре раза видел, как приходили эти чертовы танкеры. Из Венесуэлы, с Филиппин, из Тринидада. Дважды сам проводил их в порт. Даже дурак мог понять, что осадка очень высокая. Нефти в них не было ни капли. Я сам заглянул в танки одного. Чистые, как задница младенца. А по документам они привозили нефть.

Хоук кивнул.

– Вы пошли к боссу?

– К боссу, к начальнику порта, к таможенникам... С нефти пошлину не берут, так что им до этого? Не говоря уж о том, что кому-то заплатили. Мне сказали: «Твое дело – подвести их к пирсу, старик. Не мути воду». Но я продолжал мутить. Тогда мне позвонили.

– Посоветовали заткнуть рот?

Паппи кивнул.

– «Не гоните волну, мистер. Вы же не знаете, на кого она может обрушиться».

Наконец они пришли ко мне.

– Вы помните – кто?

– Он встретил меня у бара. Квадратная челюсть, крепкое сложение, темные волосы, усы. Сукин сын, одного взгляда на которого достаточно, чтобы понять – жди беды. Упомянул про моего мальчика на севере, показал фотографию. Эй-Джей и какая-то женщина с ребенком. Я знал, о чем он мне говорит, но продолжал гнуть свое. Позвонил знакомому репортеру. Сказал, что добуду ему доказательства. Именно тогда тайком пробрался на танкер. А через неделю они прислали мне вот это.

Из кармана брэк Паппи выудил мобильник, пролистал сообщения, пока не нашел нужное. Показал Хоуку.

Фотография. Хоук шумно вдохнул. Эй-Джей Раймонд, лежащий на дороге.

– И вот что они мне написали, – продолжил Паппи.

Увидел все, что хотел?

В груди Хоука закипела злость.

— Кто прислал это вам?

Паппи пожал плечами:

— Разве узнаешь?

— Вы обратились в полицию?

Он покачал головой:

— Они победили. Нет.

— Я хотел бы переслать эту фотографию себе, если не возражаете.

— Валайте. Я больше не боец. Она — ваша.

Хоук отправил снимок на свой номер. Почувствовал, как завибрировал мобильник.

— Он был хорошим мальчиком, мой сын. — Паппи встретился с Хоуком взглядом. — Любил серфинг и рыбалку. Автомобили. Никогда и мухи не обидел. Он не заслуживал такой смерти...

Хоук вернул Паппи телефон.

— Эти люди, они сделали это с ним — не с вами. Вы же пытались поступить, как считали правильным.

— А почему ты это делаешь? Ты не показал мне полицейский жетон. Дело не только в Эй-Джее, верно?

— Моя дочь, она тоже была рыжей.

— Значит, мы в одной лодке. — Паппи улыбнулся. — В каком-то смысле. Я ошибся, когда прогонял тебя, лейтенант. Испугался за Пита и еще одного моего сына, Уолтера, за их семьи. Боялся навлечь беду и на них. Но поймай их, лейтенант. Поймай этих подонков, которые убили моего сына. Я не знаю, почему они это сделали. Я не знаю, кого или что они покрывали. Но что бы это ни было, человеческая жизнь дороже. Поймай их, слышишь? А потом, я надеюсь, — он посмотрел Хоуку в глаза, — ты разберешься с ними без суда.

Хоук улыбнулся. Сжал руку Паппи.

— Как он назывался?

Паппи сощурился.

— Назывался?..

— Танкер.

— Греческое слово. — Паппи фыркнул. — Я даже в словарь заглянул. Богиня подземного мира. «Персефона», вот как он назывался.

ГЛАВА 44

Если речь шла о деньгах, Вито Колуччи мог найти что угодно. На жизнь он зарабатывал розыском активов, спрятанных мужьями от мстительных бывших жен, или вскрытием недокументированных прибылей компаний, которые оттягивали выплаты по искам. Перед тем как выйти в отставку, он пятнадцать лет отслужил детективом в полиции Стэмфорда. Вот тогда Хоук познакомился и подружился с ним.

И, по мнению Хоука, Вито Колуччи нашел бы иголку в тысяче стогах сена.

Хоук позвонил ему по дороге в аэропорт Пенсаколы:

— Вито, мне нужна твоя помощь.

В эти дни Вито возглавлял достаточно крупное агентство. Он частенько появлялся в качестве «приглашенного эксперта» на канале Эн-би-си, но не забыл, что в первое время работы на гражданке именно Хоук направил к нему немало клиентов.

— Когда? — спросил Вито.

Он знал, что Хоуку обычно требовалась информация. Информация, на поиск которой уходило немало времени и усилий.

— Сегодня, — ответил Хоук. — Или завтра, если сегодня ты занят.

— Сегодня. Я сообщу где.

Самолет Хоука приземлился в два часа дня. Из аэропорта Ла-Гуардия на своем «форде-бронко» он сразу поехал в Стэмфорд, подумав, что слишком уж глубоко залез в это дело и даже вышел за рамки закона — чего он никогда себе не позволял. У него мелькнула мысль, не позвонить ли Карен Фрайдман, но решил, что с этим можно подождать. А тут пришло текстовое сообщение.

«Обычное место. Три часа. Вито».

Под обычным местом подразумевался «Ресторан-пиццерия» в Стэмфорде, куда любили заезжать после смены копы, расположенный на Мэйн-стрит, чуть дальше делового центра, почти на административной границе Дариена.

Вито приехал первым, сидел за одним из длинных столов, накрытых клетчатými скатертями, — невысокий, широкоплечий, с могучими бицепсами армрестлера и волнистыми

седеющими волосами. Перед ним стояли тарелка макарон с соусом и миска супа-пюре из фасоли с листьями салата эскарпиоль.

– Я бы, конечно, заставил тебя раскошелиться, – встретил он Хоука, – но Элли посадила меня на диету, чтобы понизить холестерин.

– Это я вижу, – улыбнулся Хоук и заказал то же самое. – Как поживаешь?

– Нормально. Занят.

– На экране ты выглядишь более худым.

– А ты не стареешь. И фингал у тебя, как у молодого. Пора понять. Тай, что ты уже в другой возрастной категории.

– Постараюсь не забывать об этом.

Рядом с тарелкой Вито на столе лежал конверт из плотной бумаги. Он пододвинул его Хоуку:

– Загляни. Я поясню, что удалось найти.

Хоук достал вложенные в конверт распечатки и ксерокопии.

– С кораблем проблем не возникло. Я нашел его в «Джейнс». «Персефона», так? – Вито подхватил из тарелки несколько макаронин. – Супертанкер класса ULCC. Построен в Германии в 1978 году. Давно подлежит списанию. Что ты задумал, Тай? Решил поменять на свою моторку?

– Вроде того, – кивнул Хоук. – Швартоваться, правда, будет сложнее.

Он всмотрелся в ксерокопию страницы морского справочника с контуром корабля и его характеристиками. Водоизмещение шестьдесят две тысячи тонн.

– За эти годы его продавали несколько раз, – продолжил Вито. – Последний владелец – греческая судоходная компания «Аргос мари тайм». Тебе это что-нибудь говорит?

Хоук покачал головой.

– Я так и думал. Поэтому продолжил поиски. Прикинулся помощником адвоката, который проверяет какой-то иск. Последние четыре года эта груда металла находилась в аренде у некой компании, которая занималась нефтеразведкой. «Дельфин ойл». И вот ее-то я нигде не смог отыскать.

Хоук почесал затылок.

– «Дельфин», говоришь?

– Вот именно. Проверял, где только мог. Никаких следов. Залез и в нефтеразведку, и в нефтедобычу. Ничего. Если компания «Дельфин ойл» и участвовала в нефтяном и газовом бизнесе, то держалась больно уж скромно.

– Думаешь, это реальная компания?

– Читаешь мои мысли. – Вито отодвинул тарелку. – Вот я и продолжил поиски. Залез в справочник офшорных компаний. О них нет сведений ни в Европе, ни в Азии. Не могу понять, как компания, о которой нет никаких сведений, может арендовать супертанкер? И знаешь, что я нашел? Переверни страницу.

Хоук перевернул.

Вито широко улыбнулся:

– Эта гребаная «Дельфин ойл» зарегистрирована на Тортоле, Виргинские острова...

– На Тортоле?

Вито кивнул.

– Нынче там регистрируются все, кому не лень. Это мини-Каймановы острова. Уклонение от уплаты налогов. Вывод основных производственных фондов из-под контроля государственных органов США. В том числе из-под контроля СЕК, если это публичные компании. Насколько я могу судить, а я занимался этим лишь пару часов, «Дельфин» – холдинговая компания. Никаких доходов и прибылей. Никаких сделок. Пустышка. Менеджмент номинальный – местные адвокаты. Совет директоров – та же история. Насколько я понял, этот холдинг принадлежит инвестиционной компании, которая зарегистрирована там же. «Фэлкон партнерс».

– «Фэлкон партнерс»... никогда о ней не слышал. – Хоук покачал головой.

– Естественно, не слышал. Так и задумывалось, Тай. Потому-то она там и зарегистрирована! Это какое-то частное инвестиционное партнерство. Или было таковым. Фонд ликвидировали. В начале года активы распределили между партнерами с ограниченными полномочиями. Мне потребовалось время, чтобы понять почему. Я попытался добыть список партнеров, но выяснилось, что это закрытая информация, и до нее я добраться не смог. Кем бы они ни были, эти деньги наверняка уже ушли куда-то еще.

Вся информация о «Фэлкон партнерс» уместилась на одном листе. Хоук чувствовал: цель близка.

Владельцы «Дельфина» определенно проворачивали какие-то махинации. Иначе зачем им гонять пустые танкеры, указывая в декларациях, что танки полностью залиты нефтью? Паппи обнаружил это случайно, и они попытались заткнуть ему рот, чтобы тайное не стало явным, но упрямый старик не пожелал пойти им навстречу, и все закончилось убийством его сына. «Увидел все, что хотел?» «Дельфин» привел к «Фэлкон партнерс» {От английского *falcon* – сокол}.

Уже близко, думал Хоук, чувствуя, как волоски на руках встают дыбом, словно наэлектризованные.

– Так что у нас есть по «Фэлкон партнерс», Вито?
Тот пристально смотрел на него.
– А в чем суть дела, Тай?
– Суть?
Вито пожал плечами:
– Впервые за все время нашего знакомства ты темнишь. Мои ребята сообщили, что ты взял отпуск.
– Может, они сообщили тебе и причину?
– Что-то личное. Какое-то расследование, которое занимает очень много времени.
– Речь идет об убийстве, Вито, и не имеет значения, на кого я работаю. А если бы речь шла об очень уж личном... – Хоук посмотрел на него и улыбнулся, – я бы обратился на сайт знакомств, а не к тебе.
Вито рассмеялся:
– Просто хотел предупредить старого друга держаться в рамках закона, ничего больше.
Из кармана он достал сложенный лист бумаги, протянул Хоуку.
– Кто бы ни стоял за этим «Фэлкон партнерс», они хотели остаться за кадром. Совет директоров такой же номинальный, как и в «Дельфине».
Хоук просмотрел распечатку. Ничего. Предчувствие его обмануло?
– Одну зацепку я, правда, нашел, – продолжил Вито. – Информация о партнерах с ограниченными полномочиями хранилась в секрете, а вот генеральный партнер не скрывался. Его указали в партнерском соглашении, черным по белому. Это компания, которая управляла всеми фондами.
Хоук перевернул листок. Сразу увидел название компании. Вито подчеркнул его желтым фломастером.
Сердце упало, хотя он думал, что оно подпрыгнет. Хоук знал эту компанию. «Харбор кэпител». Генеральный партнер.
Хеджевый фонд, который принадлежал мужу Карен Фрайдман.
– Ты это искал? – спросил Вито, который не сводил глаз с Хоука.
– Да, это то, что нужно. Спасибо, дружище! – Хоук вздохнул.

ГЛАВА 45

Мужчина вынырнул на поверхность лазурной бухты уединенного островка в Карибском море.

Вокруг ни души. И сам островок безмянный – просто точка на карте. Слышны лишь крики птиц, парящих над водой, высматривающих добычу. Мужчина посмотрел на полукруг белого песка, на пальмы, кроны которых лениво покачивались под легким ветерком.

Он мог быть где угодно. В любой точке этого мира.

Так почему он выбрал этот островок?

В двадцати ярдах от него на воде покачивалась яхта. В голове мелькнула мысль, что когда-то давно, в другой жизни, он говорил жене, что с удовольствием остался бы здесь до конца своих дней. Никаких рынков и биржевых индексов. Никаких мобильных и телевизоров. Место, где тебя никто не будет искать.

С каждым днем прошлая жизнь удалялась от него. Мысль пришла ему по душе.

До конца своих дней...

Он подставил лицо теплым лучам солнца. Голову он теперь брил наголо, тело стало подтянутым, мускулистым. Очками больше не пользовался. Отрастил бороду. Загорел.

Денег хватает. Если он распорядится ими разумно. Новая фамилия. Хансон. Стивен Хансон. Фамилия, за которую он заплатил. Фамилия, которую никто не знал.

Ни жена. Ни дети.

Не знали и те, кто хотел его найти.

Он просто исчез из мира компьютеров и персональных досье. Выпал из него. Одна жизнь закончилась – с угрызениями совести и сожалением за боль, которую он причинил, за доверие, которое не оправдал. Но он не мог поступить иначе. Сделал то, что необходимо. Чтобы спасти их. Чтобы спастись самому.

Одна жизнь закончилась – другая началась.

Когда представился удобный момент, он просто не мог им не воспользоваться.

О том дне он уже и не вспоминал. Взрыв. Он отошел в задний конец вагона, чтобы позвонить, и тут же – вспышка. Черное облако, по центру – оранжевый жар. Как топка. Его бросило на стену. Кругом кричали люди. Все застилал черный дым, черный прилив накатывал на него. Он не сомневался, что умирает. Помнит, еще подумал сквозь туман полузабытья: а ведь оно и к лучшему? Решение всех проблем.

Просто умереть...

Но очухался. Оглядел практически разрушенный вагон. От той его части, где он сидел, просто ничего не осталось. Она исчезла. И его кресло, и соседние... Исчезло

все купе. Вместе с людьми, которые читали газеты, слушали айподы. Все исчезли в океане огня. Он закашлялся от дыма. Подумал: «Пора выметаться отсюда». В голове звенело. Пошатываясь, он вышел на платформу. Кошмарное зрелище: везде кровь, запах кордита и горячей плоти. Люди стонали, звали на помощь. Что же делать ему? Скорее уходить отсюда, сообщить Карен, что он жив?..

А потом его осенило.

Это то, что нужно. И как нельзя кстати.

Он может умереть.

Он обо что-то споткнулся. Тело. Лицо узнать практически невозможно. Даже в этом хаосе он понимал, что должен стать кем-то еще. В темноте, заполненной черным дымом, он ощупал карманы мужчины. Нашел то, что искал. Имя и фамилия его не интересовали. Какое это имело значение? Он побежал. Голова работала четко и ясно. То, что нужно! Он бежал к дальнему концу платформы. Подальше от огня. Люди, которые ехали в задних вагонах, бежали туда же – к боковым выходам из Центрального вокзала. У него осталось только одно дело: Абель Раймонд. Он в последний раз взглянул на горящий, разрушенный вагон.

Он может умереть.

– Мистер Хансон! – Мужской голос вернул его в реальность, вырвал из темных мыслей. Перевернувшись на спину, Чарльз поднял голову. Капитан-тринидадец наклонился над бортом яхты.

– Мистер Хансон, пора. Если мы хотим успеть туда к вечеру.

Туда. В то место, куда они направлялись. Еще одну точку на карте. Где имелся банк. И торговец драгоценными камнями. Это имело значение?

– Хорошо, уже плыву! – крикнул он в ответ.

В последний раз оглядел бухту, словно сошедшую с рекламного проспекта.

Почему он приплыл сюда? Воспоминания причиняли боль. Счастливые голоса наполняли душу сожалением и стыдом. Он молился, чтобы она обрела новую жизнь, нового мужчину, который полюбил бы ее. И Сэм, и Алекса... Только на это он и мог теперь надеяться. Как-то он сказал ей, что они проведут здесь остаток своих дней.

Остаток своих дней...

Чарльз Фрайдман поплыл к стоящей на буксире яхте, на корме которой блестели золотые буквы названия. Единственное, что он позволил себе, единственное напоминание. «Эмберглоу».

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 46

Дважды в неделю, во вторник и четверг, Рональд Торбор обычно уезжал на ленч домой. В эти дни мистер Кэрри, старший банковский менеджер, подменял его с часа до трех.

Заместитель управляющего Первого карибского банка на острове Невис, Рональд жил в комфортабельном каменном доме на три спальни, неподалеку от дороги в аэропорт, достаточно большим, чтобы в нем хватало места всей семье: его жене Эдит, детям – Алие, Питеру и Эзре – и теще. В банке люди приходили к нему, чтобы открывать счета, за ссудами, то есть пост он занимал важный. И ему нравилось обслуживать богатых жителей острова. Если в детстве он отдавал предпочтение соккеру, гонял мяч по грязным полям, то теперь открыл для себя прелесть гольфа по уик-эндам на Сент-Китсе. А поскольку управляющий банка вскоре собирался получить новое назначение, Рональд полагал, что у него есть неплохой шанс стать первым уроженцем острова, получившим столь высокий пост.

В тот вторник Эдит приготовила его любимое блюдо – тушеную курицу с зеленым соусом карри. Уже наступил май. В это время года дел на работе было немного. С окончанием туристического сезона Невис превращался в сонное царство. В такие дни Рональд не видел смысла в том, чтобы поскорее вернуться на рабочее место. Знал, что его там ждало только одно дело: помахать рукой мистеру Кэрри.

За столом Рональд просмотрел газету: результаты очередного тура чемпионата Карибского региона по крикету, проходящего на Ямайке. Его шестилетний сын Эзра вернулся из школы. После ленча Эдит собиралась отвезти сына к доктору. У мальчика обнаружили синдром Эсперджера, легкую форму аутизма. А на Невисе, несмотря на приток новых денег и активное строительство, медицина оставляла желать лучшего.

– После работы ты можешь пойти посмотреть, как Питер играет в соккер, – предложила Эдит, садясь рядом с Эзрой. Мальчик играл с игрушечным грузовиком, имитируя шум мощного мотора.

– Да, Эдит. – Рональд удовлетворенно вздохнул, наслаждаясь семейной идиллией. И Барбадос одержал очередную победу, что не могло не радовать.

— И если тебя не затруднит, когда будешь уходить с работы, купи свежих булочек у миссис Уильямс. — Булочная находилась напротив банка, лучшая на острове. — Ты знаешь, какие я люблю. С луком и...

— Да, мама, — пробормотал Рональд.

— И не мамкай мне в присутствии своего сына, словно я какая-то школьная мымра.

Рональд оторвался от газеты и подмигнул Эзре.

Шестилетний мальчик рассмеялся.

Они услышали, как заскрипел гравий подъездной дорожки под колесами автомобиля.

— Наверное, мистер Пи, — предположила Эдит. Так она называла своего кузена Пола.

— Вроде бы он хотел подъехать и поговорить о ссуде.

— Господи, Эдит, — воскликнул Рональд, — ну почему ты не предложила ему прийти в банк?!

Но приехал не мистер Пи, а двое белых мужчин, которые вышли из джипа и направились к входной двери. Один — невысокий, крепкий, в больших солнцезащитных очках и с пышными усами. Второй ростом повыше, в легком пиджаке спортивного покроя поверх цветастой рубашки, с бейсболкой на голове.

— Кто это? — спросил Рональд.

— Не знаю, — ответила Эдит, открывая дверь.

— Добрый день, мэм. — Усатый снял шляпу. Взгляд скользнул мимо нее. — Не будете возражать, если мы поговорим с вашим мужем? Я вижу, он дома.

Рональд встал. Он их никогда не видел.

— Насчет чего?

— По банковским делам. — Мужчина вошел в дом.

— Банк закрыт... обеденный перерыв. — Рональд старался говорить вежливо, чтобы не отпугнуть потенциального клиента. — Я буду на месте в три.

— Нет. — Усатый снял очки и улыбнулся: — Боюсь, банк открыт, мистер Торбор.

Прямо здесь.

Второй мужчина закрыл дверь.

— Считайте, что вам пришлось поработать сверхурочно.

Рональд содрогнулся от страха. Эдит встретилась с ним взглядом, пытаясь понять, что происходит, потом вернулась к столу и села рядом с сыном.

Усатый кивнул Рональду:

— Присядьте.

Рональд сел, усатый отодвинул стул от стола, сел напротив, опять улыбнулся:

— Уж извините, что задерживаем вас с ленчем, мистер Торбор. Вы сможете поесть, как только удовлетворите наше любопытство.

— Ваше любопытство?..

— Совершенно верно, мистер Торбор. — Усатый сунул руку в карман пиджака, достал сложенный листок. — Это номер личного счета в вашем банке. Он наверняка вам знаком. Несколько месяцев назад на него поступила крупная сумма денег с Тортолы, из банка «Барклейс».

Рональд посмотрел на счет. У него округлились глаза. Счет его банка, Первого карибского. Мужчина повыше сел за стол с другой стороны Эзры, подмигивая и строя малышу рожицы, отчего тот начал смеяться. Рональд со страхом глянул на Эдит: «Что, черт побери, происходит?»

— Счет более не используется, мистер Торбор, — деловым тоном продолжил усатый. — Деньги с него ушли из вашего банка. Но мы хотим узнать, куда делись деньги с этого счета. Плюс имя владельца счета. И вам придется нам в этом помочь, мистер Торбор, если вы надеетесь вернуться к вашему ленчу и прежней счастливой жизни.

На свежевыглаженной белой рубашке Рональда проступил пот.

— Вы должны знать, что такая информация не подлежит разглашению. Она закрытая. Охраняется банковскими инструкциями...

— Закрытая! — Усатый посмотрел на своего напарника.

— Инструкции, — вздохнул мужчина в цветастой рубашке. — Опять двадцать пять. К счастью, мы подготовились.

Внезапно он протянул руки и поднял Эзру со стула. От неожиданности мальчик захныкал. Мужчина посадил его на колени. Эдит попыталась его остановить, но получила тычок локтем и оказалась на полу.

— Эзра! — крикнула она.

Маленький мальчик разревелся. Рональд вскочил.

— Сидеть! — рявкнул усатый, схватив его за руку. Достал из кармана и положил на стол какой-то предмет. Черный и металлический. У Рональда перехватило дыхание, когда он увидел, что это. — Сидеть!

Конечно же, Рональд сел. Беспомощно посмотрел на Эдит.

— Чего вы хотите? Пожалуйста, не причиняйте вреда Эзре.

— В этом нет никакой необходимости, мистер Торбор. — Усатый улыбнулся. — Но и тянуть незачем. Сейчас вы позвоните в банк, и я хочу, чтобы тот, с кем вы будете говорить — секретарша или кто-то еще, — разобрался с этим счетом. Какой вы найдете предлог, нам без разницы. Мы знаем, что такие деньги приходят в ваш маленький сонный

банк очень редко. Я хочу знать, куда они ушли, в какую страну, в какой банк, от чьего имени. Вы понимаете?

Рональд молчал.

— Твой отец понимает, о чем я, не так ли? — Усатый пощекотал ухо Эзры. — Потому что, если он не понимает... — глаза вдруг стали злыми, — обещаю, что ваша дальнейшая жизнь уже не будет счастливой и этот день вы будете вспоминать с сожалением и душевной болью. Я достаточно ясно изложил свою позицию, мистер Торбор?

— Сделай это, Рональд, пожалуйста, сделай, — подала голос Эдит, поднимаясь с пола.

— Я не могу! — Рональда трясло. — Есть определенные процедуры. Даже если бы я согласился, они выполняются согласно международным банковским инструкциям. Законы...

— Значит, опять эти инструкции... — Усатый покачал головой и вздохнул.

Второй мужчина достал из внутреннего кармана пиджака какой-то предмет.

Глаза Рональда чуть не вылезли из орбит, когда он увидел бутылочку с прозрачной жидкостью.

Рональд попытался броситься на мужчину повыше, но усатый небрежно ударил его в висок рукояткой пистолета, и банкир распластался на полу.

— Нет, Господи Иисусе, нет! — крикнула Эдит и попыталась вырвать сына из рук незнакомца.

Тот отшвырнул ее, а потом с улыбкой, держа плачущего мальчика за воротник, начал поливать его прозрачной жидкостью.

Рональд вскочил, но усатый нацелил пистолет ему в лоб.

— Я велел тебе сесть!

Эзра визжал как резаный.

— Вот ваш мобильник, мистер Торбор. — Усатый положил телефон перед Рональдом. — Позвоните, и мы уйдем. Немедленно.

— Я не могу! — Рональд протянул к усатому трясущиеся руки. — Господи, не надо. Я... не могу.

— Я знаю, он не совсем здоров, мистер Торбор... — Усатый покачал головой. — Но он невинный ребенок. Не хотелось бы причинять ему боль. Из-за каких-то глупых инструкций. Да и потом, ваша жена увидит это не слишком приятное зрелище.

— Рональд!

Мужчина, который держал Эзру, достал пластиковую зажигалку, крутанул колесико, вспыхнул огонек. Поднес на близкое расстояние к влажной от горячей жидкости рубашке.

— Нет! — взвизгнула Эдит. — Рональд, пожалуйста, не допусти этого. Ради Бога, сделай все, о чем они просят. Рональд, пожалуйста...

Эзра ревел. Мужчина повыше поднес зажигалку еще ближе. Усатый выразительно посмотрел на Рональда и перевел взгляд на лежащий перед ним мобильник.

— К делу, мистер Торбор. На хрен инструкции! Пора звонить.

ГЛАВА 47

В тот же вторник, во второй половине дня, Карен отвезла Алекса в Подростковый центр на Арк-стрит на собрание молодых активистов кампании по сбору средств на строительство приюта «Дети в беде».

Она так обрадовалась звонку Хоука! Они договорились встретиться в баре «Эсколь» у бухты Гринвича. Ей не терпелось рассказать ему о своих находках.

Хоук сидел за столиком у стойки и помахал ей рукой, едва она вошла в зал.

— Привет, — поздоровалась она и повесила кожаный пиджак на спинку стула.

Первым делом пожаловалась на безумное количество машин в городе в это время дня.

— Еле-еле нашла место для парковки. — Она закатила глаза. Ты, между прочим, коп.

— И что с того? — Он улыбнулся.

— Как что? — Карен рассмеялась. — Мог бы навести порядок.

— Я в отпуске, помнишь? Но обещаю, как только приступлю к исполнению обязанностей, займусь сначала именно этим.

— Хорошо! — Карен кивнула. — Только не подведи. Я на тебя надеюсь.

Подошла официантка. Карен заказала белое вино. Хоук пил пиво. Она подкрасилась, надела красивый бежевый свитер и обтягивающие брюки. Ей захотелось хорошо выглядеть. Когда принесли вино, она подняла свой стакан.

— Предложи тост.

— За более простые времена.

— Аминь! — Карен улыбнулась. Их стаканы легонько соприкоснулись.

Поначалу оба никак не могли преодолеть скованность, поэтому разговаривали на отвлеченные темы. Она рассказала об участии Алекса в кампании по сбору средств на программу «Дети в беде», и Хоук отметил, что эта программа ставит благородные цели.

Карен улыбнулась:

– Труд на пользу города, лейтенант. Всем детям приходится это делать. Чтобы заполнить соответствующую графу в заявлении о приеме в колледж. Ему придется составлять такое заявление уже следующей весной.

Она спросила, где учиться его дочь.

Он ответил, что в Бруклине, на этот раз не упомянув ни Нору, ни Бет.

– Она очень быстро вырастет. Боюсь, скоро и ей придется трудиться на пользу города.

Глаза Карен сверкнули.

– Сначала дождитесь результатов отборочного теста.

Постепенно Хоук расслабился, от скованности не осталось и следа, от него теперь не укрывались ни теплый блеск ее светло-карих глаз, ни россыпь веснушек по щекам, ни полнота губ, ни густота волос. Он решил, что пока не стоит говорить о «Дельфин ойл» и связи Чарли с этой компанией. Как и о Томасе Марди. Сначала следовало перепроверить эту информацию. А его поспешность могла причинить ей ненужную боль. Глядя на Карен Фрайдман, он видел, какой она была, пока в ее дверь не постучалась беда.

Но в какой-то момент Карен поставила стакан на стол.

– Ты сказал, что кое-что удалось выяснить.

Хоук кивнул.

– Помнишь молодого парня, которого сбил автомобиль в тот самый день, когда были взрывы?

– Разумеется, помню.

– Я выяснил, почему он умер. У нее широко раскрылись глаза.

– Почему?

Он заранее продумал все, что скажет, и теперь услышал собственный рассказ о некоей нефтяной компании, которая занималась какими-то махинациями, а отец парня, лоцман порта, каким-то образом о них узнал.

– Это было предупреждение. – Хоук пожал плечами. – Представляешь себе? Чтобы закрыть рот старику.

– Так его убили? – выдохнула Карен.

Хоук кивнул:

– Да.

– Это ужасно! – Карен откинулась на спинку стула. – Но ты никогда и не думал, что это несчастный случай. Господи...

– И сработало, знаешь ли.

– В каком смысле?

– Старик заткнулся. Больше он никому ничего не сказал. Если бы я не приехал, так бы и молчал.

Карен побледнела.

– Ты говорил, что поехал во Флориду ради меня. Это как-то связано с Чарли?

Мог он ей сказать? О Чарли, «Дельфин ойл», пустых танкерах? О том, что Чарли побывал в Гринвиче в тот день? Причинить ей новую боль, не составив для себя единой картины?

– Компания, которая занималась махинациями, имела отношение к «Харбор».

Карен побледнела еще сильнее.

– К Чарли?

Хоук кивнул:

– «Дельфин ойл». Тебе знакомо это название?

Карен покачала головой.

– Возможно, это как-то связано с его инвестициями.

– Какими инвестициями?

– Через офшоры.

Карен прижала руку ко рту. Про офшоры говорил и Сол Ленник.

– Ты думаешь, Чарли имеет к этому отношение? К делу о наезде?

– Я не хочу опережать события, Карен.

– Пожалуйста, не надо от меня ничего скрывать, Тай. Ты думаешь, он приложил к этому руку?

– Я не знаю. – Говорить о том, что Чарли в тот день побывал в городе, он все-таки не стал. – Я проверил далеко не все версии.

– Версии? – Карен наклонилась вперед. Ее глаза вдруг затуманились. Она положила руки на стол. – Я тоже кое-что выяснила, Тай.

– Что?

– Пока не знаю, но меня это немного напугало... как и твой рассказ.

И она рассказала о том, как, выполняя его просьбу, просматривала бумаги Чарли, переговорила с его бывшей секретаршей и турагентом, но ничего не могла найти, пока не наткнулась на одну фамилию.

– Этот человек дважды звонил мне, сразу после гибели Чарльза. Он у него работал. – Карен рассказала о Джонатане Лаузере, о его сообщениях на автоответчике. «Есть некоторые нюансы, о которых вы должны знать». – Тогда я ему не перезвонила. Не могла.

Сказала Солу. Он заверил меня, что речь идет о каких-то компенсационных выплатах, и пообещал со всем разобраться.

Хоук кивнул:

– Понятно...

– Но в свете последних событий я подумала, что дело, возможно, совсем в другом. И поехала к нему. В Нью-Джерси. Чтобы поговорить. Я не знала, где он теперь работает, у меня оставался только его прежний адрес. Решила рискнуть, в надежде что он не переехал. Дверь открыла его дочь, потом подошла жена... – Глаза Карен заблестели. – И сказала мне...

– Что?

– Что он умер. Его убили. Месяцем раньше. Он ехал на велосипеде, и его сбил автомобиль. А что самое ужасное, случилось это за несколько дней до того, как ему предстояло дать показания по какому-то разбирательству, связанному с «Харбор».

– Какому разбирательству?

– Не знаю. Но это и не важно. Главное, что его убили точно также, как этого Раймонда, в кармане которого лежала бумажка с именем и фамилией Чарли.

Хоук поставил стакан. Все это ему решительно не нравилось.

– Его сбил автомобиль, и водитель точно так же скрылся с места происшествия.

Компания за соседним столиком очень уж расшумелась.

Карен смотрела на него большими глазами.

– Ты хорошо поработала, – похвалил ее Хоук. – Очень хорошо.

Бледность начала уходить с ее щек.

– Есть хочешь? – Хоук решил воспользоваться шансом.

Карен ответила не сразу, посмотрела на часы.

– Алекса привезет сосед. Полагаю, время у меня есть.

ГЛАВА 48

По пути домой Хоук позвонил Фредди Муньосу.

– Тай! – Было очевидно, что детектив приятно удивлен. – Давно не слышал твоего голоса. Как отпуск?

– Хоть я и в отпуске, но занят кое-каким делом, Фредди. Послушай, окажи мне услугу. Мне нужны материалы одного дела. Нераскрытое убийство в Нью-Джерси. Аппер-Монтклер. Убитый – Джонатан Лауэр. Возможно, оно расследовалось и дорожной полицией Нью-Джерси.

Муньос все записал.

– Лауэр. И под каким предлогом я могу запросить материалы?

– Очень похоже на случай, который мы расследуем здесь.

– Какой случай?

– Нераскрытое дело о наезде.

Муньос помолчал. Слышались детские крики, возможно, по телевизору показывали игру «Янкиз».

– Господи, Тай, это не навязчивая идея?

– Пусть завтра кто-нибудь завезет копию мне домой. Я бы все сделал сам, не будь в отпуске. И, Фредди... – Хоук услышал восторженный вопль Уилла, старшего сына Муньоса. – Я хочу, чтобы это осталось между нами.

– Хорошо, – ответил детектив. – Будь уверен.

«Новые ниточки», – думал Хоук.

Одна определенно тянулась к Леннику, попечителю фонда Чарльза Фрайдмана. Карен доверяла ему. Почти член семьи. Он, конечно же, знал о смерти Лауэра. А о «Дельфине» и «Фэлкон партнерс»?

«Чарли никогда не упоминал другие счета, которыми он мог управлять?... Может, в офшорах...»

Вторая вела в Нью-Джерси, к еще одному наезду. Хоук не принадлежал к тем, кто верит в совпадения.

Мысли его вернулись к Карен. Рассудок мог без труда перечислить десяток веских причин, по которым ему следовало прекратить всякое общение с ней, пока их отношения не получили дальнейшего развития.

Начиная с того, что ее муж жив. А он, Хоук, пообещал его найти. И он уже рассказывал ей далеко не все, потому что не хотел причинять дополнительную боль.

Опять же... она была богата. Привыкла к другому образу жизни. Принадлежала совсем к другой лиге.

«Господи, Тай, она тебе не пара».

Но при этом он не мог отрицать, что его влечет к ней. Когда за обедом их руки соприкасались, а такое случилось дважды, его прошибало током. Вот и сейчас кровь бурлила...

Он свернул с автострады в Стэмфорд. И только сейчас понял, почему рассказал ей не все. Оставил при себе и возвращение Чарльза в Гринвич в тот день, и его возможную причастность к смерти Эй-Джея. Как и к смерти другого парня, в Нью-Джерси. Почему не мог поставить в известность полицию. Привлечь других людей.

Хоук осознал, что последние годы он более всего напоминал перекатиполое, жил в полном одиночестве. И вот теперь Карен Фрайдман связала его с окружающим миром.

ГЛАВА 49

Вскоре после полудня в дверь постучали, и Хоук пошел открывать.

На пороге стоял Фредди Муньос, протягивая большой конверт.

— Надеюсь, я тебя не потревожил. Решил подъехать сам. Не возражаешь?

Хоук только что вернулся с пробежки. Весь в поту. В серой футболке колледжа Колби и шортах. Все утро он просидел за компьютером.

— Отнюдь. Рад тебя видеть.

— Славное местечко! — Детектив одобрительно кивнул. — Не хватает только женского присутствия, как по-твоему? На кухне было бы больше порядка.

Хоук посмотрел на гору посуды в раковине, на контейнеры из-под еды из ресторанов быстрого обслуживания.

— Хочешь прибраться?

— Не могу. — Муньос щелкнул пальцами. — Пора на службу. Но я думаю, что побуду у тебя минутку-другую, пока ты все это просмотришь. Если ты не против.

Хоук откинул клапан, содержимое конверта выскользнуло на кофейный столик. Муньос плюхнулся в кресло.

Сверху лежал рапорт о происшествии, заполненный копом из полицейского управления округа Эссекс. Информация о погибшем. Фамилия: Лауэр. Адрес: 3135, Маунт-Вью-драйв. Приметы: белый мужчина лет тридцати, в желтом велосипедном костюме, серьезные телесные повреждения, кровотечение. Свидетели описали красный внедорожник, модель осталась неизвестной, который тут же умчался. Номерные пластины штата Нью-Джерси, сам знак определить не удалось. Время — 10.07. Показания свидетеля прилагались.

Хоуку все это показалось знакомым.

Он посмотрел на фотографии. Жертва. В желтом велосипедном костюме. Лобовое столкновение. Травмы лица и тела. Велосипед — по существу, груды обломков. Общий план с двух направлений. Снизу вверх. Сверху вниз. Автомобиль накатывал с вершины холма.

Тормозные следы только после столкновения.

Как и в случае с Эй-Джеем Раймондом.

Хоук пролистал медицинское заключение. Травмы, несовместимые с жизнью. Раздробленные кости таза, переломы позвоночника, разбитая голова. Обширное внутреннее кровотечение. Смерть наступила при ударе.

Потом взял рапорт детективов. Они проделали то же самое, что и он в Коннектикуте. Осмотрели территорию, уведомили дорожную полицию, по следам попытались определить марку покрышек. Опросили жену погибшего, работодателя. Строка «Мотив не обнаружен» говорила о том, что детективы не сочли происшествие несчастным случаем.

Но подозреваемых не обнаружили.

Муньос встал, подошел к мольберту у окна. Снял с него холст, над которым работал Хоук.

— Здорово у тебя получается, лейтенант.

— Спасибо, Фредди.

— Может, еще увижу тебя в музее Брюса {Музей науки, истории и искусства, созданный Робертом Брюсом (1822–1908), богатым промышленником, в Гринвиче в 1953 г.}. И не в качестве посетителя.

— Вери любую, — пробормотал Хоук, продолжая просматривать материалы дела. — Когда-нибудь они будут стоить миллионы.

Так же как и его дело о наезде, это вело в тупик. Детективы из Нью-Джерси не нашли ни одной зацепки.

Оба случая выглядели совпадением, а в совпадения Хоук не верил, но действительно ни за что не мог зацепиться.

— Тебе это не кажется странным, Фредди? Два отдельных пятьсот девярых {Речь идет о классификации преступлений. 509 — наезд автомобиля на пешехода или велосипедиста на проезжей части}. Два разных штата. В обоих случаях пострадавший имеет отношение к Чарльзу Фрайдману.

— Смотрите дальше, лейтенант. — Муньос вновь вернулся в кресло.

Непросмотренными остались только показания свидетелей. Точнее, одного свидетеля.

И, открыв их, Хоук обмер. У него отпала челюсть. А взгляд не мог оторваться от имени и фамилии свидетеля.

– Видишь то же, что и я? – любопытно спросил Муньос.
– Да... – Хоук кивнул, шумно выдохнул. – Можешь не сомневаться.
Убийство Джонатана Лауэра произошло на глазах у вышедшего в отставку полицейского из Нью-Джерси.
Звали его Фил Дайц.
Тот же самый свидетель видел, как задавили Эй-Джея Раймонда.

ГЛАВА 50

Дайц просчитался. Хоук прочитал показания раз, другой, третий.
Просчитался по-крупному.
Хоук тут же вспомнил Паппи Раймонда, который описал мужчину, подошедшего к нему у бара и потребовавшего, чтобы тот угомонился. Крепкого сложения, усатый.
Дайц...
Заколотилось сердце.
Мыслями Хоук вернулся к убийству Эй-Джея. Дайц говорил, что занимается охранными системами. Что сразу побежал к тому месту, где сбили Эй-Джея. Что не смог как следует рассмотреть белый внедорожник с номерными знаками другого штата, потому что тот умчался.
Не смог рассмотреть!
Да он специально вешал им лапшу на уши.
Вот почему они не смогли найти белый внедорожник с массачусетскими или нью-хэмпширскими номерами. Вот почему полиция Нью-Джерси не смогла найти автомобиль, сбивший Лауэра.
Этих автомобилей просто не существовало. Дайц направил их по ложному следу.
И вероятность того, что кто-то свяжет эти два наезда, стремилась к нулю. Он бы и не связал, если б Карен не увидела лицо мужа в документальном фильме.
Хоук усмехнулся. Дайц – свидетель двух наездов. Разделенных годом, да еще и в разных штатах.
Разумеется, сие означало, что Чарльз Фрайдман также замешан в этой истории.
Хоук посмотрел на Муньоса. Наконец-то он почувствовал, что его усилия дают результат.
– Кто-нибудь знает об этом, Фредди?
– Ты же сказал, что все должно остаться между нами, лейтенант, – пожал плечами Муньос. – Я так и сделал.
– Давай пока не будем ничего менять.
Муньос кивнул.
– Я хочу еще раз взглянуть на дело Раймонда. Ты сможешь привезти мне копию?
– Да, сэр.
Хоук всмотрелся в усатую физиономию, только уже не бывшего копа, а расчетливого, профессионального убийцы.
Два дела не просто соединились – слились друг с другом. И на этот раз ему предстояло встретиться совсем с другими людьми. В кровь брызнул адреналин.
«Ты просчитался, – мысленно сказал он Дайцу. – Просчитался по-крупному, сукин ты сын».

Прежде всего он отправил фотографию Дайца Паппи, который днем позже подтвердил, что именно этот человек говорил с ним в Пенсаколе. Уже этого хватило бы, чтобы арестовать Дайца по обвинению в соучастии в убийстве Эй-Джея Раймонда, а может, и Джонатана Лауэра.

Но пока эта ниточка не вела к Чарльзу Фрайдману.

Совпадения ничего не доказывали. Хороший адвокат мог привести много всяких совпадений, указав, что в этот ряд укладывается и появление Дайца в двух местах, где автомобиль наехал сначала на пешехода, а потом на велосипедиста. И он сам обещал Карен выяснить, где ее муж. Чарльз побывал в Гринвиче. Лауэр работал у него. Оба знали о «Дельфин ойл». Как и Дайц. Хоуку все это определенно не нравилось. Но хотелось найти, что связывало Чарльза с Дайцем. Правда, он боялся с этим спешить, не мог просчитать, к чему может привести неверный шаг.

«Тебе пора идти к Фицпатрику», – убеждал его внутренний голос. Пусть этим занимается Федеральное бюро расследований. Он давал присягу. Всю жизнь следовал ей. Карен помогла обнаружить преступников, которые действовали в нескольких штатах.

Но что-то его удерживало.

А если Чарльз невиновен? Если он не сможет привязать Дайца к Чарльзу? Если причинит боль Карен, ее детям, тогда как дал слово помогать ей? Почему он ищет вину Чарльза? Арестовать Дайца? Надавить на него? Надеяться, что он расколется?

А она? Он же понял, что к чему, когда рядом легли два дела. Полной уверенности в виновности Чарльза у него пока не было, вот ему и хотелось еще какое-то время побережь ее чувства, убедиться в том, что Чарльз действительно приложил руку к этим убийствам. Ночью он долго не мог заснуть. Личное конфликтовало с чувством долга. Будучи копом, он отдавал себе отчет в том, что чувства сбивают его с правильного пути.

Еще вечером он позвонил Карен, глядя на свидетельские показания Дайца.

– Я съезжу на денек в Нью-Джерси. Возможно, мы кое-что нашли.

– Что? – взволнованно спросила Карен.

– Я посмотрел дело о гибели Джонатана Лауэра. Там указан свидетель происшествия – мужчина по фамилии Дайц. Он один из двух свидетелей, которые видели смерть Эй-Джея Раймонда.

Карен ахнула. И Хоук знал, что в уме она складывала два и два.

– Их обоих убили, Карен. Этот человек, Дайц, оказался там не случайно. Это тщательно спланированные убийства. И он заметал следы. Ты просто молодец. Никто бы никогда не связал два этих случая, если бы ты не поехала к Лауэру.

Она не ответила. Попыталась понять, что все это значит. Как это отразится на Чарльзе. На детях. На ней.

– И какой вывод я должна из всего этого сделать, Тай?

– Карен, прежде чем мы...

– Послушай, я очень сожалею. Мне действительно жаль этих людей. Это ужасно. Я знаю, ты всегда так думал. Но я не могу отделаться от ощущения, что этим дело не кончится, и я боюсь. Как все это связано с Чарльзом?

– Не знаю. Собираюсь выяснить.

– Выяснить как, Тай? Что ты собираешься делать?

Он многое утаивал от нее. Связь Чарльза с «Фэлкон партнерс». С Паппи Раймондом. Собственную уверенность в том, что Чарльз приложил руку к смерти Эй-Джея Раймонда и, возможно, Джонатана Лауэра. Но как он мог ей это сказать?

– Я собираюсь съездить к Дайцу. Завтра.

– Съездить к нему? Зачем?

– Посмотреть, что удастся выяснить. А уж потом подумать, каким будет наш следующий шаг.

– Наш следующий шаг? Ты должен арестовать его, Тай. Ты знаешь, что он готовил убийство этих бедных людей. Он несет ответственность за их смерть!

– Ты хотела знать, как все это связано с твоим мужем, Карен! Ты же пришла ко мне за этим? Ты хотела знать, что он сделал.

– Этот Дайц – убийца, Тай. Из-за него погибли два человека.

– Я знаю, что погибли два человека, Карен! Вот об этом ты могла бы мне и не напоминать.

– О чем ты говоришь, Тай?

На этот раз пауза длилась недолго. Внезапно Хоук понял, что выдал все, признавшись, что едет в Нью-Джерси не для того, чтобы арестовать Дайца. И свои чувства к ней, и заплетенные в косички длинные рыжие волосы, заставившие его дать себе слово, что он найдет убийцу Эй-Джея, и эхо давней боли.

Наконец Карен шумно слотнула слюну.

– Ты чего-то недоговариваешь, Тай. Чарльз с этим связан, да? И сильнее, чем ты допускаял?

– Да.

– Мой муж... – С губ Карен сорвался горький смешок. – Он всегда ставил против тренда. Еретик – так он себя называл. Красивое словечко для того, кто думает, что он умнее всех. Будь осторожнее, Тай, что бы ты там ни собирался делать.

– Я – коп, Карен, – напомнил Хоук. – Копы никогда не забывают про осторожность.

– Нет, Тай, копы арестовывают людей, замеченных в преступной деятельности. Я не знаю, зачем ты туда едешь, но понимаю, что это как-то связано со мной. И меня это пугает, Тай. Ты должен быть уверен, что поступаешь правильно, понимаешь?

Хоук еще раз посмотрел на усатую физиономию.

– Не сомневайся.

ГЛАВА 51

Что-то странное закралось в мысли Карен в тот вечер после разговора с Таем. Насчет того, что он выяснил.

Сначала ее это порадовало. Связь между происшествиями. Установленная с ее помощью.

Потом радость ушла. Ей стало как-то не по себе. Двух людей, связанных с ее мужем, убили, чтобы что-то скрыть. И возникли подозрения, что Чарльз как-то в этом

замешан. Подозрения, в значительной мере основанные на том, что Тай говорил ей далеко не все.

Джонатан Лауэр работал у Чарли. У паренька, который погиб в день взрывов на Центральном вокзале, в кармане нашли листок с именем и фамилией Чарли. Банковская ячейка со всеми этими деньгами и фальшивым паспортом. Танкер, как-то связанный с компанией Чарли. «Дельфин ойл».

Она не знала, куда все это выведет.

В одном сомнений не было: мужчина, с которым она прожила восемнадцать лет, занимался чем-то таким, о чем она не имела ни малейшего понятия, а Тай говорил ей не все, что знал.

Не следовало забывать и вот о чем: немалая часть жизни, которую она вела последние восемнадцать лет, все эти маленькие мифы, в которые она верила, на поверку оказались ложью.

Но было и что-то еще. Не страх за свою семью. Не сочувствие к тем двоим, что умерли. А ведь их смерть – Карен все более склонялась к этой мысли, хотя верить в нее ей как не хотелось – имела самое непосредственное отношение к Чарли.

Наконец она поняла, что ее тревожит. Хоук. Что он собирался сделать?

Раньше до нее как-то не доходило, а теперь Карен поняла. Она уже привыкла полагаться на него. И знала, по тому, как он на нее смотрел на том футбольном матче, по тому, как вспыхнули его глаза, когда он увидел ее в полицейском участке, что он готов для нее на все. Что она ему небезразлична.

И, что самое важное, то же чувство испытывала и сама Карен.

Но и этим дело не ограничивалось.

Она не сомневалась, что он может совершить что-то необдуманное, выйти за пределы допустимого. Что может оказаться в опасности. Дайц был убийцей. А Хоук что-то скрывал. Что-то связанное с Чарли.

Потому что оберегал ее.

После его звонка она осталась на кухне, разогревая в микроволновке замороженную пиццу для Алекса, который, похоже, теперь только этим и питался.

Когда микроволновка звякнула, давая знать, что пицца готова, Карен позвала сына, посидела с ним у стола, слушая его рассказ о прошедшем дне: он получил пятерку по европейской истории, и его выбрали сопредседателем комитета по сбору средств для строительства приюта в рамках программы «Дети в беде». Она могла им гордиться. Потом они договорились, что вместе посмотрят шоу «Вечерние огни».

Поев, он поднялся наверх, а Карен еще посидела на кухне, глубоко задумавшись.

Неожиданно для нее – для них – между ними что-то возникло.

Определенно возникло.

Поэтому после того, как они посмотрели телевизор и Алекс, пожелав ей спокойной ночи, ушел к себе, Карен прошла в кабинет и сняла трубку с телефонного аппарата. Под ложечкой сосало, как у школьницы, но ее это не остановило. Она набрала его номер, ладони вспотели. Он ответил на втором гудке.

– Лейтенант! – Она ждала, что он ее поправит: не лейтенант – Тай.

– Да? – Не поправил.

– Будь осторожнее.

Он попытался отшутиться, мол, такое для него не впервой, но Карен его оборвала:

– Не надо. Не надо. Не заставляй меня пережить все это вновь. Пожалуйста, будь осторожнее, Тай. Это все, о чем я тебя прошу. Ты слышишь?

– Да, слышу, – ответил он после секундной паузы.

– Хорошо, – выдохнула она и положила трубку.

Карен еще долго сидела на диване, подтянув колени к груди. Чувствовала, как по телу разливается страх, совсем как в тот день, в маленьком самолете, когда крутились пропеллеры, а Чарли махал рукой с балкона. Теперь она боялась, что больше не увидит Хоука.

– Будь осторожен, Тай, – прошептала она и закрыла глаза. – Я не выживу, если потеряю и тебя.

ГЛАВА 52

Выехав из Стэмфорда на А-95, Хоук буквально через милю свернул на шоссе Нью-Джерси-Тернпайк, южнее моста Джорджа Вашингтона.

И покатыл по нему в южную часть штата, мимо болот Мидоу-лэндс, мимо многочисленных линий электропередачи, промышленных зон, аэропорта Ньюарка.

Через два часа он свернул на шоссе, ведущее в округ Бирлингтон, и продолжил путь уже по местным дорогам, мимо маленьких сонных городков вроде Коламбуса и Маунт-Холли, забираясь все дальше в глубинку, так непохожую на индустриальный север.

Дайц работал копом во Фрихолде. Хоук проверил это еще до отъезда. В полиции Дайц прослужил шестнадцать лет. Шестнадцать лет, которые прервались после двух жалоб на сексуальное домогательство и двух выговоров за неправомерное применение силы, не говоря уже о темной истории с допросом несовершеннолетней свидетельницы по делу о наркотиках, когда Дайц вроде бы переусердствовал, добывая показания, а по существу – изнасиловал девчонку.

В свое время Хоук ничего этого не узнал. А разве у него была причина для проверки свидетеля наезда на пешехода?

Потом Дайц поступил на работу в некую охранную компанию «Черная звезда». Хоук выяснил, чем они занимаются. Телохранители. Охрана объектов. Ни слова об эксклюзивных охранных системах, которые вроде бы устанавливал Дайц.

И в том, что он имел дело с подонком, сомнений у Хоука уже не осталось.

Сам он прослужил в полиции почти пятнадцать лет. Собственно, никакой другой работы и не знал. Достаточно быстро поднимался по служебной лестнице в Нью-Йорке. Был на хорошем счету. Несколько раз его включали в специально созданные группы для расследования особо громких преступлений. Теперь вот руководил детективами Гринвича. И всегда держался в рамках закона.

И что он собирался делать, добравшись до места назначения? У него даже не было плана.

За Медфордом он свернул на шоссе номер 620.

С обеих сторон тянулись поля и белые изгороди. Несколько раз он миновал большие щиты-указатели, поставленные у поворотов к фермам известных конезаводчиков. «Мерривейл-Фарм – родной дом Барристера, рекордсмена мира в беге на четверть мили». Возле озера Тонтон Хоук сверился со спутниковым навигатором. Дайц жил в доме 733 по Манси-роуд, которая начиналась примерно в трех милях южнее. Дорогу Хоук нашел между местной пожарной колокольней и огороженным сеткой пустырем. Свернул. Сердце билось все чаще.

«Что ты тут делаешь, Тай?»

Разбитый асфальт Манси-роуд давно требовал ремонта. Рядом с поворотом Хоук увидел несколько фермерских домов. Дворы заросли сорняками. На одном почтовом ящике он прочитал номер: 340. Путь еще предстоял долгий.

В какой-то момент асфальт закончился, началась грунтовка. Наконец показалась стойка с почтовыми ящиками, среди которых был и номер 733. Дальше автомобили почтовой службы не ездили. Хоук приближался к цели. А границы закона остались далеко позади. Ордера на обыск он при себе не имел. Полиция этой миссии ему не поручала. Дайц был потенциальным соучастником двух убийц.

«Что ты тут делаешь, Тай?»

Он проехал дом из красного кирпича, построенный, наверное, в пятидесятых годах: 650. Пленочка пота образовалась на запястьях и под воротником: расстояние до цели все уменьшалось.

Здесь дома стояли далеко друг от друга. Может, с четверть мили. И до ушей Хоука не доносилось ни звука, если не считать хруста щебенки под колесами «форда-бронко».

Впереди появился нужный ему дом. Дорога перед ним чуть поворачивала, сам дом стоял в тени высоких вязов. Белый, оштукатуренный фермерский дом. Забор из штакетника, огораживающий лужайку, нуждался в починке. Траву в последний раз косили в незапамятные времена. Если бы не двухместный джип на подъездной дорожке с закрепленным на переднем бампере плугом для расчистки снега, никто и не сказал бы, что в доме живут. Хоук сбросил скорость, проезжая мимо поворота, стараясь не привлекать лишнего внимания. На заднем бампере джипа увидел наклейку «Полиция Фрихолда». Номер на одной из стоек переднего крыльца подтверждал, что он нашел нужный ему дом: 733.

«Вот и добрался...»

Темные окна, закрытые обшарпанные ворота гаража на два автомобиля. Вроде бы в доме никого. Но... автомобили по этой дороге ездили редко. И он не хотел, чтобы его заметили на обратном пути. В пятидесяти ярдах обнаружился съезд с дороги – лошадиная тропа, чуть шире его «форда-бронко». Свернул. На неровной земле сильно трясло, несмотря на крепкую подвеску. Вскоре он повернул налево, в поле, где забыли скосить траву на сено. Высокие кусты прикрывали его. А через сотню ярдов он нашел место, с которого мог видеть дом.

«Ладно, и что теперь?»

Из сумки Хоук достал бинокль и, опустив стекло, оглядел дом и прилегающую к нему территорию. Одна ставня перекошена. Вернуть ее на место у хозяина руки не доходили.

Из той же сумки Хоук достал автоматический пистолет «ЗИГ-Зауэр», снял с предохранителя, проверил, что все шестнадцать девятимиллиметровых патронов в обойме. Он уж не помнил, когда в последний раз доставал пистолет. А стрелял еще в Нью-Йорке, в проулке, куда забежал преступник после того, как выпустил очередь из «ТЕК-9» в его напарника. Он тогда выстрелил трижды, ранил преступника в ногу, доставил в участок, получил благодарность. В первый и единственный раз использовал пистолет по назначению.

Хоук положил пистолет на пассажирское сиденье. Потом открыл бардачок и достал кожаный чехол, в котором лежал его полицейский жетон. Не знал, что с ним делать, но на всякий случай сунул в карман куртки. Отпил воды из двухлитровой бутылки. Во рту давно уже пересохло. Решил особо не задумываться над тем, что он здесь делает. Вновь посмотрел на дом в бинокль.

Ничего. И никого.

А потом он сделал то, что проделывал сотни раз за годы службы в полиции.

Открыл бутылку пива и стал наблюдать, как бежит по циферблату секундная стрелка. Он ждал.

ГЛАВА 53

За домом Хоук следил всю ночь. Не зажглось ни одного окна. К дому никто не подъезжал.

В какой-то момент он взглянул на телефонный номер, который Дайц оставил вместе с адресом, и набрал его. На пятом гудке услышал автоответчик: «Вы позвонили в охранную фирму «Черная звезда»... Пожалуйста, оставьте сообщение после звукового сигнала». Хоук разорвал связь. Настроил радио на волну 104,3 – «Классический рок». Попал на группу «Ю-ту». «Никто не знает, каково быть плохим...» Веки отяжелели, он задремал.

Когда открыл глаза, уже рассвело. Ничего не изменилось.

Хоук сунул пистолет за ремень. Надел латексные перчатки. Взял фонарь и мобильник, вылез из «форда-бронко». По полю добрался до тропы.

Решил: если Дайц дома, арестует его, потом позвонит в полицию.

Если нет – осмотрит дом.

Он вышел на грунтовую дорогу, подошел к неухоженному дому. Увидел на заросшей травой лужайке табличку с надписью: «Частная собственность. Берегитесь, злая собака!» Когда поднимался на крыльцо, сердце его стучало как барабан, ладони вспотели. Он встал с краю двери, посмотрел в занавешенное окно. Никого. Глубоко вдохнул, одной рукой взялся за рукоять пистолета. Другой достал фонарик и постучал в дверь.

– Есть кто-нибудь дома?

Ему не ответили.

Через несколько мгновений постучал вновь:

– Кажется, я заблудился... Есть кто-нибудь дома?

Тишина.

Крыльцо тянулось вокруг дома. Хоук пошел по нему к двери черного хода. Возле подъездной дорожки заметил скрытый кустами металлический ящик с распределительным щитком. Именно от него в дом поступало электричество. Хоук обесточил телефонную линию и систему охранной сигнализации. Вновь вернулся на крыльцо. Через окно увидел столовую с простым деревянным столом посередине и часть кухни, отделанной керамической плиткой в стиле пятидесятых, с древним линолеумом на полу. Хоук попытался открыть дверь черного хода.

Заперта, как и парадная.

Внезапно залаяла собака. Хоук напрягся, почувствовал себя обнаруженным.

Торопливо огляделся. Потом понял, что лай донесся издалека, от соседнего дома, расположенного в сотнях ярдов. Окрестные поля пустовали. Сердце чуть сбавило бег.

«Нервы...»

Хоук двинулся дальше. Миновал запертый сарай, газонокосилку, накрытую брезентом, несколько ржавых лопат. Наконец добрался до внутреннего дворика с мангалом и длинным деревянным столом. В дом вели высокие – до потолка – застекленные двери. Задернутые шторы не позволяли заглянуть внутрь.

Хоук несколько мгновений постоял перед дверьми, запертыми на прочный засов.

Достал фонарь, постучал торцом по раме возле дверной ручки. Стекланные панели задребезжали. Двери от времени разохлись. Хоук присел и снова ударил – на этот раз по панели. Сильно. Стекло разлетелось на мелкие осколки.

С пистолетом в руке Хоук замер, прислушиваясь. Тишина. Он сомневался, что Дайц договорился с местной полицией о регулярных проверках его дома. Наверняка не хотел, чтобы тут бродили посторонние.

Сунул руку в дыру, отодвинул засов. Повернул ручку.

Дверь распахнулась.

Хоук осторожно переступил порог.

Оказался на застекленной террасе. Увидел стулья с выцветшей обивкой, деревянный стол. Несколько журналов. «Форбс», «Жизнь на природе», «Безопасность вашего дома».

С гулко бьющимся сердцем, выставив перед собой пистолет, двинулся дальше.

Половицы скрипели при каждом шаге. Дом встречал его темнотой и покоем. Кухня его не впечатлила, а вот в гостиной он увидел телевизор «Самсунг» одной из последних моделей, с плоским экраном.

Хоук не знал, что он ищет.

Между гостиной и кухней обнаружил маленькую комнату, заставленную книжными полками. Кабинет. Кирпичный камин, письменный стол, заваленный бумагами, компьютер. Фотографии на стене. Хоук пригляделся. Узнал Дайца. В полицейской

форме – рядом с другим копом. На рыбалке – с рыбой-парусником внушительных размеров в руках. На выкрашенной в черный цвет яхте – с темноволосым, голым по пояс мужчиной.

Хоук занялся бумагами. Счета, пара служебных записок на бланках с логотипом «Черной звезды». Компьютер работал, Хоук увидел иконку электронной почты, но когда щелкнул по ней, компьютер запросил пароль. Щелкнул по иконке «Гугла», и тут же высветилась новостная страничка. Он посмотрел, какие темы интересовали Дайца в последнее время. Авиакомпания «Американ эйрлайнз». Зарубежные путешествия. Торговые сайты. МАИМ. Как выяснилось, речь шла о Международной ассоциации инвестиционных менеджеров.

Хоук напрягся.

«Харбор кэпител», хеджевый фонд Чарльза Фрайдмана.

Хоук попытался повторить поиск Дайца. На экране появилась главная страница сайта фонда. Описание деятельности, структура акций энергетических компаний. Активы, находящиеся под управлением фонда, несколько графиков. Короткая история фирмы, информация о менеджменте. Фотография Фрайдмана.

Этим поиск Дайца не заканчивался.

Он пытался найти все, что можно, и о «Фэлкон партнерс».

На страничке МАИМ об этой фирме была лишь пара слов. Контактный телефон и адрес на острове Тортولا. Хоук их записал. Потом вновь занялся бумагами на столе Дайца. Служебные записки, корреспонденция, счета.

Ничего интересного.

Один документ, правда, привлек его внимание. Ксерокопия списка членов Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг, людей, которые получили лицензии на торговлю ценными бумагами в инвестиционных целях. Список состоял не из одного десятка страниц, с сотнями фамилий и названий фирм, разбросанных по всему свету. Хоук начал переворачивать страницы.

«Что тут искал Дайц?»

И потом, совершенно неожиданно, он понял, в чем уникальность списка.

Все эти лицензии были выданы в прошлом году.

Хоук видел несколько фамилий, обведенных кружочком. Множество вычеркнутых фамилий, с пометками на полях. Поиск велся долгий и планомерный.

И вот тут Хоука осенило, догадка эта потрясла, как удар в солнечное сплетение.

«Не только Карен Фрайдман думала, что ее муж жив!»

На комод у стола стоял принтер-копир. Хоук вставил в него список с пометками Дайца. Продолжил просмотр бумаг. Нашел бланк «Черной звезды» со строкой наверху, написанной от руки.

Банк «Барклейс». Тортولا.

И длинный номер, скорее всего – лицевого счета. От номера стрелка вела к другим банкам. Первый карибский на острове Невис. Банк Доминика. Имена и фамилии. Томас Смит. Рональд Торбор. Последнее трижды подчеркнуто.

Кто эти люди? Что искал Дайц? Хоук всегда предполагал, что Чарльз и Дайц как-то связаны. Эти наезды...

Очередная догадка.

«Господи... Дайц тоже искал Чарльза!»

Хоук взял со стола еще один лист. Международные рейсы. «Американ эйрлайнз». Тортولا. Невис. По коже побежали мурашки.

Дайц его обогнал.

«Могли он уже знать, где находится Чарльз?»

Этот листок он тоже положил на лоток копира, нажал на кнопку «Печать». Машина начала прогреваться.

Внезапно с улицы донесся шум. У Хоука на мгновение остановилось сердце. Щебенка хрустела под колесами автомобиля. Потом хлопнула дверца.

Кто-то приехал. Хозяин?

ГЛАВА 54

Внутри у Хоука все заледенело. Он подкрался к окну, выглянул в щель между шторами. Окно кабинета Дайца выходило не на подъездную дорожку. Хоук не мог увидеть, кто приехал. Он вытащил из-под ремня «ЗИГ», еще раз проверил обойму. Без ордера на обыск, без прикрытия, он не имел никакого права находиться в этом доме.

И оставалось только молиться, что приехал не Дайц.

Он услышал, как в дверь постучали. Кто-то крикнул: «Фил!» Потом короткая пауза, в течение которой пульс успел невероятно ускориться. Наконец звуки вставляемого в замочную скважину ключа, его поворота.

– Фил!

Хоук спрятался за дверью кабинета, крепко сжал рукоятку «ЗИГа». Покинуть дом он не мог. Незнакомец уже вошел.

Половицы потрескивали все ближе.

– Фил! Ты здесь?

Сердце молотило по ребрам. Хоук задался вопросом, заметил незнакомец «форд-бронко» или нет. Он прекрасно понимал, что рано или поздно этот человек увидит разбитое стекло. И заглянет в кабинет Дайца. Незнакомец имел право прийти сюда. Хозяин дома снабдил его ключом. А вот Хоук проник сюда незаконно. Без ордера на обыск. Не уведомив местную полицию. Его ждало наказание хотя бы только за то, что он взял с собой табельный пистолет. Шаги приближались. Он не знал, что делать. Уже оказался по горло в дерьме и с каждой секундой погружался все глубже. Незнакомец обходил дом.

«Может, стоит на прорыв?»

И в этот момент гребаный принтер заработал.

Принялся распечатывать листы, заложённые в него Хоуком. Гудение машины мало чем отличалось от звона охранной сигнализации.

– Фил!

Половицы скрипели совсем рядом. Хоук, стоя за дверью, крепко сжимал рукоятку пистолета, прижав дуло к щеке. Машина продолжала работать. Остановить ее он не мог.

«Думай, думай, что делать!»

Хоук замер. Незнакомец остановился на пороге. Заглянул в кабинет. Хоук превратился в изваяние.

– Фил, я не знал, что ты здесь...

Мужчина замолчал, глядя на принтер, выдававший одну страницу за другой.

Хоук стоял, затаив дыхание.

«Дерьмо...»

В следующую секунду тяжелая дверь кабинета ударила его в грудь, захватив врасплох. Пистолет вылетел из руки.

И пока Хоук смотрел вслед пистолету, дверь ударила его снова, на этот раз по голове, а пистолет тем временем стукнулся об пол, подпрыгнул, снова упал.

Мужчина в третий раз ударил Хоука дверью и одновременно шагнул вперед. Но Хоук уже пришел в себя. Всем своим весом он навалился на дверь, и теперь она ударила уже незнакомца, отбросив его на середину кабинета.

Край двери содрал кожу на щеке мужчины. Он уставился на Хоука.

– Ты что здесь делаешь? Кто ты такой?

А Хоук уже понял, что видел этого мужчину раньше.

Второй свидетель, который вышел из банка в тот самый момент, когда автомобиль наехал на Эй-Джея Раймонда. Тут же вспомнилась и фамилия: Ходжес.

Их взгляды встретились, и тут же глаза Ходжеса широко раскрылись.

– Ты!

Хоук покосился на лежащий на полу пистолет, тогда как Ходжес схватил первое, что попало под руку – декоративный резной рог, – и ткнул в Хоука. Острый конец пробил свитер и распорол бок.

Хоук вскрикнул. Бок жгло как огнем.

А Ходжес уже ринулся на него. Хоук попытался перехватить руку с рогом, но Ходжес второй рукой ударил по шее, отбросив Хоука к стене, коленом врезал в раненый бок.

– А-а-а-х!

– Что ты здесь делаешь? – вновь прокричал Ходжес.

– Я все знаю, – прохрипел Хоук. – Я знаю, что тогда произошло. Свитер на боку все сильнее пропитывался кровью. – Все кончено, Ходжес. Я все знаю об этих наездах.

Хоук оторвал руку Ходжеса от шеи, выбил рог из второй его руки. Теперь они стояли друг против друга, Хоук держался за бок.

– Я знаю, что вы делали. Прикрывали Чарльза Фрайдмана и «Дельфин ойл». Полиция уже едет сюда. – Окончательно он еще не пришел в себя. Чувствовал, как начинает распухать шея там, где ее сдавливали пальцы Ходжеса.

– Полиция... – скептически повторил Ходжес. – А ты кто? Гребаный авангард?

Сверкнув глазами, он метнулся к камину и схватил железную кочергу. Нанес удар. Кочерга чуть разминулась с головой Хоука, врезалась в стену, посыпалась штукатурка. Хоук прыгнул на киллера головой вперед, отбросил на стол, с полок попадали книги, на пол полетели и фотографии, вслед за ними – принтер.

Они покатались по полу, Ходжес оказался наверху. Силы ему хватало. Может, несколькими годами раньше Хоук и одолел бы его, но он еще полностью не оправился от удара дверью по голове, да и рана в боку давала о себе знать. А Ходжес понимал, что терять ему нечего, вот и дрался, как загнанный в угол зверь. Коленом врезал Хоуку в пах, схватил кочергу, пережал шею, давя на нее обеими руками.

Хоук хрипел, пытаясь набрать в легкие воздух.

— Ты думаешь, мы его защищали? — Ходжес давил все сильнее, его лицо от напряжения стало пунцовым. — Ты ни черта не знаешь.

Кочерга пережимала гортань. Хоук пытался сбросить киллера, но не мог вдохнуть, а без воздуха уходили и силы. Он чувствовал, что его легкие вот-вот разорвутся.

И понимал, что Ходжес намерен его убить.

Собравшись с силами, он предпринял еще одну отчаянную попытку освободиться от захвата. Все бы отдал за глоток воздуха.

И тут вдруг осознал, что в спину вдавливаются что-то твердое — пистолет. Одной рукой Хоук продолжал отрывать кочергу от шеи, а второй нащупал ствол, принялся разворачивать под собой пистолет, добираясь до рукоятки.

— Прекрати, — прохрипел он. — Давай поговорим. Прекрати.

— Как ты сюда попал? — прокричал Ходжес. — Как ты нашел этот дом?

Железная кочерга все глубже вдавливалась в шею. Наконец пальцы Хоука сжали рукоятку пистолета. Оставалось только вытащить его из-под собственного тела.

— Как? — требовал ответа Ходжес, навалившись на Хоука, выжимая остатки воздуха из его груди.

Хоук сумел чуть приподнять тело, вытащить руку с пистолетом, и Ходжес наконец увидел, что тот делает. Попытался придавить запястье Хоука коленом, одновременно двумя руками еще сильнее нажимая на кочергу.

Указательный палец Хоука уже лежал на спусковом крючке, но ствол прижимался к боку. Он не знал, куда нацелен пистолет, силы иссякали... сейчас или никогда.

Хоук приготовился к тому, что пуля вопьется в него, но все равно нажал на спусковой крючок.

Глухо прогремел выстрел.

Хоука потрянуло. Он напрягся, ожидая, что накатит боль.

Боли не было.

Зато у Ходжеса перекосило лицо, но кочерга продолжала пережимать горло Хоуку.

В нос ударил запах сторевавшего пороха. И наконец-то давление на шею начало ослабевать.

Ходжес посмотрел на свой бок. И Хоук увидел, как по рубашке быстро расплзается алое пятно. Ходжес отпустил кочергу, рукой коснулся бока, поднял ладонь к глазам, уже всю в крови.

— Сукин сын... — простонал он.

Хоук сбросил его с себя. Принялся жадно хватать ртом воздух. Бок горел. Одежду пятнала кровь. Чья — Хоук сказать не мог. Ходжес пополз к двери.

— Все кончено, — прохрипел Хоук, ему не хватало сил поднять пистолет.

У двери Ходжес с трудом поднялся на ноги. С рубашки капала кровь. Он прижимал к ране руку.

— Ты ни черта не знаешь. — С губ сорвался горький смешок.

Ходжес поморщился от боли, дожидаясь, что Хоук вновь нажмет на спусковой крючок. Но силы Хоука иссякли.

— Ты покойник! Ты этого еще не знаешь, но ты — покойник! — Ходжес мрачно глянул на него. — Ты даже представить себе не можешь, кому пытаешься помешать!

Прижимая руку к ране, пошатываясь, Ходжес вышел из комнаты. Хоук не мог его остановить. Остатка сил хватило только на то, чтобы подняться да проталкивать воздух в легкие через отекающую гортань. Одежда Хоука пропиталась кровью и потом. Он поплелся за Ходжесом. Все пошло не так. Услышал, как завелся автомобильный двигатель, увидел капли крови. С крыльца они вели на подъездную дорожку.

— Ходжес! — Хоук спустился со ступенек, нацелил пистолет на пикап. Ходжес развернул автомобиль и рванул к дороге. Хоук попытался взять на мушку одно из задних колес. — Стой! — крикнул он вслед, но едва расслышал собственный голос.

Он наблюдал, как пикап поворачивает на дорогу и удаляется в облаке пыли.

В голове сидела одна мысль.

Он во что-то впутался — и тут же получил по мозгам.

Более того, он уже никого не представлял. Не служил закону, не искал правды, даже не помогал Карен.

Осталось лишь одно — жгучее желание узнать, что все это значило.

ГЛАВА 55

Бок горел огнем.

Шея раздулась, в два раза увеличившись в размере. Он с трудом мог сглотнуть.

Каждый вдох отдавался в ребрах такой болью, будто он отработал десять раундов с тяжеловесом. На груди краснело пятно чужой крови.

Он не знал, во что все это выльется.

Хоук вернулся в кабинет, взял распечатанные листы и потащился к своему автомобилю.

И тронулся в обратный путь. Подумал о Джессике... подумал, как крупно ему повезло, раз уж он остался жив.

«Глупо, Тай, как же все глупо».

Он попытался проанализировать сложившуюся ситуацию. Все его поступки лежали за рамками закона. Он вломился в дом Дайца. Вооруженный табельным пистолетом. Не поставив в известность местную полицию. И Ходжес... он выживет. Но это еще не все. Дайц узнает о случившемся. И те, на кого он работает. После чего они попытаются разобраться с ним. Конечно, они не могли знать, что он действовал в одиночку. И — это его немного успокаивало — они не могли знать, что в деле замешана Карен.

Даже в такой гребаной истории нашлась светлая сторона.

Ему потребовалось больше трех часов, чтобы добраться до дома. Порог он переступил уже после полудня. В изнеможении рухнул на диван. Осмотрел бок, откинул голову назад, закрыл глаза, в какой уж раз обдумывая содеянное. Он нарушил закон. Не один — много законов. Его стараниями угроза могла нависнуть над Карен. Он дал присягу служить закону, делать все, как требует закон, и что из этого вышло?

Хоук снял с себя окровавленную одежду, скатал в комок, бросил в чулан. Даже простое поднятие рук отдавалось болью во всем теле. Рваная рана на боку уже затянулась корочкой крови. На шее и груди ярко краснели полосы. Хоук посмотрел на себя в зеркало, поморщился. Не мог понять, нужно ли обращаться к врачу. Голова работала плохо. Хотелось спать. Он чувствовал себя невероятно одиноким... И впервые в жизни не знал, что ему делать.

Вновь сел на диван. И понял, что есть только один человек, которому он может позвонить.

— Тай?..

— Карен, послушай, ты мне нужна, — пробормотал он. — Здесь. — В голосе слышалась мольба. Он шумно втянул воздух.

— Тай, у тебя все в порядке? — разом встревожилась Карен. — Я не нахожу себе места. Звонила тебе. Ты не брал трубку.

— Карен, кое-что случилось... Приезжай. Пожалуйста... — Его смаривал сон. Он продиктовал адрес.

— Уже еду. У тебя такой голос, Тай!.. Ты меня пугаешь. Скажи, тебе что-нибудь нужно?

— Да. — Его голова откинулась на спину дивана. — Дезинфицирующее средство. И вата с бинтами.

Хоук доплелся до двери, когда услышал ее стук. В трусах и халате, который скрывал раны. Улыбнулся, на бледном лице читалось: «Мне очень жаль, что я тебя в это втянул». А потом он просто привалился к ней.

Она в ужасе уставилась на него:

— Что случилось, Тай?

— Я нашел дом Дайца. Просидел около него всю ночь. Решил, что там никого нет. Утром вошел.

— Он был там?

— Нет. — Хоук взял из ее рук пакет с покупками: дезинфицирующее средство, мазь с антибиотиком, вата, марлевые салфетки, пластырь. Прихрамывая, он вернулся к дивану и сел. — Зато пришел Ходжес.

На ее лице отразилось недоумение.

— Ходжес?

— Второй свидетель наезда на Эй-Джея Раймонда. Я думаю, они работали вместе. Напарники.

— Напарники?

Вот тут взгляд Карен остановился на красной полосе на шее Хоука, чуть ниже кадыка.

— Господи, Тай, что это? — Она осторожно провела кончиками пальцев по следу от кочерги.

— С боком еще хуже, — виноватым голосом ответил Тай и распахнул халат, показав запекшуюся рану.

— Боже мой!

— Все было подстроено, — попытался он объяснить. — С Абелем Раймондом. С Лауэром. Оба эти инцидента с автомобилями. Дайц и Ходжес убили их обоих. Чтобы замести следы.

— Какие следы? — На лице Карен отражалось замешательство и что-то еще. Страх, что к этим убийствам как-то причастен Чарли. О чем он, Хоук, не хочет ей говорить.

— Что случилось с Ходжесом? — Она взяла пузырек с дезинфицирующим средством, вскрыла упаковку ватных тампонов.

— Ходжес получил пулю, Карен.

— Пулю? — Руки ее опустились, лицо побледнело. — Он мертв?

— Нет. Я так не думаю.

Он рассказал ей все. Как проник в дом, решив, что опасности нет, как приехал Ходжес, застав его врасплох. Как они дрались. Как Ходжес проткнул ему бок декоративным рогом, как пытался задушить кочергой. Как Хоук уже решил, что умирает, как ранил Ходжеса.

— Господи, Тай... — В широко раскрытых глазах Карен читалось сочувствие. Озабоченность на ее лице сменилась настоящим страхом. — А что сказали в полиции? Это была самооборона, верно? Он же пытался тебя убить, Тай.

Хоук встретился с ней взглядом.

— Я не обращался в полицию, Карен.

Она моргнула.

— Ты не...

— Я не имел права находиться в том доме. Все мои действия с самого начала выходили за рамки закона. У меня не было ордера на обыск. Против них даже не открыто дело. И я, черт побери, в отпуске!

— Тай... — Ее рука метнулась ко рту, едва она начала осознавать, что произошло.

— Но ты не можешь делать вид, что ничего не случилось. Ты стрелял в человека.

— Этот человек пытался меня убить, Карен! Хочешь, чтобы я позвонил в полицию? Ты не понимаешь? Твой муж знал этих людей. Дайца, Ходжеса. В то утро, покинув Центральный вокзал, Чарли приехал в Гринвич. Он украл кредитку человека, который умер при тех взрывах. Эй-Джею Раймонду позвонили из ресторана, который располагался на другой стороне улицы. Позвонил Чарли, Карен. Твой муж. Либо он напрямую участвовал в убийстве Эй-Джея Раймонда, либо помогал его организовать.

— Чарли?... — Карен покачала головой. — Тай, ты же не думаешь, что Чарли — убийца? Нет. И зачем?

— Чтобы не дать хода информации, которую отец Раймонда раскопал в Пенсаколе.

Одна из подконтрольных Чарли компаний фальсифицировала поставки нефти.

Карен недоверчиво качала головой.

— Это правда. Ты слышала о «Дельфин ойл», Карен? Или о «Фэлкон партнерс»?

— Нет.

— Это дочерние компании, которые принадлежали его фонду. «Харбор кэпител». Офшорные компании. Ты хочешь, чтобы я обратился в полицию? Если я обращусь, они немедленно выпишут ордер на его арест. Мошенничество, отмывание денег, соучастие в убийстве. Ты хочешь, чтобы я так поступил, Карен?

С тобой и твоими детьми? Обратился в полицию? Потому что все так и будет.

Карен поднесла руку ко лбу, покачала головой:

— Не знаю.

— Чарли имел к ним отношение. Через инвестиционные компании, которые контролировал. Через Дайца. Он имел отношение к обоим убийствам, Карен...

— Я в это не верю! Я не могу поверить, что мой муж — убийца, Тай!

— Посмотри! — Хоук наклонился, схватил с журнального столика бумаги, которые принес из дома Дайца, сунул ей под нос. — Его фамилия там везде. Два человека мертвы, Карен. И теперь ты должна выслушать меня и принять решение, потому что этим дело не закончится. Этот человек, Дайц, он тоже ищет Чарли. Я не знаю, кто он и на кого работает, но каким-то образом ему, как и нам, известно, что Чарли жив, и он его ищет. Я наткнулся на след! Может, Дайц пытается его убить — точно я не знаю. Но гарантирую, Карен, если он найдет Чарли раньше нас, то не будет смотреть на него влажными от слез глазами и спрашивать, как тот мог так поступить.

Карен кивнула, пребывая в полном замешательстве. Хоук взял ее за руку. Обхватил пальцами сжатый кулачок.

— Вот и скажи мне, Карен, чего ты действительно от меня хочешь? Чтобы я позвонил в полицию? Потому что полиция уже вошла в это дело. Я вошел. И после этого дня, что бы ни произошло, я не смогу дать задний ход. Сегодня мы на развилке и должны выбрать путь.

Ее глаза наполнились слезами.

— Он отец моих детей. Ты представить себе не можешь, сколько раз мне хотелось убить его самой, но ты говоришь, что он... убийца? Нет, я в это не поверю, пока он сам не признается мне в этом.

— Я его найду для тебя, Карен, обещаю, что найду. Но только знай: теперь этим людям известно, что я каким-то образом ввязался в драку. Мы оба ввязались. Если ты чувствуешь, что тебе это не по зубам — и, будь уверена, я пойму тебя, — сейчас самое время сказать об этом.

Карен опустила глаза. Хоук почувствовал, как палец ее свободной руки, мизинец, прошелся по его запястью. В глазах он видел испуг, но глубже — решимость. Она встретилась с ним взглядом и покачала головой.

— Я хочу, чтобы ты его нашел, Тай.

Она наклонилась к нему, волосы щекотали щеку, дыхание стало прерывистым. Их колени соприкоснулись, Хоук почувствовал, как забурлила кровь, когда ее грудь прижалась к его предплечью. Практически соприкасались и губы. Он чувствовал — будь на то его желание, она прижмет к нему всем телом. Какая-то его часть этого и хотела,

но другая, более сильная, решила, что сейчас это ни к чему. Кожу колело как иголками, когда он вслушивался в ее дыхание.

– Ты все это знал, – сказала она ему. – Насчет Чарли. Что убийства ведут к нему. Но скрывал от меня.

– Я не хотел причинять тебе новую боль, не разобравшись, что к чему.

Она кивнула. Разжала пальцы в его руке.

– Он бы никого не убил, Тай. И если я кажусь тебе полной дурой, упорствуя в этом, мне без разницы. Я его знаю. Я прожила с ним чуть ли не двадцать лет. Он отец моих детей. Я знаю.

– И что ты собираешься делать?

Карен осторожно распахнула халат Тая. Он напрягся. Она провела пальцами по его груди. Потянулась к тюбику мази, который принесла.

– Хочу взглянуть на твою рану.

– Нет. – Он перехватил ее руку. – Ты знаешь, о чем я.

– Я хочу, чтобы он сам сказал мне, что он сделал, почему ушел от нас после чуть ли не двадцати лет семейной жизни. Я хочу его найти, Тай. Найти Чарльза. И пока ты был в Нью-Джерси, я наткнулась на кое-что еще. Думаю, я знаю, как это сделать.

ГЛАВА 56

Карен говорила об автомобиле Чарли.

Она уже дважды просмотрела все его вещи, как и просил Тай, но, пока он находился в Нью-Джерси, решила заняться этим еще раз. Чтобы чем-то отвлечь себя и не волноваться.

Вот и взялась за старые счета и квитанции, которые хранились в стенном шкафу, за бумаги на столе. Вновь просмотрела и сайты, на которые он заходил перед тем, как «умер».

Напрасный труд, говорила она себе. Наверное, все закончится, как и в прошлые разы.

Но теперь ей улыбнулась удача. В одном из ящиков стола, под какими-то юридическими документами, она обнаружила тоненькую прозрачную папку, которую раньше не заметила.

В папке лежал конверт, адресованный Чарли. Такие обычно присылали с большим букетом или корзиной цветов. Карен открыла клапан, достала прямоугольник бумаги с двумя фразами, написанными незнакомым ей почерком.

У нее округлились глаза.

Скорбим о собачке, Чарльз. Твои дети могут быть следующими...

«Скорбим о собачке». Карен почувствовала, как затряслись ее руки. Автор записки имел в виду Сашу. И этот вопрос о детях.

Их детях...

Внезапно Карен почувствовала, как у нее сжало грудь. Что же это за люди?

И потом в той же папке она нашла поздравительные открытки, которые они посылали от всей семьи, до смерти Чарли. Все четверо сидят на деревянном заборе около их коттеджа в Вермонте. Счастлирое время.

Она раскрыла одну.

Чуть не отбросила ее.

Лица детей, Саманты и Александра, вырезали.

Карен закрыла лицо руками, ощутила, как горят щеки.

– Что тут происходит, Чарли? – Она вновь посмотрела на открытку. – Во что ты нас втянул? Что ты с нами сделал, Чарли?

Ей вспомнилось происшествие с Самантой на автомобильной стоянке, сердце учащенно забилось. Она встала из-за стола. Ей хотелось что-нибудь разбить. Она провела рукой по лицу. Оглядела кабинет.

Его кабинет...

– Говори со мной, Чарли! Говори со мной, мерзавец!

И тут ее взгляд упал на стопку журналов, которая лежала на книжной полке. Аккуратная такая стопка, выделяющаяся среди царящего в кабинете беспорядка. Все номера, один за другим. Маленькая коллекция, которую Чарли начал собирать восемью годами раньше, когда только приобрел свою любимую игрушку.

«Мустанг уорлд».

Она подошла к стопке журналов. Сняла два верхних, и тут ее осенило.

Вот же оно! Эта любовь уйти не могла. Под какой бы фамилией он сейчас ни жил и где бы ни жил. Чем бы ни занимался.

Этот идиотский автомобиль. «Крошка Чарли». В свободное время он только и читал об этой модели, сверял цены, обсуждал в Интернете с другими фанатами. Они всегда подшучивали над этим его увлечением. Любовница, с которой Карен приходилось мириться. Она называла «Крошку Чарли» Камиллой, кивая на английских Камиллу и Чарльза {Речь идет о принце Чарльзе, наследнике английского престола, и его нынешней супруге}. «Лучше Камиллы, – всегда говорил Чарли. – И красивее».

«Мустанг уорлд».

Он постоянно выставлял свой автомобиль на продажу, но не продавал его. Летом участвовал в автопробегах. Постоянно заходил на сайты поклонников «мустангов». Найденная открытка и записка пугали ее. Она не знала, что сделал Чарли.

– Но это верный путь, – уверенно заявила Карен, обрабатывая раны Хоука.

Сунула руку в сумку, положила один из номеров журнала на стол. «Мустанг уорлд».

– Вот так мы его и найдем, Тай. Через «Крошку Чарли».

ГЛАВА 57

В Полис-Плаза располагались административные департаменты Управления полиции Нью-Йорка и Объединенная межведомственная группа специального назначения, которая занималась вопросами безопасности города.

Хоук ждал во дворе здания, смотрел на Франкфурт-стрит, ведущую к Бруклинскому мосту. В этот теплый майский день и на улице, и на мосту было много пешеходов и велосипедистов. Сотрудники офисов, в рубашках с короткими рукавами и легких платьях, использовали перерыв на ленч для прогулки. Несколькими годами раньше Хоук работал в этом здании, но потом не бывал здесь ни разу.

Лысеющий, хрупкого телосложения мужчина в синей полицейской форме помахал рукой кому-то из сослуживцев и направился к Хоуку. На груди блестел идентификационный жетон.

– Лучшие люди Нью-Йорка! – Мужчина подмигнул, встав перед Хоуком. Сел рядом, стукнул кулаком о кулак Хоука.

– Привет копам! – улыбнулся в ответ Хоук.

Лейтенант Джо Велко в свое время возглавлял детективов 105-го полицейского участка и одновременно защитил диссертацию по компьютерной криминалистике в Нью-Йоркском университете. Долгие годы они с Хоуком играли в хоккейной команде управления: Хоук – в защите, Велко – в нападении. Джо научился этой игре на улицах Элмхерста, в Куинсе. Жена Джо, Мэрилин, работала в «Кантор Фицджеральд» и погибла 11 сентября. Тогда Хоук организовал благотворительный хоккейный матч для детей Джо. Теперь капитан Велко возглавлял один из наиболее важных департаментов Управления полиции Нью-Йорка.

«Сторожевой пес» – так называлась программа, поддерживаемая девятью суперкомпьютерами. Находились они в подземном командном пункте в Бруклине, на другом берегу реки. «Сторожевой пес» осуществлял мониторинг миллиардов байтов информации, циркулирующей в Интернете, с целью выявления случайных связей, способствующих обеспечению безопасности. Просматривались блоги, электронные письма, сайты, страницы социальных сетей вроде «Май спейс», весь интернетовский трафик. Программа отыскивала необычные взаимосвязи между именами, датами, намеченными заранее публичными событиями, даже повторяющимися фразами, и передавала свои находки в командный центр, где аналитики решали, что можно отбросить, а на что обратить внимание и взять в разработку. Пару лет назад с помощью «Сторожевого пса» удалось раскрыть подготовку подрыва «Ситигруп» группой антиглобалистов. Программа связала повторяющуюся вроде бы невинную фразу «продление срока действия водительского удостоверения нашего шофера» с датой, 24 июня, когда «Сентр» намеревался посетить глава Всемирного банка. А уж дальше службы безопасности выявили человека в компании, обслуживающей намеченный банкет, который и должен был пронести в зал бомбу.

– Так чем я обязан твоему визиту? – спросил Велко. – Я знаю, это место не относится к твоим любимым.

– Хочу попросить тебя об одолжении, Джо.

Опытный коп, Велко заметил, как напряжено лицо Хоука, а потому ничего говорить не стал, дожидаясь продолжения.

– Я пытаюсь найти одного человека, – пояснил Хоук, вытаскивая из внутреннего кармана пиджака спортивного покроя плотный конверт. – Я понятия не имею, где он. Или под каким сейчас живет именем. Скорее всего он находится за пределами этой страны. – Он положил конверт на колени Велко.

– Я и не сомневался, что задачу ты мне предложишь сложную, – рассмеялся Велко, раскрывая конверт.

Достал фотографию Чарльза Фрайдмана с паспорта и листок с ключевыми фразами, которыми снабдила его Карен. «1966, Эмберглоу Мустанг, обивка салона из кожи пони,

Гринвич, Коннектикут». Город Рэтторс, штат Флорида, где Чарли купил этот автомобиль. «Гринвич конкур ралли», в котором он иногда участвовал. И наконец, несколько любимых выражений Чарли: «Туши свет», «Это хоумран {Круговая пробежка, бейсбольный термин, пробежка бэттера по всем базам после удачного удара по мячу. В переносном смысле может иметь много значений. Скажем: «Дело сделано»}, детка».

– Ты, похоже, думаешь, что я у тебя в долгу, раз уж ты сшиб с ног нескольких пожарников, которые пытались размазать меня по борту.

– Больше, чем нескольких, Джо.

– «Мустанг» шестьдесят шестого года, обивка салона из кожи пони... Почему бы тебе не поискать на интернет-аукционах, Тай? – поллюбопытствовал Велко.

– Могу, но так интереснее. Послушай, этот парень может быть на Карибах, в Центральной Америке. И вот что еще, Джо... это может всплыть в твоём поиске, поэтому скажу тебе прямо сейчас... человек, которого я ищу, вроде бы погиб... при взрывах на Центральном вокзале.

– Как это – вроде бы погиб? Погиб понарошку?

– Не заставляй меня сообщать подробности. Я просто пытаюсь найти его по просьбе друга.

Велко убрал все в конверт.

– Триста миллиардов бит информации проходит через Интернет каждый день, ответственность за безопасность города лежит на наших плечах, а я разыскиваю «мустанг» выпуска 1966 года, принадлежащий покойнику.

– Спасибо, дружище. Меня устраивают любые твои находки.

– Огромная чертова дыра в Патриотическом акте {Закон, устанавливающий более жесткие нормы контроля на территории США и предоставляющий более широкие полномочия спецслужбам. Принят после взрыва башен-близнецов Всемирного торгового центра 9 сентября 2001 г.}... – Велко откашлялся. – Вот что это такое. У нас не поисковая система пропавших людей. – Он посмотрел на Хоука, уже взяв в расчет и синяки на лице и шее, и скованность движений.

– В хоккей играешь?

Хоук кивнул:

– В местной команде. Лига «Кому за сорок». В основном брокеры с Уолл-стрит да торговцы закладными. А ты?

– Нет. – Велко постучал пальцем по голове. – Мне не разрешают. Они думают, что у меня слишком хорошие мозги, чтобы подставлять их под удар чье-то плеча. Слишком рискованно на моей новой работе. А вот Мишель играет. Тебе надо бы с ней повидаться. Такая оторва. Играет за школьную команду мальчиков.

– С удовольствием. – Хоук улыбнулся. Когда Мэрилин погибла, Мишель было девять. А Бонни – шесть. Хоук организовал для них благотворительный матч с командой местных знаменитостей. После игры девочки вышли на лед и получили по свитеру с автографами «Рейнджерс» и «Нью-Йорк айлендерс» {В Нью-Йорке две профессиональные хоккейные команды – «Нью-Йорк рейнджерс» и «Нью-Йорк айлендерс»}.

– Я знаю, что уже говорил тебе об этом, но я всегда буду помнить, что ты для меня сделал.

Хоук подмигнул Джо:

– Ладно, тогда мне пора.

Они поднялись со скамьи.

– Все нормально? – спросил Джо.

Хоук кивнул. Ужасно болел бок.

– Все нормально.

– Если что-то выскочит, ты по-прежнему на службе в Гринвиче?

Хоук покачал головой:

– Я взял отпуск. Телефон моего мобильного в конверте. И, Джо... Я бы хотел, чтобы это осталось между нами.

– Об этом можешь не волноваться. – Джо помахал конвертом. – Правда, потребуется время... – И уже перед тем, как повернуться и уйти, спросил: – Во что ты впутался, Тай?

ГЛАВА 58

После встречи с Велко Хоук пошел в издательство «Медиа паблишинг», которое располагалось на тринадцатом этаже высокого стеклянного здания рядом с перекрестком Сорок шестой улицы и Третьей авеню.

К издателям «Мустанг уорлд».

Ему потребовалось показать свой полицейский жетон сначала секретарю, а потом двум сотрудникам службы маркетинга, прежде чем он попал к нужному человеку. Никаких прав на получение информации у него не было. Как и желания прибегать к помощи еще

одного давнего приятеля из Управления полиции. К счастью, сотрудник издательства, с которым его свели, горел желанием помочь правоохранительным органам и не попросил его зайти еще раз с соответствующим документом от судьи.

— У нас сто тридцать две тысячи подписчиков, — с придыханием сообщил менеджер, явно гордясь таким достижением. — Не могли бы мы сузить границы поиска?

— Мне нужен список только тех, кто в прошлом году оформил подписку в других странах, — ответил Хоук.

Он оставил в издательстве свою визитную карточку. Менеджер пообещал, что немедленно перешлет полученные результаты по электронной почте.

По пути домой Хоук продумывал свои дальнейшие действия. К счастью, «мустанг» не был единственной ниточкой. Кое-что он добыл и в кабинете Дайца.

Транспорт по Мэджер-Диган-экспресс двигался медленно, а неподалеку от стадиона «Янкиз» просто встал.

Хоук выудил из кармана листок с телефонным номером банка на острове Сент-Китс. Набирая его по мобильнику, сомневался, правильно ли он поступает. Дайц мог приплачивать этому человеку. Но с другой стороны, попытка не пытка...

После долгой паузы раздался гудок.

— Первый карибский, — послышался женский голос с сильным акцентом.

— Я бы хотел поговорить с Томасом Смитом.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии.

— Томас Смит слушает, — раздался через несколько секунд мужской голос.

— Моя фамилия Хоук, — представился Хоук. — Я детектив полицейского участка в Гринвиче, штат Коннектикут. В Соединенных Штатах Америки.

— Я знаю Гринвич, — радостно отреагировал мужчина. — Я учился неподалеку, в Университете Бриджпорта. Чем я могу вам помочь, детектив?

— Я пытаюсь найти одного человека. Он американский гражданин. Мне известно только его имя — Чарльз Фрайдман. Возможно, у него есть счет в вашем банке.

— В нашем банке никто не открывал счет на имя Чарльза Фрайдмана.

— Послушайте, я понимаю, это несколько необычно. Рост у него пять футов и десять дюймов. Худощавый. Песочные волосы, очки. Возможно, он переводил деньги на корреспондентский счет из банка на Тортале. Возможно, сейчас у него совсем другая фамилия.

— Как я и сказал, счета на такое имя у нас нет. И я не встречал в банке человека, соответствующего вашему описанию. Остров у нас маленький. И вы понимаете, почему я с неохотой делюсь с вами этой информацией.

— Разумеется, понимаю, мистер Смит. Но это полицейское расследование. И если вас не затруднит, спросите...

— Спрашивать нет необходимости, — ответил сотрудник далекого банка. — Я уже спрашивал. — И от его следующей фразы у Хоука гулко забилося сердце: — На этой неделе вы уже второй человек из Соединенных Штатов, кто интересуется этим Чарльзом Фрайдманом.

ГЛАВА 59

Михель Исса через увеличительное стекло внимательно рассматривал сверкающий камень. Настоящий красавчик. Канареечно-желтый цвет, удивительное свечение, чистой воды. Камень входил в последнюю купленную им партию, и Михель знал, что потратился не зря. Перепродажа обещала немалую прибыль. Главное — найти соответствующего покупателя.

Но на этом он и специализировался.

Семья Иссы занималась торговлей бриллиантами более пятидесяти лет, эмигрировав из Бельгии на Карибы и открыв магазин на Мачтовой улице, с голландской стороны Сент-Мартена. Десятилетия они покупали камни самого высокого качества в Антверпене и на некоторых «серых» рынках. Люди приезжали в их магазин со всего света, и не только парочки, сошедшие с круизного лайнера, чтобы приобрести обручальные кольца, хотя они продавали и такие. Причем в большом количестве. Важные люди, которые покупали бриллианты для того, чтобы хранить их в сейфах, а не блистать ими. В такого рода торговле (и Михель это хорошо знал, как и его дед и отец) продавцу полагалось держать язык за зубами. Только тогда клиент мог стать постоянным покупателем.

Поскольку после трагедии 11 сентября банковские денежные операции стали прозрачными, в моду вошли другие активы, особенно те, что не занимали много места. И привлекали они прежде всего людей, которым было что скрывать.

Михель убрал увеличительные стекла, положил желтый бриллиант на поднос с другими камнями. Поднос поставил в сейф, закрыл дверцу, повернул ключ в замке. Часы показывали 19.00. Рабочий день закончился. Его жена Марта уже приготовила ему

традиционный бельгийский ужин — сосиски с тушеной капустой. Кроме того, по вторникам вечером он играл в юкер {Карточная игра} с парой английских друзей.

Михель услышал, как звякнул колокольчик входной двери. Вздохнул. Слишком поздно. Он только что отправил сотрудников по домам. Страха он не ощутил. Преступность на острове отсутствовала напрочь. Во всяком случае, если говорить об ограблениях ювелирных магазинов. Здесь все его знали, а главное, они находились на острове, со всех сторон окруженные водой. Так что бежать преступникам было некуда. Но все равно он укорил себя за оплошность. Дверь следовало запереть.

— Месье Исса?

— Одну минуту, — откликнулся Михель. Через окошечко заглянул в Торговый зал и увидел плотного усатого мужчину в солнцезащитных очках, который стоял у двери.

Он второй раз повернул ключ в сейфовом замке.

Когда вышел в торговый зал, увидел, что мужчин двое. Второй был повыше ростом, в цветастой рубашке и бейсболке. Усатый, улыбаясь, подошел к прилавку.

— Меня зовут Исса, — представился Михель. — Чем я могу вам помочь? — Ногю он поставил рядом с тревожной кнопкой на полу, заметив, что высокий мужчина остался у двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Я бы хотел вам кое-что показать, месье Исса. — И усатый сунул руку в карман рубашки.

— Камни? Так поздно? Я как раз собирался уходить. Мы можем перенести все на завтра?

— Не камни. — Усатый покачал головой. — Фотографии.

«Фотографии», — в недоумении повторил про себя Исса. Усатый положил перед ним небольшой снимок мужчины в деловом костюме. Короткие, тронутые сединой волосы. Очки. Фотография выглядела так, словно ее вырезали из какого-то корпоративного буклета.

Исса нацепил на нос очки для чтения, всмотрелся в снимок.

— Нет.

Мужчина наклонился вперед.

— Эта фотография довольно давняя. Сейчас он может выглядеть иначе. С более короткими волосами. Или вообще обритый наголо. Без очков. У меня есть основания полагать, что он побывал здесь, чтобы заключить сделку. Причем такая сделка, я уверен, не могла не остаться у вас в памяти, мсье Исса. Если он приходил, то для того, чтобы приобрести камни на очень крупную сумму.

Михель ответил не сразу. Попытался понять, кто эти люди. Что-то в них определенно ему не нравилось.

— Вы из полиции? — спросил он. Он всегда с ними договаривался. И с местными, и с Интерполом. Они его не трогали. Но эти двое, чем-то они отличались.

— Нет, мы не из полиции, — холодно улыбнулся усатый. — И дело у нас личное.

— Очень сожалею. — Михель пожал плечами. — Здесь я его не видел.

— Вы уверены? Он мог заплатить наличными. Или перевести деньги на ваш счет из Первого карибского банка или «Мартенбанка», который находится на этом острове. Пятью-шестью месяцами раньше. Кто знает, может, он приезжал и потом.

— Очень сожалею, — повторил Михель, эти двое все больше его пугали. — Я его не узнаю. И я бы помнил, если бы он заходил сюда. А теперь, если не возражаете, я должен...

— Позвольте мне показать вам еще одну фотографию, — резко оборвал его усатый. — Знаете, иногда они оказывают магическое действие. Даже помогают освежить память.

Мужчина вытащил из нагрудного кармана вторую фотографию и положил на прилавок рядом с первой.

Михель обмер. Во рту у него пересохло.

На второй фотографии он увидел собственную дочь.

Джюльетту, которая жила в Штатах. В округе Колумбия. Она вышла замуж за профессора университета Джорджа Вашингтона. Только-только родила девочку, Дэниэль, первую внучку Иссы.

Усатый видел, как таяло самообладание Михеля. И ему это очень даже нравилось.

— Я вот думаю, а не освежит ли эта фотография вашу память? — Он усмехнулся. — Вдруг теперь вы узнаете этого мужчину? Ваша дочь — красивая женщина. Мои друзья сказали мне, что она недавно родила. Это повод для праздника, мсье Исса. Нет нужды вовлекать их в эту малоприятную историю, если вы понимаете, о чем я.

Исса почувствовал, как его желудок завязался узлом. Он прекрасно понял усатого. Их взгляды встретились. Исса плюхнулся на высокий табурет, стоявший позади, лицо стало бледным как полотно.

Он кивнул:

— Этот мужчина — американец. — Михель облизнул губы, посмотрел на фотографию. — Как вы и сказали. Теперь он выглядит иначе. Голову бреет наголо. Вы знаете, как принято нынче у молодежи. Ходит в солнцезащитных очках. Он приезжал дважды. Оба раза деньги лежали на счету в местном банке, так что он приносил банковский чек. Как вы и сказали, пять или шесть месяцев назад.

— А зачем он приходил, мистер Исса? — полюбопытствовал усатый.

— Он покупал камни высшего качества... оба раза. Хотел перевести деньги во что-то более удобное для перевозки. Как вы и говорите, на большие суммы. Я не знаю, где он теперь. Или как с ним связаться. Один раз он звонил мне, но его номера у меня нет. Вроде бы говорил, что живет на яхте. Он побывал здесь только два раза. Больше я его не видел.

— Фамилия? — спросил усатый, в темных глазах которого читалось нетерпение.

— Я фамилии не спрашиваю.

— Его фамилия? — Рука усатого легла на предплечье Иссy. — Он расплачивался банковским чеком. Их выписывают на чье-то имя. Сумма была большая. Вы не могли не запомнить фамилию.

Михель закрыл глаза. Как же ему это не нравилось! Он нарушал все правила, по которым жил и работал. Долгие, долгие годы, чего там, десятилетия. Он видел, что это за люди и чего они добивались. И он понимал, что за этим последует. Но разве у него был выбор?

— Хансон. — Исса вновь облизнул губы, выдохнул. — Стивен Хансон, что-то такое.

— Что-то такое? — Теперь усатый обхватил ладонью кулак Иссy и сжал. До боли. И тут Михель впервые по-настоящему испугался.

— Вот именно. Хансон. Я не знаю, как связаться с ним, клянусь. Думаю, он живет на яхте. Я могу посмотреть точную дату. В порту есть сведения обо всех судах, которые заходят в него.

Усатый взглянул на своего напарника. Подмигнул ему. Вроде бы всем довольный.

— Почему бы не посмотреть?

— Тогда все в порядке? — нервно спросил Михель. — Нет оснований снова тревожить нас? Или мою дочь?

— А нам это и ни к чему. — Усатый улыбнулся напарнику. — Мы приходили лишь для того, чтобы узнать фамилию.

Все еще трясась от страха, вскоре после ухода незнакомцев Михель запер парадную дверь, вышел через черный ход, запер и его. Рядом, на маленькой частной стоянке, он держал свой «рено».

Открыл водительскую дверцу. Не нравилось ему то, что он сделал. Эти правила уже три поколения обеспечивали семье постоянных клиентов и поддерживали бизнес. Он их нарушил. И если об этом станет известно, все, ради чего он работал долгие годы, пойдет прахом.

Он сел за руль и уже собирался закрыть дверцу, когда сзади его сильно толкнули, бросили на пассажирское сиденье, лицом впечатали в кожу.

— Я же назвал вам фамилию! — заверещал Михель. — Я сказал вам все, что вы хотели знать. Вы обещали больше меня не тревожить.

Что-то твердое, металлическое вдавилось в затылок Иссy. Он услышал двойной щелчок и в панике мыслями перенесся к Марте, которая ждала его к обеду. Закрыл глаза.

— Пожалуйста, прошу вас, не...

— Извини, старик. — Глушитель поглотил звук выстрела в кабине «рено». — Мы передумали.

ГЛАВА 60

Первыми пришли сведения из «Мустангуорлд». Список новых подписчиков, как и просил Хоук. Правда, всех.

Вернувшись домой, он взглянул на него. Тысяча шестьсот семьдесят пять человек. На нескольких страницах. Города отсортированы по алфавиту, начиная с Алабамы. Фанатов «мустанга» хватало везде.

Судя по банковскому следу, обнаруженному в кабинете Дайца, Чарльза следовало искать на островах Карибского моря или в Центральной Америке. Карен говорила ему, что они плавали там на яхте. Банковский служащий с Сент-Китса сказал, что кто-то спрашивал там о Чарльзе. Но в том банке он не появлялся.

Начав изучать список, Хоук понял, что Чарльз мог быть где угодно. Если он вообще присутствовал в этом списке.

Но пока других зацепок у него не было.

Потом позвонил Джо Велко.

В субботу утром, как раз в тот момент, когда Хоук жарил оладьи Джессике, проводившей с ним уик-энд. Когда она спросила о ставших уже синими полосах на шеи и груди, Хоук сказал, что упал в лодке.

— Я пропустил через программу часть твоих находок, — сообщил Джо. — Ничего особенного. Если хочешь, отправлю факсом.

Хоук подошел к письменному столу. Сел, в шортах и футболке, с деревянной лопаточкой в руке. Факс выдал двенадцать листов.

– Послушай, никаких обещаний, – продолжил Велко. – Обычно мы получаем тысячу случайных связей на одну, которая может куда-то вести, и это лишь означает, что мы передаем информацию аналитикам. Такие связи мы называем «тревогой» и ранжируем по степени важности. Низкая, средняя, высокая. Большинство остаются в самом низу. Ты понимаешь, большую часть теории я опустил. Почему бы тебе не взглянуть на третью страницу?

Хоук взял ручку и сразу нашел то, что нужно. В рамке под заголовком «Поиск AF12987543. Тревога».

– Это случайные фразы из онлайн-газеты, которые отобрала программа. Называется газета «Аукцион антикварных машин Карлайта в Пенсильвании». – Он хохотнул. – Настоящие шпионские страсти, Тай. Видишь, что тут написано? «1966. Эмберглю-Мустанг». Состояние: отличное. Небольшой пробег: 81,5. Конфетка! Фрэнк Боттомли, Уэстпорт, Коннектикут».

– Вижу.

– Программа выбирает марку автомобиля и связывает с Коннектикутом. Эта информация публиковалась в прошлом году. Скорее всего кто-то приценивался к такому автомобилю. Как видишь, программа оценила степень важности как «низкую». Там будет еще несколько таких же находок. Чья-то болтовня ни о чем. Можешь посмотреть.

Хоук пролистал еще несколько страниц. Пара-тройка электронных писем. Программа отслеживала и личную переписку. Форумы на сайтах классических автомобилей, блоги, интернет-аукционы, объявления. Всякий раз в ссылке имелось слово или фраза из тех, что Хоук передал Велко. Несколько ссылок с сайта «Контуры элегантности». Все с низкой степенью важности. Рок-группа из Техаса, называемая «Эмбер Глоу»; певец по имени Кинки Фрайдман. Тут степень важности определялась как «Нулевая».

В одном электронном письме какой-то парень расхваливал девушку по имени Эмбер, родом из Коннектикута.

Никакого Чарльза Фрайдмана. Ничего с Карибского моря.

Хоука охватило разочарование. Ничего такого, что можно добавить к списку новых подписчиков «Мустанг уорлд».

– Папа! – И тут же в нос Хоука ударил запах горелого. Джессика стояла у плиты, ее оладьи продолжали обугливаться.

– Ох, черт, подожди, Джо.

Хоук прибежал на кухню, перекинул почерневшие с одной стороны оладьи со сковороды на тарелку. Его дочь скорчила гримаску.

– Спасибо.

– Я тебе поджарю другие.

– Чрезвычайная ситуация? – осведомился Джо.

– Не то слово. Отец оставил дочь без завтрака.

– Что ж, все прочее в сторону. Послушай, бумаги посмотришь после. И учти, это только первый заход. Просто хотел показать тебе, чем я занимаюсь. Если что-нибудь выявится, я сразу позвоню.

– Спасибо тебе, Джо.

ГЛАВА 61

Карен свернула на подъездную дорожку. Остановила «лексус» у почтового ящика, опустила стекло, чтобы взять почту. Саманта вернулась домой раньше. Ее «акура» стояла у гаража.

Учебный год Сэм подходил к концу, до выпускного вечера оставалось меньше недели. Потом она и Алекс собирались вместе с родителями Карен отправиться на сафари. Она тоже с удовольствием поехала бы с ними, но в то время, когда составлялся маршрут, заказывались билеты, бронировались места в гостинице и оплачивались проводники, она как раз пошла на курсы риелторов, а теперь просто не могла уехать и оставить Тая. И потом, она понимала, что будет лучше, если дети отправятся в такое путешествие с бабушкой и дедушкой.

«Незабываемые впечатления!» – как восклицали в рекламных роликах.

Карен высунулась из окна, достала почту. Периодика, счета, рекламные проспекты. Пара приглашений на благотворительные мероприятия. Одно – из музея Брюса. Музей гордился впечатляющей коллекцией американской и европейской живописи, которая привлекала в Гринвич немало туристов. За год до «смерти» Чарли вошел в совет директоров.

Глядя на конверт, Карен вспомнила одно событие, произошедшее месяца за два до исчезновения Чарли. Благотворительный обед, на котором у Чарли был свой столик. Они пригласили Рикаи Полу, мать Чарли, приехавшую из Пенсильвании, Сола и Мими Ленников

(Чарли еще убедил Сола выписать чек на внушительную сумму). Чарльз собирался пойти во фраке и выступить с речью. Она очень гордилась мужем.

А еще в памяти от того вечера остался один человек. Какой-то русский, недавно поселившийся в городе. Прежде она этого русского не встречала, но Чарли вроде бы хорошо его знал. С подачи Чарльза русский выписал чек на пятьдесят тысяч долларов.

Интересный мужчина, вспоминала Карен, смуглокожий, здоровенный, с густыми черными волосами. Он потрепал Чарли по щеке, как давнишнего знакомого, хотя Карен никогда не слышала его фамилии. Русский сказал, что мог бы пожертвовать и больше, если бы знал, что у Чарльза такая очаровательная жена. Когда они танцевали, Чарли упомянул, что у русского самая большая частная яхта в мире. Финансист, сказал он, миллиардер, приятель Сола. У его жены был бриллиант размером с часы Карен. Русский пригласил их в гости, в свой загородный дом. Не дом, а дворец, уточнил Чарли, что показалось Карен странным. «Ты там бывал?» – спросила она. «Только слышал», – ответил он. Пожал плечами, и они продолжали танец. Карен тогда еще подумала, что даже не знает, где и когда он познакомился с этим русским.

Потом, дома, уже около полуночи, они пошли прогуляться по берегу пролива, он – во фраке, она – в вечернем платье. Сняли туфли, Чарли закатал штанины, они посидели на скалах, любуясь далекими огнями Лонг-Айленда на другой стороне пролива.

– Дорогой, я так тобой горжусь! – Голова Карен немного кружилась от вина и шампанского, но говорила она искренне, от всей души. Обняла Чарли, крепко поцеловала в губы.

– Еще год-другой, и я смогу выйти из этой гонки, – ответил он. – Мы куда-нибудь улетим.

– Я в это поверю только в самолете, – рассмеялась Карен. – Перестань, Чарли, тебе нравится это дерьмо. А кроме того...

– Нет, я серьезно! – Когда он повернулся к ней, лицо его изменилось, как-то осунулось и помрачнело. И она никогда не видела в его глазах такой покорности судьбе. – Ты не понимаешь...

Она придвинулась ближе, откинула волосы с его лба.

– Чего я не понимаю, Чарли? – И вновь поцеловала его.

А через два месяца он исчез, «погиб» на Центральном вокзале.

Карен посидела в машине, глядя на свой дом, стараясь сдержать подступившие к глазам слезы.

«Чего я не понимала тогда и не могу понять до сих пор, Чарли? Что всю нашу совместную жизнь ты от меня что-то скрывал? Что ты не тот человек, за кого себя выдавал? Что, уезжая на работу, отвозя меня в магазины по уик-эндам, болея за Алекса и Сэм во время спортивных соревнований, ты думал о том, как бросить нас? Что ты, возможно, еще и убийца невинных людей? Этого я не понимала, Чарли? Когда это началось? Человек, которому я посвятила свою жизнь, рядом с которым спала все эти годы, занималась любовью, которого любила всем сердцем... когда мне следовало начать бояться тебя, Чарли? Чего я не понимаю?»

Вытерев глаза ладонями, Карен собрала письма и журналы в стопку на своих коленях, поехала к гаражу. И только тут заметила большой серый конверт, адресованный ей. Остановилась перед гаражом, вскрыла его, прежде чем выбраться из салона.

Конверт прислали из Университета Тафтса, куда поступила Саманта и куда ей предстояло уехать в августе. Никакого сопроводительного письма с логотипом университета она не нашла, только брошюру, аналогичную той, что они получили раньше, когда Саманта отправила в университет заявление о приеме. Брошюру, рассказывающую об учебном заведении, в которое она решила поступать.

На лицевой стороне было написано несколько слов. Ручкой.

Прочитав их, Карен ахнула.

ГЛАВА 62

Хоук и Карен встретились днем позже. Остановили свой выбор на кафетерии «Аркадия», расположенном на тихой улочке недалеко от центра города. Хоук уже сидел за столиком, когда в кафетерий вошла Карен. Она помахала ему рукой, направилась к стойке, заказала кофе с молоком. Села к нему за столик в глубине зала, у окна.

– Как бок?

Он поднял руку.

– Заживает, как на собаке. Твоими стараниями.

Она улыбнулась, но тут же с упреком посмотрела на него:

– Тебе следовало показаться врачу, Тай.

– Я кое-что выяснил, – сменил он тему. Пододвинул к Карен список зарубежных подписчиков «Мустанг уорлд».

Карен пролистала пару страниц и вздохнула. Количество фамилий производило впечатление.

— Мне удалось сузить список. Полагаю, можно с большой степенью вероятности предполагать, что Чарльз покинул Соединенные Штаты. Если его деньги на Карибах, в какой-то момент ему пришлось обратиться в банки. В одной только Флориде шестьдесят пять новых подписчиков. Но к счастью, нам нужны лишь зарубежные, а их всего семьдесят два. Тридцать — в Канаде, четверо — в Европе, двое — в Азии, четверо — в Южной Америке, про них можно забыть. Тридцать два — в Мексике, на Карибах, в Центральной Америке.

Хоук выделил их всех желтым маркером.

Карен обхватила ладонями чашку кофе.

— Понятно.

— У меня есть один приятель, он частный детектив. Я обращался к нему за той информацией, что показывал тебе, об офшорной компании Чарли на Тортоле. Мы сразу исключили четыре фамилии — испанские. Потом еще шесть — выяснилось, что это автосалоны и магазины запасных частей. Я попросил его провести быстрый финансовый поиск по остальным.

— И что он выяснил?

— Мы вычеркнули еще шестерых, исходя из времени их пребывания в тех краях и сведений, полученных с кредитных карточек. Еще пятеро женаты, так что мы вычеркнули их тоже, предполагаю, что Чарльзу не хватило бы времени еще и на амурные дела.

Карен кивнула и улыбнулась.

— В итоге осталось одиннадцать. — Хоук выделил их галочкой.

Роберт Хопуэлл, живет на Багамах. Эф Марч — в Коста-Рике. Карен задержала взгляд на этой фамилии. Она, Чарльз, Пола и Рик как-то ездили туда. Дэннис Кэмп из Эквадора. Стивен Хансон, почтовый ящик до востребования на Сент-Китсе. Алан О'Ши из Гондураса.

Дальше еще шесть фамилий, помеченных галочкой.

— Они тебе что-нибудь говорят? — спросил Хоук.

Карен еще раз просмотрела все одиннадцать, покачала головой:

— Нет.

— У некоторых есть телефонные номера. Не могу представить себе человека, который, стремясь остаться невидимым, зарегистрировал бы на себя телефонный номер. Но у большинства просто почтовые ящики.

— Допуская, что Чарли в этом списке...

— Допуская, что Чарли в этом списке, — со вздохом повторил Хоук, — наше преимущество лишь в одном. Он не знает, что у нас есть веские причины сомневаться в его смерти. — Хоук посмотрел на Карен. — Но у меня есть еще ниточки, за которые можно подергать, прежде чем звонить по имеющимся телефонам.

— Дело не в этом. — Карен потерла лоб.

— Что не так?

— Я хочу тебе кое-что показать, Тай. — Она полезла в сумочку. — Нашла в вещах Чарли в тот день, когда ты поехал в Нью-Джерси. Мне следовало сразу принести их тебе, но они достаточно давние и напугали меня. Я не знала, что с ними делать. Их прислали Чарли еще до взрывов на Центральном вокзале.

Карен достала из сумки маленький, адресованный Чарли конверт. Хоук открыл его. Внутри лежал прямоугольник бумаги. Такие конверты обычно присылали с цветами.

Скорбим о собачке, Чарльз. Твои дети могут быть следующими...

Он посмотрел на Карен:

— Боюсь, я не понимаю.

— До того как он умер... — Карен облизнула губы, — ушел... у нас был второй терьер, Саша. Ее задавил автомобиль, прямо на нашей улице. Прямо перед нашим домом. Это было ужасно. Трупик нашел Чарли. За пару недель до взрывов...

Хоук вновь взглянул на записку.

— Потом вот это... — Карен протянула ему поздравительную открытку.

С фотографией всей семьи. Из более счастливых времен. «От Фрайдманов». Чарли, в вязаной рубашке и жилетке, обнимающий Карен. Она в ветровке и джинсах, гордо и радостно улыбается. Очень красивая. Рядом дети. Все четверо сидят на заборе, где-то за городом. «Наилучших вам пожеланий в грядущем году».

Вот только лица детей, Саманты и Алекса, вырезали.

Хоук дернулся, словно его ударили в живот, и посмотрел на Карен.

— Тай, кто-то угрожал Чарли. Раньше. До того как он сбежал. Чарли это никому не показывал. Я не знаю, что он сделал, но теперь понимаю, что это как-то связано с офшорными деньгами.

«Кто-то ему угрожал», — повторил про себя Хоук, возвращая Карен и открытку, и конверт с запиской.

— А вчера я получила вот это. — Карен достала из сумки большой серый конверт. — По почте.

В ее глазах стояла тревога. Хоук открыл конверт, достал брошюру. Из Тафтса. Куда осенью собиралась Сэм — он это помнил.

С надписью на лицевой странице. Тот же почерк, что и на прямоугольнике плотной бумаги, который лежал в маленьком конверте.

За вами по-прежнему ответы на некоторые вопросы, Карен. Никто никуда не ушел. Мы здесь.

— Они угрожают моим детям, Тай. Я не могу допустить, чтобы это случилось.

Он накрыл ее руку своей.

— Мы не допустим.

ГЛАВА 63

Мобильник зазвонил, когда Хоук собирался к капитану Фицпатрику, чтобы попросить вновь выставить охрану у дома Карен.

— Джо!

— Послушай, у меня есть важные сведения. Передаю по факсу.

Страницы начали распечатываться еще до того, как Хоук подошел к письменному столу.

— Я посылаю тебе распечатку онлайн-разговоров на одном из сайтов любителей автомобилей, — объяснил Велко. — Первый такой разговор состоялся в феврале. — За три месяца до его обращения к Джо. И голос Велко звенел от волнения. — Думаю, мы тут кое-что нашли.

Хоук принялся читать распечатку, вырывая из машины лист за листом, по мере их заполнения. На первом листе в глаза бросилось слово ТРЕВОГА. Ниже, под чертой, компьютер написал дату, 24 февраля, и ключевые слова, которые Велко получил от Хоука (они повторялись на каждой странице): «1966, форд-мустанг, Эмберглюу, кожа пони, Гринвич, Крошка Чарли», плюс несколько любимых выражений Чарли.

В графе степень важности значилось: ВЫСОКАЯ.

Хоук сел за стол, сердце учащенно билось...

KlassicKarMania.com:

Mal784: Эй, как насчет того, чтобы поменять '66 «Эмбер Глоу» на '69 «Мерк 230» кабриолет? Есть заинтересованные?

DragsterB: Видел один в каком-то фильме в прошлом голу. С Сандрой Баллок. Приятно было посмотреть.

Хргта: На автомобиль или на телку?

DragsterB: Очень смешно, чувак.

Mal784: «Дом у озера», да, только мой с матерчатым верхом. 62 000 миль. 280 лошадей. Светло-зеленый. Кому-нибудь интересно? Начальная цена \$38,5.

DragsterB: Я знаю одного, который может заинтересоваться.

SunDog: Где он?

Mal784: Флорида, Бойнтон-Бич. Редко видит дневной свет.

SunDog: Возможно. Когда-то у меня был такой. На севере. Какой у него VIN [VIN (vehicle identification number) — идентификационный номер автомобиля]? Начинается с «С» или «К»?

Mal784: С «К». Форсированный двигатель.

SunDog: А внутри?

Mal784: Родная обивка — кожа пони. Родная магнитола. Ни единой царапины. Класс, да?

SunDog: А мне свой пришлось продать. При переезде. Не раз выставлял его.

Mal784: Где?

DragsterB: У нас что, частный разговор? Другим нечего сказать?

SunDog: В нескольких местах. Стокбридж, Массачусетс, Контуре в Гринвиче. Даже в твоих краях, в Палм-Бич.

Mal784: Эй, так ты же недавно был здесь? Под другим ником. *CharlieBoy*, да?

SunDog: Перемены в жизни. Покажи машину. Фото есть?

Mal784: Давай свой адрес.

SunDog: Размести на сайте, Мэл. Я посмотрю.

И все. Хоук перечитал разговор. Нутром почуял, что-то здесь есть. Перевернул страницу. Еще один разговор. Через две недели, 10 марта.

Mal784: Ты не знаешь своего «мустанга», братец. Проверь VIN. «К» — это форсированный двигатель. Отсюда и более высокая иена. Твой стоит не больше 27–28 штук.

Orie\$: Ладно, я проверю.

Mal784: И кое-чему научишься. Многие люли не знают, что у них на руках.

SunDog: Так что, Мэл, Эмбер Глоу еще у тебя?

Mal784: Эй! Посмотри, как все вышло! Что с тобой случилось, парень? Я повесил фото, как ты и просил. А ты так и не откликнулся.

SunDog: Фотографию видел. Отличная машинка, все так. Но не повезло, увы. В этой жизни купить не могу.

Mal784: Может, договоримся?

SunDog: Едва ли. Я сейчас больше на воле, чем на песке. Да и потом, чтобы доставить сюда автомобиль, придется иметь дело с таможней.

Mal784: Европа?

SunDog: Карибы. Не важно. Будет только ржаветь здесь на солнце. Но я, возможно, заскочу к тебе.

Mal784: Можешь и опоздать. Хочу выставить на аукцион.

SunDog: Тогда удачи тебе. Если не найдешь покупателя, может, еще поговорим.

Orie\$: Эй, я посмотрел. А если VIN начинается с «N»?

— Тай, прочитал? — спросил Джо Велко.

Хоук просмотрел еще пару страниц.

— Да. SunDog. Думаю, мы попали в десятку. Ты сможешь вычислить этого парня?

— Мы уже определили IP-адрес пользователя. Тай, ты понимаешь, что я делаю это только для тебя?

— Конечно, Джо.

— Я вышел на владельцев сайта. Никаких возражений не встретил. Удивительно, что теперь может государственное ведомство после трагедии 11 сентября и безо всяких судебных решений. Ручка есть?

Хоук схватил ручку со стола.

— Давай, Джо. Говори.

— SunDog — всего лишь ник, но у этого человека есть действующий почтовый ящик — Oilman0716@hotmail.com.

ГЛАВА 64

Хоук задержал взгляд на первой части электронного адреса. Oilman. Нефтяник. Теперь Хоук уже точно знал, что они его нашли. По всем признакам они имели дело с электронным адресом Чарли.

— Его можно проследить, Джо?

— Да... и нет. Как тебе известно, «Хотмейл» — бесплатный интернет-ресурс. Чтобы получить электронный адрес, ничего не нужно. Ни имени, ни фамилии. Конечно, мы можем отследить все-сообщения, посланные с этого адреса, и даже примерное его местоположение, но указать, где конкретно находится этот пользователь и кто он такой, невозможно.

— Спасибо и на том! — Хоука переполнял оптимизм.

— Большинство сообщений идет из региона Карибского моря. Не из одного места, но через одного и того же провайдера беспроводной связи. Остров Сент-Мартен, Виргинские острова, даже Панама.

— Этот парень путешествует?

— Возможно... или находится на яхте.

Яхта. Хоуку этот вариант показался очень логичным.

— Сможем мы это уточнить?

— Со временем, — ответил Велко. — Можем установить наблюдение, засекать каждый новый выход в Интернет, определять местоположение. Но для этого потребуются люди. И бумаги. Суверенная территория других стран. Ты понимаешь, что это означает? И у меня такое ощущение, Тай, что ты не горишь желанием со всем этим связываться.

— Не горю, — признал Хоук. — При условии, что ты мне поможешь.

— Я так и думал. Значит, так, через «Хотмейл» мы получили информацию об оплате услуг провайдера. Это все, что мы смогли сделать. Дальше тебе придется действовать самостоятельно.

— Так это здорово!

— Адресом указан почтовый ящик на острове Сент-Мартен в Карибском море. Все это я проделал, ни к кому не обращаясь за помощью и не привлекая лишнего внимания. Ящик абонировал некий Стивен Хансон. Тай, тебе это что-то говорит?

— Хансон? — Потребовалась какая-то секунда, чтобы сложить два и два. — Один момент, Джо.

Он принялся рыться на столе, пока не нашел нужные бумаги.

Списка новых подписчиков «Мустанг уорлд».

Список уже сократился до одиннадцати фамилий. Все из этого региона. Панама. Гондурас. Багамы. Виргинские острова... Еще несколько секунд ушло на то, чтобы вновь просмотреть все фамилии с галочками. Хопуэлл, Марч, Кэмп, О'Ши.

Вот он!

Стивен Хансон. Дата оплаты подписки — 17 января. Этого года! Адрес — почтовый ящик на Сент-Китсе.

Стивен Хансон!

Хоука охватила радость.

Стивен Хансон — Oilman0716. А Oilman0716 — почти наверняка Чарли. Слишком многое говорило за это.

Автомобиль. «Контуре». Высказывания. Карен оказалась права. Эта его сторона не могла измениться. Связанная с «Крошкой Чарли».

Они его нашли!

ГЛАВА 65

Зазвенел звонок, Карен пошла открывать дверь и в удивлении застыла.

— Тай...

Саманта сидела на кухне, доедала йогурт, смотрела телевизор. Алекс устроился на диване в гостиной, то стонал, то восторженно вскрикивал, поглощенный видеоигрой.

Лицо Хоука светилось нетерпением.

— Я должен тебе кое-что показать, Карен.

— Заходи.

Карен пыталась оградить детей от происходящего в ней: перемен настроения, тревоги, раздражения, копания в вещах Чарли.

Но долго так продолжаться не могло. Чего-чего, а ума им хватало. Они видели — что-то в их жизни переменялось, пусть и не могли знать, что именно. А внезапное появление Тая могло лишь усилить их подозрения.

— Прощу сюда. — Карен повела его на кухню. — Сэм, ты помнишь детектива Хоука?

Дочь, одетая в тренировочные штаны и футболку «Гринвичских лаек», посмотрела на него. На лице недоумение смешивалось с удивлением.

— Привет.

— Рад тебя видеть, — улыбнулся Хоук. — Слышал, у тебя скоро выпускной?

— Да, на следующей неделе. — Она бросила короткий взгляд на Карен.

— А потом Тафте?

— Да? — повторила Сэм. — Жду не дождусь. Зачем вы пришли?

— Мне нужно поговорить с детективом Хоуком, милая. Может, мы пойдем?..

— Нет-нет. — Она поднялась. — Я уже ухожу. — Бросила пустой контейнер из-под йогурта в мусорное ведро, ложечку — в раковину. Посмотрела на Хоука. — Рада вас видеть. — Скосила глаза на Карен, как бы спрашивая: «И что все это значит?»

Хоук помахал рукой:

— Удачи тебе.

Карен выключила телевизор и повела Хоука на застекленную террасу.

— Поговорим здесь.

Она села в углу обтянутого цветным ситцем дивана. Хоук — на стул напротив нее. Волосы она затянула в конский хвост, на ней была старая футболка. Ни грана косметики. Она знала, что выглядит ужасно, но понимала, что он не пришел бы на ночь глядя, если б не случилось что-то важное. Так что ее внешность сейчас значения не имела.

— Они знают? — спросил Хоук.

— Насчет того, что я получила по почте? — Карен покачала головой. — Нет. Не хочу их волновать. На следующей неделе мои родители приезжают на выпускной. И мать Чарли. А еще через несколько дней они с моими родителями отправляются на сафари в Африку. Подарок Сэм на окончание школы. И мне станет легче в ту самую минуту, когда я посажу их в самолет.

Тай кивнул:

— Это точно. — Он вытащил из кармана несколько листов бумаги. — Ты уж извини, что свалился как снег на голову. — Тай положил листы на кофейный столик, что стоял между ними. — Ты должна это прочитать.

Карен с опаской взяла листы.

— Что это?

– Распечатка двух интернетовских чатов. С одного из автомобильных сайтов, на которых бывал твой муж. В феврале и марте. Одна организация, которой я передал полученные от тебя сведения, смогла их раскопать.

Волоски на руках Карен встали дыбом.

Она прочитала распечатку. Эмберглоу. Контуре. Гринвич. Сердце ускоряло бег при каждом новом знакомом слове. И внезапно до Карен дошло, что она читает. SunDog. Перемена жизни. Карибское море. И давнее прозвище Чарли – CharlieBoy.

Невидимая рука сжала ей горло ледяными пальцами и не желала разжиматься. Она долго смотрела на ник. Потом подняла глаза на Хоука:

– Ты думаешь, это Чарли, да?

– Мне кажется, что очень многое здесь выглядит слишком знакомым.

Карен резко поднялась. Раньше она могла успокаивать себя, что, возможно, это какая-то чудовищная ошибка. Лицо на экране, банковская ячейка, даже смерть Джонатана Лауэра... все это могло указывать на то, что Чарли жив, но могло быть и невероятным совпадением.

А теперь... сердце колотилось как бешеное. SunDog. Карен окончательно убедилась в том, что он мог это проверить. И теперь приходилось признавать, что версия о совпадениях – полнейшая чушь. Она буквально слышала его голос. Он находился неизвестно где, но вел себя как и прежде, только говорил не с ней, а с интернетовскими собеседниками.

Лоб Карен прорезали морщинки.

– Я не знаю, что с этим делать, Тай.

– Я попросил проверить этот ник. У него есть электронный адрес, зарегистрированный на сайте «Хотмейл». Сайт бесплатный, но владельцу почтового ящика приходится платить за доступ к Сети. Переписка с провайдером идет через почтовый ящик на острове Сент-Мартен. В Карибском море.

Карен кивнула, показывая, что все поняла.

– Почтовый ящик зарегистрирован на Стивена Хансона.

– Хансона? – озабоченно переспросила Карен.

– Тебе это ничего не говорит?

– Нет.

Хоук пожал плечами:

– Действительно, и не должно. А вот мне сказал. Я вернулся к списку новых подписчиков «Мустанг уорлд». – Он протянул Карен еще один лист. – Смотри, Стивен Хансон. Без адреса, только почтовый ящик. На этот раз на Сент-Китсе.

– Но это не доказывает, что Хансон – это он. Только говорит о том, что там есть человек, который интересуется «мустангами». Таких полным-полно.

– И этот человек старается не светиться, Карен. Почтовые ящики, вымышленные имена. По имени и фамилии я попросил провести поиск по кредитным карточкам, и знаешь, что обнаружилось? Он обходится без кредиток, за все платит наличными.

– И все равно есть вероятность, что это не Чарли. – В голосе слышалось отчаяние. – Почему? Почему ты это делаешь, Тай? Почему ты ушел в отпуск? – Она села на диван. – Зачем это тебе? Почему ты рассказываешь мне все это?

– Карен... – Хоук положил ей руку на колено, легонько сжал.

– Нет! – Она отдернула ногу.

Глубоко посаженные глаза пристально смотрели на нее, и Карен вдруг почувствовала, что сейчас расплачется. Она хотела, чтобы он обнял ее, прижал к себе.

– Ты сказал, что у тебя есть его электронный адрес?

– Да. Вот он. – Хоук протянул Карен еще один листок, который она взяла трясушейся рукой.

Oilman0716@hotmail.com.

Карен пару раз прочитала адрес, понимая, что теперь-то деваться некуда. Посмотрела на Хоука, в глазах застыла боль.

– Ноль семь шестнадцать... – Она всхлипнула. Слезы жгли глаза. – Это он. Это Чарли.

– Ты уверена?

– Да. Уверена. – Карен шумно выдохнула, возводя дамбу перед потоком слез. – Это число – мы всегда использовали его в паролях. В этот день мы поженились – шестнадцатого июля. В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Это Чарли, Тай.

ГЛАВА 66

В доме царила темнота. Карен сидела в кабинете Чарли. Дети давно разошлись по комнатам и легли спать.

Взгляд Карен вновь и вновь падал на электронный адрес. Oilman0716@hotmail.com.

Волны злости и неопределенности накатывали попеременно. Злилась она на Чарли, но при этом никак не могла решить, что же ей теперь делать. Она даже не знала, что чувствует. Чем дольше смотрела на электронный адрес, тем быстрее уходили последние сомнения. Она была уверена, что этот адрес принадлежит Чарли.

А вместе с сомнениями уходила и вера в мужа. В жизнь, которую они вели. Уходила надежда.

«Ты мерзавец, Чарли...»

Связаться с ним? Она не знала, что могла ему сказать.

«Как ты мог, Чарли? Как ты мог вот так бросить нас? Мы были командой.

Родственные души! Разве мы не говорили, что дополняем друг друга? А все эти ужасные дела? Как ты мог?»

Голова Карен, казалось, весила тысячу фунтов. Она думала об Эй-Джее Раймонде и Джонатане Лауэре. Ниточки от этих преступлений тянулись к Чарли. У нее это вызывало отвращение, от этого ее мутило.

«Неужели это правда?»

За прошедший год ей удалось сжиться с тем, что ее муж умер. Ей это удалось, пусть и потребовало немалых усилий. А теперь он вернулся. Теперь он живой... как и она.

Она могла встретиться с ним лицом к лицу.

Oilman0716.

Что она могла сказать?

«Ты жив, Чарли? Ты это читаешь? Ты знаешь, что я сейчас чувствую? Что мы бы все чувствовали, если б дети знали? Какую жестокую ты причинил мне боль! Как обесценил все годы, которые мы провели вместе! Чарли, как?..»

Она вошла в свой почтовый ящик, набрав логин KFriedl 11, потом пароль. Дважды ей хватало храбрости набрать в адресе нового письма Oilman0716.

А потом она сдерживала себя.

Чего она добьется, написав ему? Вынудит его сказать, что он сожалеет? Заставит признаться, что он не тот человек, за которого она его принимала? Что он все это сделал... когда жил с ней, спал с ней? Спланировал свой побег? Услышит притворные слова о том, что когда-то он любил ее, любил их?..

Зачем? Какой в этом смысл? Вновь пережить ту же трагедию? Только на этот раз все будет гораздо хуже.

Горячая слеза скатилась по щеке Карен. Слеза, полная сомнения и обвинений. Она вновь посмотрела на электронный адрес на экране и заплакала.

— Мамочка!

Карен подняла голову. В дверях стояла Саманта, в большущей футболке и трусиках.

— Мамочка, что происходит? Почему ты так поздно сидишь за компьютером?

Карен смахнула слезы.

— Сама не знаю, детка.

— Мамочка, что произошло? — Карен подошла к столу, опустилась рядом на колени. — Что ты делаешь за столом отца? И я знаю, все не просто так: последние две недели тебя что-то беспокоит. — Она положила руку на плечо Карен. — Это связано с отцом, да? Я знаю, что связано. Вечером приходил детектив. На улице опять патрульная машина. Что происходит, мама? Посмотри на себя — ты плачешь. Эти люди снова дали о себе знать?

Карен кивнула, шумно выдохнула.

— Они прислали очередную записку. Я хочу, чтобы ты не волновалась перед выпускным. Этим днем мы все будем гордиться, милая. И ты отправишься на сафари.

— А что будет потом, мама? Что натворил отец? Ты можешь мне рассказать, я не шестилетняя.

Как? Как она могла ей рассказать? Рассказать все? Все равно что лишить дочь невинности, украсть теплые воспоминания об отце. Они оплакали его, попрощались с ним. Научились жить без него. «Черт бы тебя побрал, Чарли! — внутренне возмутилась Карен. — Почему ты толкаешь меня на это?»

Она прижала Сэм к себе.

— Папа, возможно, что-то сделал, Сэм. Возможно, взял в управление деньги других людей. Плохих людей. Через офшор. Незаконно. Я не знаю, кто они. Мне известно только одно — они хотят это вернуть.

— Вернуть что, мама?

— Деньги, которые они дали отцу, милая. Которые отец, вероятно, потерял. Потому и давят на меня.

— Что значит — они хотят вернуть деньги? Папа умер!

— Да, милая, умер, — кивнула Карен, еще сильнее прижимая к себе дочь.

— Ты говоришь мне не все, да? Я знаю, мама. В последнее время ты копалась в его вещах. А теперь вот глубокой ночью сидишь в его кабинете перед компьютером. Папа не мог сделать ничего противозаконного. Он был хорошим человеком. Я видела, какой работал. Я видела, как вы относились друг к другу. Он не может защитить себя, и это ложится на нас. Он никогда бы не сделал ничего такого, что может причинить нам вред. Он был твоим мужем, мама, но еще и нашим отцом. Я тоже его знала.

– Да, малыш, ты права. – Карен все обнимала ее. – Теперь это ложится на нас. – Она погладила дочь по волосам.

«Теперь нужно поставить на этом точку. Чего бы ни хотели от нее эти люди, у Сэм была своя жизнь. Как и у Алекса, как и у нее. Сколько мог продолжаться этот кошмар? До скончания веков?»

«Действительно ли ты хочешь это знать, дочь? Хочешь, чтобы я все рассказала тебе? О том, что он сделал. Действительно ли хочешь уничтожить все теплые воспоминания и любовь? Как случилось со мной. Или проще оставить все как есть, любить его, помнить, как сейчас? Как он возил тебя на каток, как помогал делать домашние задания по математике. Оставить его в своем сердце?»

– Все это пугает меня, мамочка.

– А вот бояться не нужно! – Карен поцеловала дочь в макушку. Но подумала: «И меня тоже пугает».

«Черт бы тебя побрал, Чарли! Ну зачем только я увидела твое лицо на экране? Чтобы узнать, что ты натворил?»

ГЛАВА 67

Наконец пришел день отъезда детей. Карен помогла им собрать вещи и отвезла в аэропорт Кеннеди, где они договорились встретиться с ее родителями в терминале «Бритиш эйруэйз».

Она припарковала автомобиль, и втроем они пошли к регистрационной стойке, где их уже ждали Сид и Джоан. Все очень волновались. Карен обнимала Сэм и просила ее хорошенько приглядывать за братом.

– Я не хочу, чтобы он заслушался айподом и не заметил, что его уволокли львы.

– У него проигрыватель компакт-дисков, мама. И если его уволокут, то бабуины.

– Как смешно! – Алекс ткнул сестру локтем. К этой поездке он относился с опаской. Боялся больших кусачих насекомых и малярии.

– Идите, детки. – Карен обняла их обоих. – Я вас очень люблю. Вы знаете. И оставайтесь на связи.

– Мы не сможем оставаться на связи, мамуля, – напомнил ей Алекс. – Мы будем в буше. На сафари.

– Тогда фотографируйте. Я жду от вас множества фотографий. Вы меня слышали?

– Да, слышали, – улыбнулся Алекс.

Дети поцеловали ее на прощание, и на глазах Карен выступили слезы – она ничего не могла с собой поделать.

Алекс фыркнул:

– Как всегда!

Карен вытерла слезы.

– Все, больше не плачу.

Она обняла родителей, проследила взглядом, как они идут к пропускному пункту: Алекс – в бейсболке, с рюкзаком, набитым автомобильными журналами, Сэм – в спортивном костюме, с айподом. Последний раз помахала им рукой, с трудом сдерживая слезы.

Подумала о предупреждении, которое недавно получила, об электронном адресе Чарли. О том, как хотела обеспечить безопасность детей. Ради этого и отправила их в Африку. На стоянке Карен несколько мгновений посидела за рулем, прежде чем повернуть ключ зажигания. Прижалась лицом к рулю, поплакала – уже от радости, потому что дети улетели и на какое-то время им ничего не грозит. И она знала, как использовать это время. Теперь она могла связаться с ним.

Пора пришла?

В тот же вечер Карен вновь села за компьютер Чарли.

Страха она не испытывала, не возникал вопрос и о том, что ей делать. Осталась только решимость – она должна ему написать.

Мелькнула мысль, что сначала надо бы позвонить Таю. За последние недели она сблизилась с ним, в ней забурлили чувства, уже никак не связанные с Чарли, и отрицать это не имело смысла. И она так и не ответила Таю на вопрос, что она собирается делать с его находками.

Она вошла в свой почтовый ящик. Письмо пришло бы от KFriedlll. Этот адрес Чарли узнал бы сразу.

«Сейчас нас только двое, Чарли. И мне нужна правда».

Так что Карен могла ему сказать? Всякий раз, когда она задумывалась об этом, все возвращалось. Душевная боль, вызванная утратой. Шок, испытанный при появлении его лица на экране. Паспорта, деньги. Осознание, что он не умер, а сбежал от нее. Страх дочери после инцидента на автостоянке.

Все возвращалось, но и Тай был прав. Само по себе рассосаться это не могло.

Погибли люди...

Пусть и без должной решительности, она напечатала его адрес. Oilman0716. Она проделывала это и раньше, но теперь не стала останавливаться. Допечатала @hotmail.com. Подумала с легкой улыбкой, что он почувствует, увидев, что она прислала ему электронное письмо, как изменится его мир, в который она открыла дверь. Хотя, возможно, ее следовало оставить закрытой.

«Уже поздно, Чарли».

Само письмо состояло из двух слов. Карен прочитала их и шумно слотнула слюну. Эти два слова во второй раз меняли ее жизнь и открывали раны, которые едва затянулись.

Она подвела курсор мыши к прямоугольнику со словом «Отправить». Щелкнула кнопкой.

Привет, Чарли.

ГЛАВА 68

В маленьком местечке Литл-Уотер-Кей, возле островов Терке и Кайкос, Чарльз Фрайдман включил ноутбук. Вышел в Интернет по спутниковому каналу.

Предчувствие дурного усилилось.

Впервые оно появилось неделей раньше, в Доминике. Кассирша, с которой он иногда флиртовал, сказала, что недавно в банк приходил плотный усатый мужчина и расспрашивал одного из менеджеров об американце, который мог переводить деньги. Описывал человека, похожего на него. Даже показывал фотографию.

А потом появилась статья, которая сейчас лежала у него на коленях.

«Карибизн таймс». Раздел «Региональные новости». Об убийстве на острове Сент-Мартен. Торговца бриллиантами застрелили в его автомобиле. Ничего не украли. Торговец по фамилии Исса прожил на острове пятьдесят лет.

Чарли знал этого человека. В Прошлом году он купил у него две партии бриллиантов. Взгляд Чарли остановился на заголовке. Такого преступления не совершалось уже десять лет.

Каким-то образом они узнали. И подбирались все ближе. Теперь предстояло вновь сменить образ. Имя, фамилию — все. Должно быть, его выследили через лабиринт банков, нашли счет в «Фэлкон партнерс», с которого он забирал деньги. А теперь смерть торговца бриллиантами. Чарльз чувствовал, что вина отчасти лежит на нем. Исса ему нравился. Чарльз знал, что скоро ему понадобятся деньги. Но он понимал — сейчас идти в банк опасно. Даже здесь.

Он всегда знал, что рано или поздно они все-таки выйдут на след денег.

Ночью лило как из ведра. Редкие облака еще плыли по ярко-синему небу. Он сидел на палубе с кружкой кофе. Сначала вошел на сайт Блумберга {Один из сайтов, показывающих биржевые котировки в режиме реального времени} — обычный утренний ритуал. Проверил позиции, как делал последние двадцать лет, хотя теперь стал своим личным трейдером. Он понимал, что скоро ему придется с этим завязать. Может, они смогли вычислить его по операциям на бирже? Все-таки у каждого трейдера был свой почерк. Но только благодаря этому он мог оставаться в здравом уме. А расставшись с биржей...

Сервер сообщил, что у него четыре новых письма.

На свой новый адрес письма он получал редко. В основном спам — предложения обеспечить минимальные проценты по закладной или по дешевке купить виагру. Он не решался привлечь к себе внимания. Понимал, что иначе нельзя.

Очередной спам, подумал он, поднеся ко рту кружку с кофе, просматривая список писем.

И тут глаза у него округлились.

Не просто округлились — вылезли из орбит, а желудок скрутило. Он не мог оторвать взгляда от третьего сверху письма. KRriedlll.

Ноги Чарли соскользнули с планшера. Тело словно пробило током. Он моргнул, не веря своим глазам, надеясь, что ему почудилось, — но куда там!..

Письмо пришло от Карен!

С гулко бьющимся сердцем Чарльз проверил, что не открыл по случайности свой старый адрес, чего просто не могло быть.

Нет, все правильно. Карен написала Ойлмену.

У него пересохло в горле. Он понял, что его схватили за руку. С его прошлым. Его обманами. С содеянным им.

«Как такое могло случиться? Как она могла меня разыскать? Мой новый электронный адрес?»

Нет, он понял, что задает неправильные вопросы.

«Как она вообще узнала, что я жив?!»

Прошел год. Он идеально замел следы. Оборвал все связи с прошлой жизнью. Ни разу не столкнулся с теми, кого знал, — чего больше всего боялся. Пальцы Чарли тряслись. KRriedlll. Карен. Как она смогла его выследить?

Все эмоции смешались в кучу: паника, страх, волнение. Воспоминания. Захотелось увидеть их всех, как хотелось в самые первые, самые ужасные месяцы разлуки.

Наконец Чарли собрался с духом. Открыл письмо. Оно состояло из двух слов. Он прочитал их, побледнел как полотно, глаза защипало от слез вины и стыда.

Привет, Чарли.

ГЛАВА 69

Телефон зазвонил, когда Сол Ленник, переодевшись в шелковую пижаму, только-только улегся в постель. Он просмотрел повестку дня утреннего совещания и теперь сосредоточился на вечерних новостях.

Мими, которая уже лежала в постели и читала последний роман Алана Ферста, недовольно вздохнула и бросила взгляд на мобильник.

— Сол, двенадцатый час!

Ленник взял телефон с прикроватного столика. Номер не узнал, только понял, что звонят из другой страны. С Барбадоса. Сердце ускорило бег.

— Извини, дорогая.

Снял очки, откинул крышку мобильного.

— Разве нельзя было подождать до утра?

— Подождал бы, если б мог, — ответил Дайц. — Расслабься, звоню по телефонной карте. Проследить не удастся.

Ленник сел, сунул ноги в шлепанцы. Пробормотал какие-то извинения жене, давая понять, что звонок по делу. Прошел в ванную и закрыл за собой дверь.

— Говори.

— У нас проблемы, — объявил Дайц. — В Гринвиче есть детектив, занимающийся расследованием убийств. Он брал у меня свидетельские показания по тому делу. Я, возможно, упоминал его.

— И что?

— Он знает.

— Знает что? — Ленник стоял перед зеркалом, уставившись на маленький прыщик на щеке.

— Знает о том инциденте. Знает и о другом, в Нью-Джерси. Он проник в мой дом. Связал меня с другим свидетелем. Ты понимаешь, о чем я?

— Господи Иисусе! — выдохнул Ленник. Прыщик разом перестал его интересовать. От лица отлила кровь.

— Присядь. Дальше — хуже.

— Куда уж хуже, Дайц?

— Помнишь Ходжеса? Одного из моих людей.

— Продолжай.

— Его подстрелили.

У Ленника сжало грудь, как при инфаркте. Дайц рассказал, как Ходжес приехал в его дом и столкнулся с копом. В доме. Как они подрались.

— А теперь послушай, Сол, прежде чем у тебя лопнет какая-нибудь артерия. Есть и хорошие новости.

— Да что тут может быть хорошего?! — Ленник сел на край ванны.

— Он не имел никаких прав. Этот детектив из Гринвича. Что бы он ни делал, он действовал в одиночку. Не вел официальное расследование. Вломился в мой дом. С пистолетом. Пустил его в ход. Он и не пытался арестовать Ходжеса. Прежде чем звонить тебе, я позвонил в его полицейский участок в Гринвиче. Этот парень в отпуске! Не при исполнении. Если все это всплывет на поверхность, ему не поздоровится. Арестуют его, а не меня!

Тупая боль в груди начала отпускать. Ленник провел рукой по седым волосам. Лицо и тело покрылось потом. Он сразу прикинул — а какие следы вели к нему?

Облегченно выдохнул. Все замыкалось на Дайце.

— А теперь самое интересное. Один мой человек присматривал за ним. Так как-то ночью он охранял дом в Гринвиче, сидя в собственном автомобиле.

— Чей дом?

— Женщины. Которую ты хорошо знаешь, Сол.

— Карен? — вырвалось у Ленника.

Он попытался составить общую картину. Карен знала? Даже если ей стало известно насчет инцидента с Лауэром, как она могла связать один наезд с другим? Все-таки прошел год. Но она нашла банковскую ячейку, фальшивый паспорт, деньги.

Могла Карен каким-то образом узнать, что Чарли жив?

Ленник облизнул губы. Да, надо бы все закруглять, да побыстрее.

— Как там у вас дела? — спросил он.

— Продвигаемся. Пришлось кое-кого убрать, но, как я понимаю, тебя это особо не волнует. Я думаю, он где-то здесь. На яхте. И близко. Я нашел его след в трех банках. Ему потребуются деньги. Так что скоро я до него доберусь. И поставлю точку. Но вот детектив... — Дайц выдержал паузу. — Он мог кое-что найти в моем кабинете... касательно того, чем я тут занимаюсь. Может, что-то и насчет тебя. Полной уверенности у меня нет.

Полицейский детектив? Леннику это определенно не нравилось. Они выходили за пределы допустимого. Однако разве был выбор?

— Ты знаешь, что нужно делать в таких случаях, Фил. Мне надо идти.

— Еще один момент. Если детектив знает, есть шанс, что знает и она. Как я понимаю, вы очень дружны. Ты даже что-то делал для ее детей?..

— Да, — пробормотал Ленник. Он очень любил Карен. А для детей был добрым дядюшкой с самого детства, управлял их семейными фондами; конечно, он многое делал для детей.

Но это бизнес. Лауэр — бизнес. Раймонд — бизнес. Ничего личного. Морщины на его лице стали глубже. От этого он разом постарел, прибавил лет десять — пятнадцать.

— Делай то, что считаешь нужным.

Ленник отключил связь. Умылся холодной водой, пригладил волосы. Шаркая шлепанцами, поплелся к кровати.

Вечерний выпуск новостей закончился. Мими выключила свет. Началась программа Дэвида Леттермана. Ленник повернулся, чтобы посмотреть, спит ли Мими.

— Будем слушать монолог, дорогая?

ГЛАВА 70

Карен ждала два дня. Чарльз не отвечал.

И у нее не было уверенности, что ответит.

Она знала Чарльза. Представляла себе, какое потрясение и страх испытал он, получив ее письмо.

Тот же шок испытала она, увидев его лицо на экране телевизора.

Карен проверяла электронную почту по несколько раз в день. Она знала, что с ним сейчас происходит. Он сидел на краю земли, строил совершенно новую жизнь, и внезапно все усилия пошли прахом. Наверное, это сводило его с ума. Он проверял и перепроверял каждый свой шаг, пытаясь понять, где же прокололся, как она могла узнать?

Сколько раз прочитал он эти два слова, спрашивала себя Карен. Он же так тщательно все подготовил. Должно быть, у него ныл живот. Он не мог спать. Волнения всегда сильно на него действовали. «Ты у меня в долгу, — мысленно сказала она ему, представляя себе потрясенного, запаниковавшего Чарльза. — Ты у меня в долгу. Ты причинил мне ужасную боль. Вся эта ложь...»

Она не могла его простить. За то, как он поступил с ней... с детьми. Она больше не знала, осталась ли между ними любовь. Полагала, что не осталось ничего, кроме воспоминаний о совместной жизни. Впрочем, это не имело значения. Она хотела услышать его версию. Хотела встретиться с ним лицом к лицу.

«Ответь мне, Чарли...»

Через три дня Карен написала еще одно письмо. Закрыла глаза и взмолилась.

Пожалуйста, Чарли, пожалуйста... Я знаю, это ты. Я знаю, где ты. Ответь мне, Чарли. Ты не можешь прятаться и дальше. Я знаю, что ты сделал.

ГЛАВА 71

Я знаю, что ты сделал.

Чарльз сидел в углу тихого интернет-кафе в порту Мاستик, с ужасом глядя на второе письмо Карен.

За одним столиком трое местных парней пили ямайское пиво, еще за одним сидели немцы-серфингисты, в татуировках и банданах. Страх свинцовой глыбой давил на Чарли.

Я знаю, что ты сделал.

«Что, что ты можешь знать, Карен, о том, что я сделал? И как?»

Спрятавшись за солнцезащитными очками, Чарльз прочитал письмо в десятый раз. Он знал, что она не отстанет. Он хорошо ее знал. И больше не мог игнорировать ее письма.

«И как, черт побери, ты меня нашла? Что ты хочешь от меня услышать, Карен? Что я – негодяй? Что я предал тебя?»

Чарльз чувствовал злость, которой дышали ее слова. И он ее не винил. Он заслужил такое отношение. Он же их бросил. Подверг невероятным страданиям... Потеря мужа, отца. А потом, когда, казалось, они сжились с утратой, внезапно выясняется, что он жив...

Ответь мне, Чарли!

«Что ты знаешь, Карен? Если бы ты знала – действительно знала, – то поняла бы. Если не все, то что-то. Я не собирался причинять тебе боль. Что угодно, но только не боль. Я хотел защитить тебя, Карен. Обеспечить твою безопасность. Твою, Сэм, Алекса. Ты бы поняла, почему мне не оставалось ничего другого, кроме как скрыться. И когда представился случай, я решил «умереть»».

Пожалуйста, Чарли, пожалуйста... Ответь мне, Чарли.

Серфингисты громко затараторили на немецком – нашли что-то на «Ю-тубе». Грудастая островитянка в цветастом платье села напротив него, усадила на колени маленькую девочку со стаканом фанты. Чарльз понял, что слишком уж долго прятался, скрывался в тени, отвернувшись от прежней жизни. Отвернувшись от всего, что он любил.

И внезапно ему вновь захотелось почувствовать себя живым. Впервые за долгий год! Ему окончательно стало ясно, что не удастся полностью убить то, что внутри тебя. То, что ты есть.

Теперь Чарли осознавал: если он ответит на письмо, все переменится вновь. Весь его мир.

Я знаю, что ты сделал.

Чарльз глотнул пива. Может, пора перебраться куда-то еще? На острова Индийского океана? Или в ту же Панаму? Где его никто не найдет. А деньги у него там были.

Он поднял солнцезащитные очки на лоб. Посмотрел на напечатанные слова. Они открывали ящик Пандоры. Для нее и для него. И на этот раз закрыть его не было никакой возможности. Внезапный взрыв бомбы больше помочь не мог... и прятаться негде.

«К черту», – решил он. Допил пиво. Она его нашла. «Железный кулак в бархатной перчатке...» – с нежностью вспомнил Чарльз.

Она не отступит.

«Да, я здесь. Да, это я», – мысленно ответил он и отправил письмо, приведя свой мир в движение.

Привет, детка...

ГЛАВА 72

Вечером Хоук устроил пробежку. Два дня он просидел дома, но Карен не давала о себе знать. Вечер выдался душным и влажным. Трещали цикады. Наконец ему удалось снять раздражение, которое распирало грудь.

Он знал, что не вправе ее подталкивать. Он знал, как ей будет тяжело встретиться лицом к лицу с мужем. Вскрыть раны, которые только-только затянулись. Он не знал, стоит ли еще ждать, чтобы понять, хочет ли она увидеться с Чарли. Или теперь, когда ей известна правда (или часть правды), ему нужно просто уйти в сторону. И выложить все Фицпатрику.

Потому что он должен вновь открыть дело о наезде. Продолжить расследование смерти Эй-Джея Раймонда.

С которого, собственно, все и началось.

К своему удивлению, подбегая к дому, он увидел знакомый «лексус», припаркованный у тротуара. Карен сидела на ступеньках, ведущих к двери. Когда он остановился, она встала.

Застенчиво улыбнулась:

– Привет.

Считая по фигуре черная рубашка опускалась на дорогие джинсы, волосы пребывали в некотором беспорядке, запястье украшал браслет. В этот теплый летний вечер выглядела она великолепно.

– Извини, что потревожила, – лицо Карен вдруг стало виноватым, как у нашкодившей девочки, – но мне нужно с кем-то поговорить. Вот я и рискнула приехать.

Хоук покачал головой:

– Никого ты не потревожила.

Они поднялись по ступенькам, он открыл дверь. Схватил полотенце, которое лежало в кухне на столике, вытер лицо. Спросил, хочет ли она пива.

– Нет. Спасибо.

Он видел, что Карен очень нервничает. И то, что она держала внутри, грозило ее разорвать. Она прошла в гостиную, остановилась у мольберта, стоящего у окна. Хоук последовал за ней. Сел на высокий табурет.

– Я не знала, что ты пишешь картины.

Хоук пожал плечами.

– Ты присмотришься внимательнее, прежде чем произносить такие слова.

Она стояла так близко от Хоука, что до его ноздрей долетал легкий аромат ее духов – сладкий, цветочный, – и у него участился пульс. Ему захотелось дотронуться до нее.

– У тебя получается. Я постоянно узнаю о тебе что-то новое, лейтенант.

– До чего приятно слышать такое о себе. – Хоук улыбнулся.

– Наверное, ты еще и готовишь. Могу поспорить...

– Карен... – Он никогда не видел ее такой взведенной. Взял за руку. Она вырвалась.

– Это он! – Ее глаза злобно сверкнули. – Он мне ответил. На это ушло три дня. Мне пришлось писать ему дважды. – Она потерла шею. – Я не знала, что сказать ему, Тай. Что, черт возьми, я могла ему сказать? «Я знаю, это ты, Чарли. Пожалуйста, ответь мне». Наконец он ответил.

– И что написал?

– Что написал? – Она фыркнула. – Он написал: «Привет, детка».

– И все?

– Да. – Карен улыбнулась, на ее лице читалась обида. Все с той же улыбкой она прошла по комнате. Посмотрела на бухту из другого окна, двинулась к комоду. Увидела пару фотографий в рамках. На одной – две маленькие девочки. Хоук заметил, что Карен пристально ее разглядывает. На второй – скиф Хоука, «Меррили».

– Твой?

– Мой. – Хоук кивнул, поднялся с табурета. – Конечно, не яхта султана Брунея, но Джессике нравится. Летом мы плаваем вверх по Гудзону, до Ньюингтона, или в море, до острова Шелтер. Если погода хорошая, я...

– Ты все это делаешь, Тай? – Ее глаза сверкали. – Ты из тех, кого называют хорошими людьми?

Хоук не знал, комплимент ли это. Карен плотно сжала губы, провела рукой по спутанным волосам. Казалось, она сейчас взорвется.

Он шагнул к ней.

– Карен...

– «Привет, детка», – повторила она, голос дрогнул. – И это все, что он мне написал, Тай. Типа, как там у тебя дела, милая? Как дети? И это Чарльз! Человек, которого я похоронила. Рядом с которым спала больше восемнадцати лет. «Привет, детка!» И что мне теперь ему сказать, Тай? Что теперь будет?!

Хоук подошел к ней вплотную и обнял. На этот раз, как всегда и мечтал, крепко прижимая к груди. Кровь грозила выплеснуться из вен.

Поначалу Карен попыталась отстраниться, в ней вроде бы вспыхнула злость. Потом сдалась, слезы горячим дождем брызнули на его футболку, груди плотно прижались к его груди.

Он ее поцеловал. Карен уже не сопротивлялась. Наоборот, раздвинула губы, ее язык жаждал встретиться с его. Их обоих охватила страсть, а запах ее духов (что-то сладкое, возможно, жасмин) сводил Хоука с ума.

Его рука спустилась вниз по ее спине, пальцы нырнули под джинсы. Возбуждая его. Он вытащил руку, задрал рубашку, ощутил теплую плоть живота, чуть отстранился, заглянул в глаза.

– Ты ничего не должна.

– Я не могу!.. – Щеки Карен блестели от слез. – Я не могу быть одна.

Он вновь поцеловал ее. На этот раз языки слились в медленном, сладостном танце.

– Просто не могу...

Хоук вытер слезы с ее лица.

– Ты ничего не должна. Никому.

И подхватил ее на руки.

Любовью они занялись в спальне.

Он медленно расстегнул ее рубашку, прошелся руками по черным кружевам бюстгалтера, нежно тронул промежность, отчего она подалась назад в легком испуге — этих мест никто не касался больше года. Тяжело дыша, Карен прижалась лицом к его голой груди.

— Тай, я давно этим не занималась.

— Я знаю... — Он уже снимал с нее рубашку, расстегивал джинсы.

Она напряглась в предвкушении.

— Я хочу сказать, с кем-то еще. Я прожила с Чарльзом почти двадцать лет.

— Это нормально. Я знаю.

Он уложил ее на спину, стянул с нее джинсы, сунул руку в трусики, почувствовал, как она дрожит от возбуждения. Карен посмотрела на Хоука. Он столько сделал для нее, она смогла на него опереться в тот важный момент, когда ее мир, казалось, покатился в пучину безумия. Она протянула руку, осторожно коснулась заживающей раны на боку, поцеловала ее, ощутила соленую сладость пота. Хоук уже снимал шорты. Именно он помог ей сохранить самообладание, выдержать этот новый удар судьбы.

— Тай...

Он навис над ней, сильный, крепкий, мускулистый. Их тела соединились, Карен словно прошиб разряд тока. Она выгнула спину, подаваясь к нему. Ее груди плотно прижались к его груди.

И теперь их уже ничего не сдерживало. Голова Карен упала на кровать, мотаясь из стороны в сторону, когда он раз за разом пронзал ее, дрожь страсти волнами прокатывала по телу, от кончиков пальцев ног до макушки. Руками она охватила его ягодицы, помогая входить в нее на максимальную глубину. Поймав общий ритм, они все ускоряли и ускоряли его. Карен всем телом прижималась к нему — к мужчине, который рисковал ради нее. Вот и она хотела отдать ему все, без остатка. Даже ту часть, которую не отдавала никому. В том числе и Чарли. Которую всегда придерживала.

Всё...

ГЛАВА 73

Потом они лежали на кровати, полностью удовлетворенные, тело Карен покрывал пот, оно еще горело огнем страсти. Хоук охлаждал его, дул на грудь, шею. Волосы ее спутались окончательно.

— Тебе сегодня повезло, — промурлыкала Карен, шутливо закатив глаза. — Обычно я даю только на третьем свидании. Это железное правило с сайта Match.com.

Хоук рассмеялся:

— Слушай, если это что-нибудь значит, я обещаю пригласить тебя пару раз в ресторан. Задним числом.

— Уф! — Карен шумно выдохнула. — У меня прямо гора с плеч.

Она оглядела небольшую спальню, пытаясь выяснить о нем что-то такое, чего не знала. Простая деревянная кровать. Тумбочка, на ней две книги. Биография Эйнштейна, роман Денниса Лихэйна, джинсы, брошенные на стул в углу. Маленький телевизор.

— А это что такое? — Карен указала на что-то тонкое и деревянное, прислоненное к стене.

— Хоккейная клюшка.

Карен приподнялась на локте.

— Скажи мне, я только что переспала с мужчиной, который держит в спальне хоккейную клюшку?

Хоук пожал плечами:

— Зимой я играю в хоккей. Наверное, с той поры и стоит.

— Тай, сейчас гребаный июнь!

Он кивнул, как маленький мальчик, под кроватью которого нашли припрятанные булочки.

— Да, хорошо, что ты не пришла на прошлой неделе. Тут лежали и коньки.

Карен провела рукой по его щеке.

— Так приятно видеть вас смеющимся, лейтенант.

— Полагаю, смех не повредит нам обоим.

Какое-то время они полежали на большой кровати, соприкасаясь разве что кончиками пальцев, еще привыкая друг к другу.

— Тай... — Карен приподнялась. — Давно хотела тебя спросить. Когда я была у тебя в кабинете, заметила фотографию с двумя девочками. А на том футбольном матче, где я познакомилась с твоей дочерью, ты сказал мне, что она — твоя единственная. И дома у тебя фотография двух девочек... — Она прижалась к нему. — Я не хочу что-то беречь...

— Нет. — Он покачал головой. — Ты не бередишь. — И, глядя в потолок, рассказал ей о Норе. Наконец-то. — Сейчас ей было бы девять.

Карен снова едва не расплакалась.

Он рассказал, как они вернулись из магазина, как выяснилось, он там что-то забыл, вот и возникла необходимость немедленно вернуться. Приближалась его смена, он опаздывал. Бет на него злилась. Тогда они жили в Куинсе. Это была упаковка йогуртов.

Вот он и выскочил из автомобиля слишком быстро – до смены оставалось всего полчаса – и побежал в дом за чеком.

– Упаковка йогуртов, – повторил Хоук, покачал головой, пожал плечами. – Они играли. С игрушечным корабликом, как потом рассказала нам Джесси. Автомобиль покотился назад. Как выяснилось, я не заблокировал коробку передач. Мы услышали крик Джесси. И Бет... Я помню, как она на меня посмотрела. Все произошло так внезапно. – Он облизнул губы, взглянул на Карен. – Ей было четыре годика.

Карен села, провела рукой по его влажному от пота лицу.

– Ты по-прежнему носишь это в себе. Я вижу. Увидела еще в тот день, когда мы впервые встретились.

– Тебе тогда хватало и своих забот.

– Да, но я все равно увидела. Думаю, поэтому и поблагодарила тебя. За твои слова. Мне сразу стало ясно, что ты меня понимаешь. И не думаю, что это когда-нибудь уйдет.

– Разве это может уйти?

– Я знаю. – Карен кивнула. – Знаю... а твоя жена? Бет, да?

Хоук оперся о локоть.

– Не думаю, что она когда-нибудь меня простит. И ирония судьбы в том, что в магазин я спешил именно ради нее. – Он встретился взглядом с Карен. – Ты вот часто спрашивала, почему я все это делаю...

– Да, – вновь кивнула она.

– Одна причина в том, что меня тянуло к тебе с нашей первой встречи. Я не мог выкинуть тебя из головы.

Карен взяла его за руку.

– Но другая – этот Раймонд, лежащий на асфальте. Знаешь, так бывает: что-то вдруг возвращает тебя в прошлое. Что-то в нем и вернуло меня к Норе. Я не мог отделаться... от этого образа. До сих пор не могу.

– Их волосы... – Карен прижала руку Хоука к своей груди. – У них одинаковые рыжие волосы. Ты все время пытался загладить свою вину за тот несчастный случай, найдя виновника этого наезда. Героически защищая меня.

– Нет. Последнее – часть моего плана забраться к тебе в штаны, – с очень серьезным видом заявил он.

– Тай!.. – Она заглянула в его печальные глаза. – Ты хороший человек. Это я тоже разглядела в тебе с нашей первой встречи. Так скажет любой, кто знает тебя. Наша жизнь состоит из всякого и разного. Мы переходим мостовую в неполюженном месте, садимся за руль, выпив чуть больше допустимого, не гасим свечу перед сном. Обычно нам все сходит с рук. Пока не наступает момент, когда не сходит. И нельзя судить себя за это до конца своих дней. Произошло это давно. Несчастный случай. Ты любил дочь. До сих пор любишь. Ты больше не должен заглаживать свою вину.

Хоук улыбнулся. Погладил Карен по щеке.

– И я слышу это от женщины, которая пришла сюда этим вечером, узнав, что ее вроде бы умерший муж стал новым другом по переписке.

– Сегодня – да! – Карен рассмеялась. – А завтра... кто знает?

И вновь улеглась на кровать. Внезапно вспомнила, почему пришла. Раздражение выплеснулось в кровь. «Привет, детка...» Как же ее это злило! Она сжала руку Тая.

– И что же нам с этим делать, Тай?

– Пока мы об этом забудем. – Он провел пальцем по ее спине, остановился на ягодице. – Потому что мешает.

– Мешает? Мешает чему? – И вновь ощутила жар внизу живота.

Он наклонился к ней, пожал плечами:

– Снова этим заняться.

– Снова этим заняться? – переспросила Карен, когда Хоук потянул ее на себя. Потерлась своим носом о его, волосы каскадом упали на лицо Хоука, потом рассмеялась: – Ты знаешь, как давно я в последний раз слышала эти слова?

ГЛАВА 74

Утром Хоук сварил кофе. Он был на веранде, когда Карен в десятом часу вышла к нему в большущей футболке с надписью «Университет Ферфилда» на груди, которую нашла в ящике комода.

– Доброе утро. – Он погладил ее по бедру.

Она наклонилась к нему, положила голову на плечо.

– Привет.

Утро выдалось теплым и солнечным. Карен оглядела ряд скромных домов, моторки и яхты, выходящие из гавани. К Коув-Айленду спешил маршрутный кораблик. В небе кружили чайки.

Карен подошла к ограждению.

– Красиво тут. – Она кивнула в сторону холста на мольберте. – И такое ощущение, что я это уже видела.

Хоук указал на другие картины, приставленные к стене:

– На всех один и тот же вид.

Карен подставила лицо солнцу, провела рукой по волосам, с которыми играл легкий ветерок. Потом села рядом с Хоуком, пододвинула к себе кружку.

– Послушай, насчет последней ночи... – пробормотал он.

Она подняла руку, закрыла ему рот.

– Я первая. Я не собиралась навязываться тебе. Просто не могла оставаться одна. Я...

– Я хотел сказать, что последняя ночь – это сказка. – Он подмигнул Карен, глядя в ее сонные глаза.

– Я собиралась сказать то же самое, – улынулась она в ответ. – Я почти двадцать лет спала с одним мужчиной.

– Это было безумие. Вся накопленная энергия...

– Да, да. – Она закатила глаза.

Он придвинулся к ней.

– И знаешь, это йоговское упражнение, когда ты прогибаешь спину и...

Карен хлопнула его по руке:

– Перестань!

Тай поймал ее руку. Посмотрел на Карен. В упор.

– Я серьезно. Повторяю, я влез в это дело из-за тебя. Это главная причина. Но ты и так это знаешь. На моем лице всегда все написано.

Карен вновь положила голову ему на плечо.

– Тай, послушай, я даже не знаю, правильная ли это идея – что-то начинать...

– Я готов рискнуть.

– Слишком уж много у меня неясного. Что делать с Чарли? С детьми? Мой чертов муж жив, Тай!

– Разве ты не решила?

– Насчет чего? Помоги мне. У меня в голове все путается.

– Насчет Чарльза, – уточнил Хоук. – Насчет того, чего ты от меня хочешь.

Карен глубоко вздохнула. Взгляд ее изменился, стал жестким. Она кивнула:

– Я решила. Он должен ответить на многие вопросы, Тай, и я хочу услышать его ответы. Когда он впервые начал мне лгать? Что стало для него более важным, чем я и дети? И я не собираюсь перевернуть страницу, на которой уместилась половина моей жизни, не получив ответы. От него. Встретившись с ним лицом к лицу. Я хочу найти этого человека, Тай.

Вернувшись домой, приняв душ и расчесав волосы, Карен села к компьютеру. Тревога, которая мучила ее прошлым вечером, трансформировалась в решительность. Она зашла в свой почтовый ящик, вывела на экран письмо Чарли. Прочитала еще раз:

Привет, летка...

Начала печатать.

Я не твоя «детка», Чарли. Уже нет. Я женщина, которой ты причинил ужасную боль... ты даже представить себе не можешь, сколь ужасную. Но ты это и сам знаешь, не так ли, Чарли?

Ты знал это, котла писал мне ответ. Должно быть, знал с того самого момента, как сбежал. И вот что я тебе скажу – я хочу тебя видеть. Я хочу услышать от тебя самого – почему ты это сделал? Почему использовал нас, Чарли, тех, кого ты вроде бы любил? Не через Интернет. Не в письме. Я хочу все услышать от тебя. Лицом к лицу. Хочу смотреть на тебя, когда ты будешь все это говорить, Чарли.

Ей пришлось взять себя в руки, прежде чем продолжить.

Так что скажи мне. Скажи, где мы сможем встретиться, Чарли. Ты заварил всю эту кашу, поэтому я имею право начать новую жизнь, если тебя это еще интересует. И даже не думай о том, чтобы сказать «нет». Не вздумай спрятаться, Чарли. Скажи мне.

Карен.

ГЛАВА 75

Чарльз находился на острове Сент-Люсия, в здании Южного островного банка, когда ему на мобильник пришло письмо Карен.

Ее слова остановили его, как укол эпинефрина {Кардиостимулятор} в сердце.

Нет. Он не мог на это пойти. Не мог встретиться с ней. Ничего хорошего из этого не получилось бы. Он открыл дверь, проявив слабость и глупость. Но теперь должен захлопнуть ее.

Чарльз заполнял бланк на перевод денег. Привычно вписывал номера счетов в соответствующие графы. Снимал деньги отсюда и переводил в Национальный банк Панамы в Панама-Сити и «Сейтзенбанк» в Лжксембурге – в более спокойные и безопасные для него места.

Потому что подошло время покинуть эти края.

Чарльз дождался, пока ярко одетая женщина освободит место у стола менеджера, и сел. С менеджером, симпатичной островитянкой, он уже имел дело, и та всегда встречала Чарльза обворожительной улыбкой, когда он появлялся здесь раз в несколько месяцев.

И теперь она определенно огорчилась, увидев, что он закрывает счета.

– Мистер Хансон, получается, что мы больше не увидимся? – Она заполнила положенные графы, расписалась.

– Какое-то время – нет. – Чарльз поднялся. – Благодарю. – Они обменялись рукопожатием.

Он ушел, занятый мыслями об электронном письме Карен (твердо решив отказаться от встречи), и не заметил, как менеджер вытащила из ящика стола листок бумаги. Не заметил, что она сняла телефонную трубку еще до того, как за ним закрылась дверь.

Карен еще сидела за компьютером, когда пришел ответ Чарли.

Нет, Карен. Слишком опасно. Я не могу на это пойти. Ты думаешь, будто что-то знаешь... но это не так. Просто прими на веру. Я догадываюсь, что ты чувствуешь, но, пожалуйста, умоляю тебя, продолжай жить как прежде. Никому не говори, что нашла меня. Никому, Карен! Я тебя любил. Не собирался причинять тебе боль. Но теперь слишком поздно. Сделанного не воротишь. И пожалуйста, пожалуйста, что бы ты ни чувствовала, не пиши мне больше!

От злости кровь бросилась Карен в лицо. Она написала:

Нет, Чарли, боюсь, тебе придется на это пойти. Я знаю, что ты сделал, и речь не о том, что ты жив. Я знаю... я знаю о «Фэлкон партнерс» и о деньгах, которыми ты управлял через офшоры. Все это ты скрывал от меня долгие годы. Я знаю о «Дельфин ойл», Чарли. И о пустых танкерах. И о человеке в Пенсаколе, который раскрыл твое мошенничество. Что ты сделал, чтобы остановить его, Чарли?

Ответ пришел тут же, с нотками паники:

Кто тебе рассказал, Карен?

Не имеет значения, Чарли!

Теперь они общались в режиме реального времени – она, Карен, и человек, которого она считала умершим.

Ты не понимаешь. Главное – я знаю. Я знаю, о парне, которого убили в Гринвиче в тот лень, котла ты исчез. В тот лень, когда мы лили слезы о тебе, Чарли. И я знаю, что ты побывал в Гринвиче. Этого недостаточно? Я знаю, что ты приехал сюда после взрывов на Центральном вокзале. При этих взрывах ты вроде бы погиб, Чарли. Я знаю, что ты позвонил ему, назвавшись вымышленным именем.

Откуда, Карен, откуда?

И я знаю, кто он. Я знаю, что он сын того человека из Пенсаколы. А что стало известно твоему трейлеру, Джонатану Лауэру? Что он собирался мне сообщить? Этого недостаточно, Чарли? Мошенничество. Убийство... Или все-таки хватит?

Через несколько секунд Чарли ответил:

Карен. Пожалуйста...

Она вытерла глаза.

Я ничего не рассказывала детям. Если бы рассказала, их бы это убило, Чарли. Как убивало меня. Они сейчас в отъезде. На сафари с моими родителями. Подарок Сэм на окончание школы. Но какие-то люли угрожали нам, Чарли. Угрожали ИМ! Ты этого хотел, Чарли? Ты этого хотел, бросая нас?

Карен глубоко вдохнула и продолжила печатать.

Я знаю, что риск есть. Но нам придется на него пойти. Иначе я обращусь со всем этим в полицию. Против тебя выдвинут обвинение, Чарли. И я говорю об убийстве. Они тебя найдут. Если смогла я, поверь, они тоже смогут. И что тогда подумают о тебе твои дети? Что ты убийца, а не тот человек, которым они восхищаются до сих пор.

Карен уже хотела отправить письмо, но передумала и допечатала еще один абзац.

Это цена моего молчания, Чарли. Только в этом случае я не стану поднимать шум. Ты всегда считал, что все должно быть по справедливости. Я не хочу, чтобы ты возвращался ко мне. Я тебя больше не люблю и не знаю, испытываю ли я к тебе хоть какие-то чувства. Но я хочу увидеть тебя, Чарли. Я хочу, чтобы ты сам сказал мне, почему ты нас бросил. Глядя мне в глаза. Поэтому просто скажи мне, как мы это сделаем. Больше ничего. Никаких извинений. Никакой печали. Потом ты не услышишь обо мне до конца твоей никчемной жизни.

Она отправила письмо. И ждала. Несколько минут. Ответа не было. Карен встревожилась. Вдруг она надавила слишком сильно? Что, если напугала его? И он решил затаиться. Запрятаться так, чтобы она больше его не нашла.

Она ждала вечность. Глядя на экран. «Не повторяй того, что ты уже сделал, Чарли. Только не теперь. Давай, Чарли, притворись, что ты когда-то меня любил. Не заставляй меня переживать все заново».

Она закрыла глаза. Может, на какое-то время даже задремала, вымотанная донельзя. Услышала звук. Открыв глаза, увидела, что пришло письмо. Щелкнула по нему.

Одна. Это единственный вариант.

Карен не отрывала глаз от экрана. Губы разошлись в удовлетворенной улыбке.

Хорошо, Чарли. Одна.

ГЛАВА 76

Еще день прошел в ожидании инструкций Чарли. На сей раз Карен не волновалась и даже не удивилась, когда получила их.

Просто устранились последние неясности.

Приезжай в клуб «Сент-Лжеймс» на Сент-Губерте, Виргинские острова.

Карен знала это место. Они там останавливались. Подковообразная бухта, несколько бунгалов на берегу. Удаленное от всех и вся.

Чарльз добавил:

Скоро. Через несколько дней — не недель. Я найду тебя.

Карен хотелось сказать ему многое. Но она написала лишь одно слово:

Хорошо.

Рональд Торбор не знал, что и делать. В это самое утро он поднял голову и увидел Стивена Хансона, американца, стоящего перед его столом.

Он пришел, чтобы закрыть все счета.

Заместитель управляющего банком попытался скрыть свое изумление. С того дня, как в его доме побывали два американца, он молился, чтобы никогда больше не увидеть этого человека. Но тот пришел. И пока они говорили и оформляли бумаги, сердце Рональда буквально выпрыгивало из груди. Как только Хансон отбыл, Рональд бросился в туалет. Умылся холодной водой. Лицо горело.

Что же ему делать?

Он знал, что это неправильно... выполнять указание этих ужасных людей. Он знал, что этим он нарушит клятву хранить банковскую тайну. И если об этом узнают, он тут же окажется на улице, потеряв все, чего добился за долгие годы.

И еще Рональду он нравился. Мистер Стивен Хансон. Всегда веселый и вежливый. Всегда говорил доброе слово об Эзре, фотография которого стояла на столе Рональда и которого Хансон однажды видел, когда Эзра и Эдит приходили в банк.

Но разве у него был выбор?

Он делал это ради собственного сына.

Усатый пообещал, что они вернуться, если узнают, что Рональд их обманул. А если они раньше шли по следу Хансона, то, конечно, узнают, что он побывал в Первом карибском. Промолчи он сейчас, и им не поздоровится – и Эдит, и Эзре.

Не хотелось даже думать о том, что с ними может случиться.

Рональд понял, что на кону нечто большее, чем его работа. Его семья. Они пригрозили убить Эзру. А Рональд дал слово, что никогда больше не увидит страх в глазах жены.

«Мистер Хансон, пожалуйста, поймите. Разве у меня есть выбор?»

Телефон-автомат стоял за углом. Рядом на стене висел избирательный плакат изображением обвиняемого в получении взяток премьер-министра Невиса. С надписью большими буквами: «Им пора уйти».

Рональд вставил телефонную карточку в щель, набрал зарубежный номер, который оставили ему. «Уж постарайся связаться со мной, Рональд, – сказал усатый перед уходом, поглаживая головку Эзры. – Хороший мальчик! – Он подмигнул Рональду. – Я уверен, его ждет долгая, счастливая жизнь».

Послышался гудок. Рональд глубоко вдохнул.

– Алло, – ответил знакомый голос. Лицо Рональда залила краска стыда.

– Это Рональд Торбор. С Невиса. Вы просили позвонить.

– Рональд! Рад тебя слышать. Как Эзра? Жив-здоров?

– Я его видел. – Отвечать Рональд не стал. – Человека, которого вы искали. Он приходил сегодня.

ГЛАВА 77

– Я лечу одна, – объявила Карен Хоуку.

Они вновь встретились в кафетерии «Аркадия». Карен рассказала ему и о переписке с Чарли, и о его инструкциях.

– Нет, не летишь. – Он поставил чашку и покачал головой. – Так не пойдет, Карен. Ты понятия не имеешь, кто еще втянут в это дело. Я не позволю тебе идти на такой риск.

– Но это его условие. Я согласилась.

– Карен... – Тай наклонился к ней. Понизил голос, чтобы его не услышали за соседним столиком. – Этот человек бросил тебя и твою семью. Ты прекрасно знаешь, что он сделал. Это опасно, Карен. Жизнь не школьная игра. Ты рассказала Чарли, что именно тебе о нем известно. Погибли люди. И я не позволю тебе лететь туда одной.

– Можешь не напоминать мне, каковы ставки, Тай. – Карен чуть возвысила голос. Умоляюще посмотрела на Хоука. – Я пришла к тебе, потому что доверяла. Рассказывала о том, чего не знает никто.

– Думаю, я заслужил твое доверие.

– Да, – кивнула Карен. – Я знаю, что заслужил. Но теперь ты должен довериться и мне. Я лечу. – Она пристально смотрела на него. – Он мой муж. Я его знаю, чего бы он от меня ни скрывал. И я знаю, что он никогда не причинит мне вреда. Я согласилась на его условия, Тай. И не собираюсь упускать этот шанс.

Хоук глубоко вздохнул, пристально посмотрел на Карен. Он знал, что может остановить ее. Прямо сегодня вскрыть этот гнойник. Как бы это ни отразилось на его службе. Но он помнил о своем обещании, данном чуть ли не в самом начале их знакомства. Найти Чарльза. Да и вообще, очень уж глубоко он во все это влез.

– Это должно быть людное место, – наконец сказал он. – И ты будешь у меня под присмотром. Только так.

Ее глаза широко раскрылись.

– Тай...

– Это не обсуждается, Карен. Если, узнав все подробности, мы решим, что твоя безопасность гарантируется, ты пойдешь на встречу. Одна. Даю тебе слово. Но я буду неподалеку. Таково мое условие.

Карен не сдавалась:

– Ты не можешь использовать меня как приманку, чтобы добраться до него. Такого быть не должно.

– Ты думаешь, я собираюсь туда, чтобы арестовать его, Карен? По-твоему, я сейчас позвоню в Интерпол? – Он смотрел ей в глаза. – Я собираюсь туда, потому что скорее всего люблю тебя, Карен. Или близко к этому. Разве ты этого не понимаешь? Я собираюсь туда, потому что боюсь тебя потерять, если ты сделаешь неверный шаг.

Решительный взгляд говорил о том, что он от своего не отступится. К привычной синеве глаз добавился оттенок серого, говоривший о том, что слова не разойдутся с делом. Какое-то время они так и сидели – молча, глядя друг другу в глаза.

А потом Карен улыбнулась:

– Ты сказал «скорее всего».

– Да, «скорее всего», – кивнул Хоук. – И раз уж так сложилось, то скорее всего ревную.

– К Чарльзу?

– К восемнадцати годам, Карен. С этим человеком ты пробыла немалую часть своей жизни, что бы он ни сделал.

– С этим покончено, Тай.

– Я не знаю, с чем покончено. – Он вновь глубоко вздохнул, отведя взгляд. – Да и не имеет это никакого значения.

Карен потянулась к его руке. Сжала ее в своих ладонях, погладила. Наконец он посмотрел на нее.

– Знаешь, я скорее всего тоже тебя люблю. – Она пожала плечами. – Или близко к этому.

– Я потрясен.

– Но мы не можем просто вычеркнуть Чарльза, Тай. Пожалуйста! Для меня это очень важно. Вот почему я отправляюсь туда... – Карен все не отпускала его руку. – Потом посмотрим. Договорились?

Он обвил ее мизинчик своим, недовольно кивнул.

– Ты знаешь это место?

– Клуб «Сент-Джеймс»? Мы швартовались там на ленч. – Она видела его озабоченность. – Уютный такой курорт. Не самое подходящее место для засады.

– Так когда ты летишь?

– Мы летим, Тай. Завтра. Я уже забронировала билеты.

– Билеты?

– Да, Тай, билеты. – Карен улыбнулась. – Не могла представить себе, что ты согласишься отпустить меня одну.

ГЛАВА 78

Собаку оставили соседям. Рик и Пола уехали. Как и дети Карен. Она отправила электронное письмо в базовый лагерь, где остановились Сэм и Алекс, сообщив им, что уезжает на несколько дней. Но поняла, что должна кого-нибудь предупредить о своих планах. На всякий случай. Набрала домашний номер, услышала знакомый голос.

– Сол!

– Карен? – В голосе Сола к удивлению примешивалась радость. – Как ты? Где твоя банда?

– Все здоровы. Поэтому я и звоню. Я уезжаю из города на несколько дней. Дети в Африке. На сафари. Подарок Сэм на окончание школы. С моими родителями.

– Да, я помню, ты говорила. Хорошо быть молодым, не правда ли?

– Да, Сол. Полагаю, что да. Послушай, с ними не так просто связаться, поэтому я направила в следующий лагерь, куда они должны приехать, телефонный номер твоего офиса. Ты понимаешь, на случай чего-то непредвиденного. Я просто не знала, кому еще они могут позвонить.

– Разумеется. Я рад, Карен. Ты знаешь, я сделаю для них все, что в моих силах. А куда едешь ты? Вдруг ты мне понадобишься?

– Карибское море. Виргинские острова.

– Великолепно! В это время года там очень хорошо. Куда конкретно?

– Я оставлю тебе номер моего мобильного, Сол. – Она решила придержать более подробную информацию. – Если я тебе понадоблюсь, ты меня найдешь.

Сол был наставником Чарльза. Он занимался ликвидацией его хеджевого фонда. Он много чего знал о Чарльзе. Представители «Арчера». Офшорные счета. И ничего ей не говорил. И внезапно у Карен мелькнула мысль, от которой внутри все похолодело: «А может, он знал все?»

– Я знаю, что Чарльз не только управлял фондом, Сол.

– О чем ты, Карен? – после паузы спросил Сол.

– Я знаю, что под его управлением находились и другие деньги. Большие деньги. На офшорных счетах. Вот откуда взялся фальшивый паспорт и наличные в банковской ячейке, не так ли? Ты мне ничего об этом не говорил, но я знаю, что ты в курсе, Сол. Ты знал

гораздо больше, чем я. И ты защитил бы его, Сол, не так ли, если б что-то всплыло? Даже теперь?

– Я не хотел тревожить тебя, Карен. Это часть моей работы. И я защищу и тебя.

– Правда, Сол? – Внезапно Карен открылась и еще одна истина. – Даже если этим поставишь под удар себя?

– Я что-то не понимаю тебя, Карен. Как угрозы тебе могут задеть меня?

Она уже хотела надавить на него, спросить, что он знает. Известно ли ему, что ее муж жив? Замешан ли в этом Сол? Может, в этом причина, по которой Чарли не решился сказать ей, от кого он прячется? Может, Сол и подсунул Чарли эти офшоры? Он знал о Джонатане Лауэре, но не обмолвился ни словом. Карен почувствовала, как ее начало трясти, словно она ступила на запретную территорию.

Сол откашлялся.

– Разумеется, да, Карен.

– Что «да», Сол?

– Я защищу тебя, Карен. И детей. Разве ты спрашивала не об этом?

И вот тут Карен окончательно все стало ясно. Он знал. Гораздо, гораздо больше, чем говорил ей. Она поняла это по легкой дрожи в его голосе. Сол был наставником Чарли.

Он знал! Не мог не знать.

И теперь ему стало известно, что она тоже знает.

– Ты многого мне не говорил. – Карен облизнула губы. – Ты знал, что Джонатан Лауэр умер. Ты знал, что он хотел связаться со мной. Ты знал, что Чарли управлял этими деньгами. Чарли мертв, так, Сол? Он мертв – и ты все равно защищаешь его.

Последовала долгая пауза.

– Разумеется, он мертв, Карен. Чарли тебя любил. Это все, о чем тебе надо сейчас помнить. Я думаю, нет нужды вспоминать что-то еще.

– Что сделал мой муж, Сол? В чем дело? Почему ты все от меня скрываешь?

– Хорошего тебе отдыха, Карен. Куда бы ты ни направлялась. Ты знаешь, если возникнет какая-то необходимость, я сделаю все, что нужно. Ты это знаешь, не так ли, дорогая?

– Да. – Во рту у Карен пересохло, по спине пробежал холодок. – Я это знаю, Сол.

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА 79

Двенадцатиместная «сессна» приземлилась на взлетно-посадочной полосе удаленного островка, едва не задев колесами лазурь Карибского моря. Остановилась у здания аэровокзала – бывшего куонсетского ангара {Ангар из гофрированного железа полуцилиндрической формы. Первые такие сооружения были собраны ВМС США в местечке Куонсет-Пойнт, штат Род-Айленд, в 1941 г.}, который надстроили диспетчерской вышкой.

Хоук подмигнул Карен, сидевшей по ту сторону прохода.

– Готова?

Едва замерли пропеллеры, у самолета возникли двое носильщиков, в футболках и шортах.

Молодой пилот в больших солнцезащитных очках помогал пассажирам спускаться налетное поле, стоя у трапа.

– Спасибо за полет! – поблагодарил его Хоук.

– Добро пожаловать в рай, – улыбнулся он.

Утром они прилетели в Сан-Хуан, потом самолет компании «Американ игл» доставил их на Тортолу, а уж оттуда на «сессне» они добрались до Сент-Губерта. Карен большую часть полета проспала. В остальное время она практически не разговаривала и читала книжку, которую взяла с собой. В коричневом топики и белых капри, с медальоном из оникса на шее и с солнцезащитными очками, поднятыми на волосы, она казалась Хоуку еще более прекрасной, чем всегда.

Хоук помог ей спуститься с трапа, надел солнцезащитные очки. Действительно, они прибыли в рай. Ярко светило солнце. Легкий ветерок ласково дул в лицо.

– Фрайдман и Хоук? – обратился к ним молодой мужчина в белой рубашке с эполетами, держащий в руке папку с зажимом. – Я представитель отеля.

Хоук пожал ему руку.

– Добро пожаловать на Сент-Губерт! – Молодой человек ослепительно улыбнулся.

Багаж погрузили в «ленд-круизер» с логотипом отеля на передних дверцах.

Остров являл собой длинную полосу песка и растительности посреди моря. Несколько миль из конца в конец. Чуть возвышался только один холм, именуемый, понятное дело, горой. На лотках туземцы продавали фрукты и самогонный ром, изредка у дороги бродили

kozy. Пара больших рекламных щитов предлагала воспользоваться услугами местной компании по прокату автомобилей и отдать предпочтение пиву «Карибе».

Пятнадцать минут поездки по неровной дороге, и они добрались до клуба «Сент-Джеймс».

Территория отеля утопала в зелени, высокие пальмы важно покачивали кронами. Хоуку потребовалось две секунды, чтобы понять, что сам бы он себе такого отдыха позволить не смог. Недельное пребывание здесь наверняка стоило больше его месячного жалования. На открытой террасе под соломенной крышей Карен спросила о двух заказанных соседних номерах в главном корпусе. Этот вопрос они обговорили заранее. Хоук не возражал. Ехали они не на отдых, и следовало постоянно помнить о том, что привело их в эти края.

— Нет ли для меня сообщений? — спросила Карен на регистрационной стойке.

Симпатичная аборигенка заглянула в компьютер.

— К сожалению, нет, миссис Фрайдман.

Коридорный проводил их в номера. Просторные, со вкусом обставленные, каждый с широкой кроватью под пологом и дорогой мебелью из ротанговой пальмы. К спальне примыкала отделанная мрамором ванная комната с огромной ванной. Пальмы росли у самого балкона, выходящего на белый песок пляжа.

Они встретились на балконе. На пляже стояли несколько кабинок для переодевания, у пирса чуть покачивалась на волнах великолепная тридцатифутовая яхта.

— Превосходно! — Хоук огляделся.

— Это точно, — согласилась Карен, вдыхая морской воздух.

— Нет смысла сидеть и ждать, пока он позвонит. — Хоук пожал плечами. — Пошли купаться.

— Почему бы и нет? — улыбнулась Карен.

Вскоре она спустилась вниз в цельном купальнике цвета бронзы и светло-коричневом саронге. Хоук надел шорты с логотипом колледжа Колби.

Теплая вода, маленькие волны, лениво набегающие на берег, и практически безлюдный пляж. Июнь, по существу, являлся началом «мертвого сезона», так что многие номера пустовали. В паре сотен ярдов от берега находился небольшой риф, где и загорала горстка отдыхающих. Молодая пара играла в сквош. Море напоминало зеркало.

— Господи, это потрясающе! — выдохнула Карен.

Хоук, войдя в воду по грудь, указал на риф:

— Хочешь туда сплавать?

— Сплавать? Спорим, я тебя обгону? — улыбнулась Карен.

— Меня? Да вы знаете, с кем говорите, дама? — Хоук рассмеялся. — В Гринвичской средней школе мой результат по плаванию — третий за всю историю.

— Ох, я вся дрожу... — Карен закатила глаза, слова Хоука не произвели на нее впечатления. — Берегись акул!

Карен бросилась в воду и поплыла. Хоук, как джентльмен, чуть отпустил ее вперед, потом устремился следом. Плыл изо всех сил, гоня перед собой волну, но не мог приблизиться к Карен. Как бы ни старался, расстояние между ними оставалось прежним. Раз или два он попытался резко рвануть и ухватить ее за ноги. Куда там! До рифа она добралась первой. Вылезла, помахала ему рукой.

Он последовал за ней, тяжело дыша.

Она ему подмигнула:

— Между прочим, я была чемпионкой Университета Атланты. А ты чего так припозднился?

— Наткнулся на акулу, — фыркнул Хоук.

Они посидели, глядя на бунгало с крышами из пальмовых листьев и пальмы на прекрасном тропическом острове.

— А что ты еще умеешь хорошо делать? — спросил он, имитируя обиду. — Хочу знать заранее.

— Соус «чили». Теннис. Благотворительность. — Она улыбнулась. — В свое время я умела раскручивать людей на крупные пожертвования. А ты?

— Ничего особенного. Снимаю кошек с деревьев. Жую пончики. Иногда впадаю в меланхолию.

— Ты рисуешь, — подбодрила его Карен.

— Ты видела как.

— Это правда! — Она игриво пощекотала его большим пальцем ноги. — У тебя получается!

Хоук наблюдал, как капельки воды высыхают на ее влажной коже.

— Так что будет? — спросила Карен, и ее тон давал понять, что разговор стал серьезным. — После того, как...

— После чего?

— После того, как я увижусь с Чарли. Что будет с ним, Тай? Он такого натворил...

— Не знаю. — Хоук прикрыл глаза от солнца. — Может, ты убедишь его сдать правосудию? Мы нашли его — значит, найдет кто-то еще. Ему не удастся бегать до скончания веков.

– Ты хочешь сказать, ему лучше сесть в тюрьму?

Хоук пожал плечами.

– Не думаю, что так и будет, Тай.

Он бросил камешек в воду.

– Давай сначала послушаем, что он скажет.

Она кивнула. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ни одному не хотелось говорить о будущем. Карен вновь ткнула Хоука большим пальцем ноги и улыбнулась:

– К берегу снова плывем наперегонки?

– Ни за что! Ты же знаешь, я не люблю проигрывать.

– А вдруг выиграешь? – Карен бросилась в воду.

Он прыгнул следом.

– С другой стороны, не люблю задавак.

Потом они встретились за обедом. На веранде, выходящей на бухту, половина столиков так и осталась незанятой. Несколько пар новобрачных, семьи из Европы.

Хоук заказал блюдо из рыбы с пряностями, Карен – лобстера. Хоук настоял на том, что заплатит, и попросил принести бутылку «Мерсо». Карен, уже чуть подзагоревшая, пришла на обед в черном кружевном платье. Хоук просто не мог оторвать от нее глаз.

После обеда они подошли к регистрационной стойке. Карен спросила, нет ли для нее сообщений. Увы. Проверила мобильник. Тот же результат. На ее лице отразилось разочарование.

– День, однако, прошел неплохо, – заметил Хоук.

– Да, – рассеянно улыбнулась Карен.

Он проводил ее до двери. Возникла неловкая пауза, но Карен потянулась к нему и легонько поцеловала в щеку.

Снова улыбнулась, помахала рукой и исчезла за дверью. Но Хоук заметил тревогу в ее глазах.

Чарльз не давал о себе знать.

ГЛАВА 80

Весь следующий день прошел в ожидании. Карен все сильнее нервничала.

Хоук тоже чувствовал нарастающее напряжение. Утром он отправился на пробежку, по возвращении позанимался в тренажерном зале. Потом начал просматривать некоторые отчеты, которые взял с собой.

В своем номере Карен то и дело проверяла блэкберри.

«А если я его напугала? – задавалась она вопросом. – Вдруг Чарльз решил спрятаться и находится сейчас на другом краю света?»

Нет, он дал бы ей знать, успокаивала она себя. Не стал бы мучить ее второй раз.

После полудня Хоук плавал в бухте. Наверное, с час лежал на спине, думая о словах Карен, о том, что будет потом. Дома.

Он знал, что ему придется все рассказать. О Дайце, Ходжесе, офшорных деньгах. Пустых танкерах. Паппи Раймонде. Наездах на пешехода и велосипедиста.

Обо всем.

Даже если бы она стала умолять его не делать этого. Конечно, будет расследование. На какое-то время его отстранят от оперативной деятельности. Возможно, он потеряет работу.

Он отбросил эти мысли. Вернулся в номер, лег на кровать. Нервы давали о себе знать. Молчание Чарльза действовало на них обоих. Да еще мысли о том, что будет после того, как... И ведь будущее, со всем, что оно несло с собой, находилось не так уж и далеко.

Лежать он больше не мог, поднялся, вышел на балкон.

И увидел Карен. Она, стоя лицом к океану, занималась йогой, в облегающих леггинсах и коротком топике из хлопчатобумажной ткани.

Хоук наблюдал.

Карен, как в танце, переходила от одной позы к другой. Руки совершали плавные движения, пальцы устремлялись к небу. Грудь ритмично поднималась и опускалась, спина изгибалась, следуя движениям рук.

Его кровь закипела.

Он знал, что влюблен в нее. Уже не «скорее всего» – точно. Знал, что она пробудила его от долгой спячки. Он и не подозревал, что по-прежнему способен на столь сильные чувства.

И теперь рвался к Карен душой и телом.

Она его не замечала, полностью сосредоточившись на правильности выполнения упражнений. Описать ногой дугу, втянуть живот, потянуться... Волосы она собрала в конский хвост. Хоук не мог оторвать глаз от полоски тела между леггинсами и топиком.

«Прекрати, Тай...»

Руками Карен очертила широкие круги и открыла глаза. Их взгляды встретились. Поначалу Карен чуть улыбнулась, словно застигнутая при выполнении какого-то интимного действия, скажем, в ванне.

Хоук увидел темное пятнышко пота на топике, упавшую с плеча бретельку, прядь волос, выбившуюся из-под закрутки.

Больше он терпеть не мог. Желание вспыхнуло ярким пламенем. Они не произнесли ни слова, но оба прекрасно друг друга поняли.

— Карен...

Он оказался у ее двери в то самое мгновение, когда она открылась. Карен под его напором подалась назад, и он уже прижимал ее спиной к стене, когда она успела прошептать: «Чего ты от меня хочешь, Тай?»

Он накрыл ее рот своим, отсекая все возражения, пробуя на вкус сладость ее дыхания. Карен, сжигаемая той же страстью, сорвала с него рубашку и принялась за шорты. Он залез руками в леггинсы, не в силах остановиться.

Ее грудь вздымалась.

— Господи, Тай...

Он сдернул с нее леггинсы. Кожу покрывала пленочка пота. Он поднял Карен, широко развел ее ноги, слыша шепот, чувствуя обвившие шею руки, с разгона вошел в нее. Они напоминали двух изголодавшихся людей, дорвавшихся до еды. Ее ноги обхватили его бедра.

На этот раз они обошлись без мягкости, без нежности. Отдались страсти, вырвавшейся из глубин души. Она уткнулась лицом в его грудь, покачиваясь у него на руках. Он, как мог крепко, прижимал ее к себе. Когда все закончилось, он не отпустил ее, и они вместе, обессиленные, сползли на пол.

— Жарковато сегодня, — прошептала Карен, отбрасывая с лица прядь мокрых от пота волос.

— И не говори... — Хоук приподнялся на локте. — Знаешь, а ведь мы можем уехать. Ждать совсем не обязательно, Карен. Я понимаю, ты многое хочешь от него услышать, но ведь без этого можно и обойтись. Его слова только причинят тебе боль. Давай не будем выдергивать Чарльза из его второй жизни?

Карен кивнула. Выдавила из себя улыбку.

— Странно слышать это от тебя, Тай. Не полицейская логика.

— Может, потому, что сейчас я не чувствую себя полицейским? Может, потому, что впервые за пять лет я радуюсь жизни? Я всегда старался поступать правильно, а вот теперь боюсь, впервые боюсь исхода вашей встречи. Лучше того, что происходит между нами сейчас, Карен, ничего быть не может. И я готов на все, лишь бы ничего не менялось.

— Я тоже этого хочу, Тай.

Резкий звуковой сигнал застал их повернуться к столу, на котором стояла ее сумка. Оба все поняли. Она поправила топик и пошла за блэкберри.

Достала мобильник, посмотрела на дисплей.

— Это от него.

Карен открыла сообщение.

В восемь утра за тобой прилет катер. Фамилия капитана — Невилл. Он отвезет тебя ко мне. Только тебя, Карен. Больше никого. Чарльз.

Она прочитала сообщение и передала мобильник Хоуку. Прочитал и он, почувствовал, как нарастает тревога.

— Он мой муж. — Карен села рядом. — Сожалею, Тай, но я должна поехать к нему.

ГЛАВА 81

В сорока милях Фил Дайц маленькими глотками пил «Маргариту» в баре «Черная шляпа» на Тортоле. Играла рок-группа, молодежь танцевала, расплескивая пиво, их беззаботные головы туманил ром. Дайц заметил симпатичную девушку в блузке с глубоким вырезом, которая сидела у другого конца стойки, и подумал, что может к ней подкатиться, даже если придется заплатить. Он это заслужил. А деньги, решил Дайц, можно взять со счета Ленника. Он имел право на праздник, потому что завтра его командировка в теплые края завершилась. И предстояло возвращение домой.

Он нашел этого человека.

Карен Фрайдман сильно ему помогла. Ленник предупредил его. И он понял, что рыба заглотила наживку. Если она летела на Виргинские острова, то не могла миновать Сан-Хуан, в аэропорт которого он и позвонил, чтобы узнать о заказе билетов. Авиакомпании по-прежнему с готовностью отвечали на такие вопросы. Упрощали ему жизнь. Вот он и

приказал Ленцу, который сидел за рулем автомобиля, сбившего этого щенка в Гринвиче, ждать ее прилета на Тортолу. Потом они полетели на остров Сент-Губерт, где могли остановиться только в одном месте.

Чего он не ожидал, так это присутствия копа. Дайц понимал, что эта парочка прилетела не для того, чтобы поворковать вдаль от любопытных глаз. Чарльз наверняка находился где-то неподалеку.

Именно он позвал их сюда.

В любом случае, что бы ни произошло потом, их появление лило воду на мельницу Дайца. Ленц снял номер в клубном отеле, приглядывая за ними. Дайц арендовал маленький самолет. Остальное было делом техники. За это ему и платили. Эти навыки за долгие годы он довел до совершенства.

Дайц вновь отпил из стакана. Девушка с производящими впечатление грудями, которые буквально вываливались из низкого выреза, улыбнулась ему. Он возбудился.

Дайц знал, что он не красавец. Невысокий, плотный, с армейскими татуировками на мясистых руках. Но женщины всегда его замечали, их тянуло к нему, они видели в нем мужчину.

Он подумал о копе. Тот, конечно, осложнял им жизнь. Если он прознал про «Дельфин ойл», то, возможно, нашел того старика, из Пенсаколы. А если нашел да еще прибавил к этому смерть Лауэра, то побывал в его доме вовсе не случайно.

И Чарльз много чего знал. Так много, что они не могли позволить ему открыть рот. А еще он допустил слишком много ошибок, чтобы и дальше оставаться на этом свете.

Дайц расправил усы, затянулся сигарой. «Пришло время расплачиваться, Чарльз».

Но пока он имел право отвлечься. Еще раз взглянув на девушку, он допил коктейль. Откинул крышку мобильного. Один, последний звонок.

Набрал номер, который хранил в памяти. Своей — не мобильного. Ответил мужской голос с сильным акцентом. Незачем складывать все яйца в одну корзину, думал Дайц. Ему же предложили держать человека в курсе, оставаться на связи.

— Хорошие новости. — Дайц поглядывал на девушку. — Думаю, мы его нашли.

— Превосходно, — отозвался собеседник. — Через счета или ювелира?

— Ни первое, ни второе. Я нашел другой путь. Его жена привела нас к нему.

Дайц встал, бросил двадцатку на стойку. Завтра... завтра он снова займется делами. Позаботится и о Ходжесе. Но сегодня... Девушка разговаривала с высоким светловолосым серфингистом. Дайц миновал группу рыбаков, которые хвалились друг перед другом уловом. Когда подошел к девушке, она подняла голову.

— Где вы? — спросил Дайц телефонного собеседника.

— Не волнуйся. Поблизости.

ГЛАВА 82

Утро выдалось теплым, с легкой дымкой над океаном.

Карен проснулась на рассвете, позавтракала в номере. Потом вышла на балкон с чашкой кофе и наблюдала, как солнце поднимается над спокойным морем. Пыталась успокоить нервы. Над рифом кружили птицы, то и дело ныряя за добычей.

Примерно в семь сорок она увидела швартующийся белый катер. Капитан спрыгнул на пирс. Карен попыталась расслабиться. Пора...

Она надела цветастое платье и сандалии. Волосы забрала наверх, чуть нарумянила щеки, прошла блеском по губам. Хотела выглядеть красивой. Взяла сумку, крем от загара, бальзам для губ, пару бутылок воды. Прихватила несколько фотографий детей, которые привезла с собой.

Внизу ее ждал Тай. Ободряюще кивнул:

— У меня есть кое-что для тебя. — Он увлек ее на скамью у веранды. Дал ей маленький диск. — Это спутниковый навигатор. Спрячь его в сумку. Так я смогу тебя найти. И я хочу, чтобы ты звонила мне раз в час. Каждый час! Чтобы знать, что ты в безопасности. Обещаешь мне звонить, Карен?

— Тай, ничего со мной не случится. Это же Чарльз.

— Я хочу, чтобы ты пообещала! — На этот раз он не просил, а требовал.

— Хорошо. — Карен сдалась и улыбнулась. — Обещаю.

Хоук достал из кармана темный металлический предмет, такой маленький, что запросто умещался на его ладони. Тем не менее она содрогнулась.

— Я хочу, чтобы ты взяла его с собой, Карен.

— Нет.

— Возьми. — Он сунул ей пистолет. — На всякий случай. Это «беретта». Пистолет снят с предохранителя. Возможно, он тебе и не понадобится. Но кто знает, с чем ты столкнешься? Ты сама говорила... погибли люди. Так что возьми. Пожалуйста! На всякий случай.

Карен смотрела на пистолет, и сердце ее ускорило бег. Она попыталась оттолкнуть руку Тая.

– Тай, пожалуйста, это Чарльз...

– Это Чарльз, – кивнул он, – и ты понятия не имеешь, во что он вляпался. Возьми пистолет, Карен. Это не просьба – приказ. По возвращении ты мне его отдашь.

Карен смотрела на пистолет, рассудком понимая, что Хоук прав... но боялась взять.

– Не хочу его брать, потому что могу выстрелить в Чарли... – И все-таки взяла, засунула в сумку.

– Карен, послушай... – Хоук сдвинул солнцезащитные очки на лоб. – Я тебя люблю. Думаю, полюбил с того первого дня, когда пришел в твой дом. Ты это знаешь. Не хочу загадывать, что произойдет после вашей встречи между мной и тобой. С этим мы разберемся. Но сейчас с тобой я, вот и хочу, чтобы ты выслушала меня внимательно. Будь осторожна, Карен. Всегда держись с ним на людях. Не уходи ни в какое укромное место. Не рискуй, ты понимаешь?

– Да, сэр, – кивнула Карен и выдавила из себя улыбку.

– А чего ты от меня ждала, Карен? Я полицейский.

Капитан катера, чернокожий мужчина лет тридцати, неторопливо расхаживал по пирсу. Назывался катер «Морской ангел». Капитан время от времени поглядывал на часы.

– Думаю, мне пора. – Карен наклонилась к Хоуку, и он ее обнял. Она легонько поцеловала его в щеку. – Обо мне не волнуйся, Тай. – Она встала и ослепительно улыбнулась. – Это Чарли. Думаю, к десяти часам мы с тобой будем пить пиво в каком-нибудь кафе.

Она поспешила к пирсу, один раз обернулась, помахала рукой. Ее сердце гулко билось. Тай вышел на песок и тоже помахал рукой.

Карен уже подбегала к капитану «Морского ангела», дружелюбного вида мужчине.

– Вы – Невилл?

– Да, мадам. – Капитан взял ее сумку. – Нам пора отплывать. – Тут Невилл заметил Тая, который тоже поднялся на пирс. – Он сказал, только вы, мадам. Только вы, или мы никуда не плывем.

Карен оперлась о его руку и спрыгнула на палубу катера.

– Только я. Куда плывем?

Невилл последовал за ней и бросил носовой швартов на пирс.

– Он сказал, что вы знаете.

ГЛАВА 83

Она знала. Где-то в глубине души. Окончательно убедилась уже на воде, когда очертания островов становились все более знакомыми. Сердце тревожно забилось.

Они направлялись на запад. Едва миновали риф, оба двигателя катера заработали на полную мощность. Карен стояла на корме. Помахала рукой Хоуку, оставшемуся на пирсе. А через минуту-другую катер обогнул край бухты, и пирс вместе с Хоуком исчез из виду.

Теперь она была в руках Чарли.

Открывающиеся с катера виды радовали глаз. Необитаемые островки с белым песком и пальмами. Лазурная вода, кое-где тронутая молочными бурунами. Теплое солнце. От катера в обе стороны расходились высокие волны. Капитан, несомненно, знал здешние воды. Ветер трепал волосы Карен.

– Вы знаете Чарли? – Ей приходилось кричать, чтобы перекрыть рев двигателей.

– Вы говорите про мистера Хансона? – уточнил Невилл. – Да, я капитан его судна.

– Этого?

– Нет, мадам. – Невилл широко улыбнулся, словно оценил шутку. – Совсем нет.

Несколько раз они проплывали мимо населенных островков. Небольших деревень на берегу уютных бухт. Внезапно она поняла, почему Чарли позвал ее сюда. В свое время они уже плавали здесь, на большой, роскошной яхте. Или отправлялись на рыбалку на скифах. В какой-то момент Невилл улыбнулся и вытянул руку в сторону горизонта:

– Рыба-парусник.

Напряжение, которое сковывало Карен, начало спадать. Поездка заняла пятьдесят минут. Катер взял курс на маленький островок.

И только тут Карен окончательно убедилась, что Невилл прав. Она узнала это место. И ресторан, где они однажды обедали, – большая хижина, все блюда готовят на гриле. Она тогда заказала лобстера, а Чарли – курицу. Сейчас возле пристани ресторана покачивались на воде несколько моторных лодок. Чуть дальше высился маяк, который она тоже узнала. Разрисованный в сине-белые полосы. Она вспомнила даже название островка.

Вертрамс-Кей.

Теперь она точно знала, куда они плывут. Они вошли в узкий пролив между островами, и она увидели конечную точку их маршрута.

Сердце Карен гулко забилося.

Уединенная бухта, где они однажды побывали вдвоем. Она вспомнила Чарли, его счастливое лицо. Им пришлось добираться до берега вплавь. Они взяли с собой корзинку с едой и пиво. Лежали на белом песке, в тени пальм.

Их личная бухта. Как они ее называли?.. Лагуна Забвения.

«И куда подевались Чарли и Карен?» – гадали бы знакомые, если бы они реализовали свои мечты и остались там навсегда.

Карен перешла на нос, прикрыла ладонью глаза, оглядывая подковообразную бухту. Невилл остановил катер, осадка которого, наверное, не превышала трех футов, в нескольких ярдах от берега.

Выглядела бухта точно так же, как и восемью годами раньше, когда они впервые попали сюда. Белый песок, на нем желтый надувной плот. Ни единого человека. Слышались крики птиц: чайки и пеликаны парили над морем.

Чарли...

Она не знала, что чувствовала. Не знала, какой будет ее реакция. Она сняла сандалии, взялась за ограждающий поручень. Посмотрела на Невилла. Тот поднял руку, останавливая ее, чуть двинул катер вперед, развернул бортом к берегу, потом кивнул. Теперь можно...

Карен прыгнула в воду, подняв сумку на уровень плеча. Теплая вода доходила до середины бедер, намочила подол платья. Она двинулась к берегу. По-прежнему никого. Оглянулась: Невилл уводил «Морского ангела» к выходу из бухты. Карен вновь посмотрела на берег и впервые ощутила страх.

Она осталась одна. На необитаемом острове, которого могло и не быть на карте.

А если Чарли и не собирался встречаться с ней?

Она вспомнила, что не позвонила Таю. «Всегда держись с ним на людях». Он на этом настаивал. Какие люди? Это самое уединенное место во всем гребаном мире.

Карен осторожно ступила на низкую дюну. Утреннее солнце согрело песок, такой мягкий и рассыпчатый. Слышались только крики птиц да мерный шепот прибора.

Она уже собралась достать из сумки мобильный, когда до ее ушей донесся шорох кустов, потом его голос, и краем глаза она уловила знакомый силуэт.

– Карен...

Почувствовав, как сжалось сердце, она повернулась.

ГЛАВА 84

Словно призрак, Чарли вышел из густых зарослей.

Сердце Карен, казалось, остановилось.

Его губы изогнулись в нерешительной улыбке, он снял солнцезащитные очки.

– Привет, детка.

От шока она на несколько мгновений лишилась дара речи.

– Чарльз?..

Он кивнул, не сводя с нее глаз.

Рука Карен метнулась ко рту. Она просто не знала, что делать. Перехватило горло. Она могла только смотреть на него. Он изменился. Разительно изменился. Надел бейсболку цвета хаки, но Карен видела, что волос нет, голова побрита наголо. И щетина на щеках, и запавшие глаза. Тело стало более мускулистым. Он загорел. На встречу он пришел в цветастых шортах, белой футболке и вьетнамках. Карен не могла сказать, помолодел он или состарился. Просто стал другим.

– Чарльз...

Он шагнул к ней.

– Привет, Карен.

Она отступила на шаг. Не могла сказать, что чувствует. В душе бушевала буря эмоций. Ведь она увидела человека, с которым делила все радости, все наиболее важные моменты своей жизни, которого похоронила, о котором скорбела, который превратился в незнакомца, обманувшего ее и детей. Она отшатнулась, услышав его голос. Голос человека, который ушел в мир иной. Голос ее мужа.

Потом он остановился. Она нерешительно шагнула к нему. И в его взгляде читалась неуверенность. Она просвечивала его насквозь, как рентгеновскими лучами.

– Ты выглядишь по-другому, Чарльз.

Он пожал плечами, сухо улыбнулся:

– Жизнь изменилась.

– Это точно. Удачный выбор места, Чарльз, – продолжала Карен, направляясь к нему, впитывая в себя его новый образ.

Он подмигнул:

– Я знал, что тебе понравится.

– Да. – Расстояние между ними все уменьшалось. – С чувством юмора у тебя всегда был полный порядок, не так ли, Чарльз? Тут ты, конечно, превзошел себя.

– Карен, – он побледнел, – мне так жаль...

– Не надо. – Она покачала головой. – Не говори этого, Чарльз. Ты даже представить себе не можешь, как ты должен сожалеть! – Ее захлестнула злость. Она почувствовала, как сжались кулаки. Чарльз кивнул, смирившись с неизбежным. Карен, стиснув зубы, всмотрелась в серые глаза.

Влепила ему пощечину. Со всей силы. Он дернулся, отступил на шаг, но лицо закрывать не стал.

Карен ударила его снова, еще сильнее – уже не могла контролировать охватившую ее ярость.

– Как ты мог?! Черт бы тебя побрал, Чарльз! Как ты можешь сейчас стоять передо мной? – Она подняла руку, ударила его в третий раз – в грудь, кулаком, отбросив назад. – Черт бы тебя побрал, Чарльз! Как ты мог так поступить со мной? С нами! С Алексом и Сэм, со своей семьей! Мы чуть не умерли от горя. Ты столько отнял у нас, Чарльз! И этого нам уже никогда не вернуть. Но ты, ты здесь... Как ты мог? Мы оплакивали тебя, Чарльз, так оплакивали, словно умерла какая-то наша часть. – Она вновь ударила его в грудь, глаза заблестели от слез злости. Чарльз смиренно принимал удары, не думая защищаться. – Целый год мы оплакивали тебя, каждый день. Мы зажигали свечи за упокой твоей души. Как ты можешь стоять сейчас передо мной, Чарльз?

– Я знаю, Карен. – Он опустил голову. – Я знаю.

– Нет, ты не знаешь, Чарльз! – Она пронзила его взглядом. – Ты понятия не имеешь, что ты у нас украл. У Сэм и Алекса. И ради чего? Но я знаю! Я точно знаю, что ты сделал. Я знаю все о твоей лжи. Я знаю, что ты скрывал от меня. «Дельфин ойл». «Фэлкон партнерс». Эти танкеры, Чарльз. Этот старик из Пенсаколы...

Он встретился с ней взглядом.

– Кто тебе об этом рассказал, Карен?

Она опять ударила его.

– Иди ты к черту, Чарльз! Именно это тебя сейчас интересует? Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе, что мне известно?

Наконец он поймал ее руку, пальцы сомкнулись на запястье.

– Ты говоришь, что знаешь! Ты не знаешь, Карен. Ты должна выслушать меня. Я не хотел причинять тебе боль. Видит Бог, я и представить себе не мог, что ты меня найдешь. Я все сделал для того, чтобы спасти тебя, Карен. Вас всех. Я знаю, как ты ненавидишь меня. Я знаю, что ты чувствуешь, видя меня здесь. Но я прошу тебя об одном, Карен. Пожалуйста, выслушай меня. Потому что я исчез из прошлой жизни только ради тебя.

– Ради меня?

– Да, Карен. И ради детей.

– Хорошо, Чарльз. – Карен вытерла слезы. Они отошли с яркого солнца в тень, к кустам. Сели на песок, обдуваемые легким ветерком. – Тебе всегда удавалось обаять меня, не так ли, Чарльз? Я тебя выслушаю, но лучше бы тебе сказать правду.

Он шумно сглотнул слюну.

– По твоим словам, ты знаешь, что я сделал. Офшорная торговля акциями, «Фэлкон партнерс», «Дельфин ойл»... Все это правда. Я виновен по всем пунктам. Долгие годы я управлял деньгами, о которых ничего тебе не говорил, Карен. Потом у меня возникли проблемы. Проблемы с ликвидностью. Большие проблемы, Карен. Мне пришлось добывать деньги. Я запаниковал. Решился на мошенничество.

– Эти пустые танкеры... Ты выдавал их за полные.

Чарльз кивнул. Глубоко вдохнул.

– Ничего другого не оставалось. Мои резервы достигли минимума, и если банки об этом узнали бы, то потребовали бы возвращения кредитов. Мне пришлось создать залог, Карен. Из ничего.

– Почему, Чарли? Почему? Почему тебе пришлось на это пойти? Разве я не любила тебя, Чарли? Разве я не все делала для тебя? Разве нам было плохо вместе? Дети...

– Что ты такое говоришь, Карен? Ты тут совершенно ни при чем. – Он покачал головой. – Ты помнишь, как много лет назад я переступил грань допустимого риска и «Харбор» пошел ко дну?

Карен кивнула.

– И мы бы утонули. Я бы остался без гроша. Снова пришлось бы идти в трейдеры, зажав хвост между ног, выполнять чужие указания. Мне потребовались бы годы, чтобы расплатиться с долгом. Но все обернулось очень даже неплохо.

– Неплохо?!

– Да. – Он рассказал ей о тех деньгах, которые поступили в его распоряжение. – Это не та мелочевка, которой я занимался в «Харборе». – Он говорил о «Фэлкон партнерс», офшорной компании. – Я ворочал миллиардами, Карен.

– Но это были грязные деньги, Чарльз. Ты их отмывал. Почему ты так прямо и не скажешь? Кто подтолкнул тебя к этому, Чарльз?

— Я не занимался отмывкой, Карен. Как ты не можешь понять?.. Когда управляешь такими средствами, тебе нет до этого никакого дела. Ты занимаешься деньгами. Заставляешь их работать. Вот чем я занимался, Карен. Только так я мог остаться на плаву. Этим я занимался последние десять лет. Я не знал, откуда брались деньги и кто кого обокрал или ограбил. Я заставлял их работать. И знаешь, что я тебе скажу? Плевать я хотел на происхождение этих денег. Я их использовал. Инвестировал. Точно так же, как и любые большие инвестиционные банки. Я даже не встречался с этими людьми. Сол свел их со мной. И ты думаешь, другие фонды работают иначе? Думаешь, нет таких людей, которые делают то же, что и я, а потом вечером идут домой, играют с детьми в мяч, смотрят «Скорую помощь» и водят жену в «Метрополитен-опера»? Да их полным-полно. И я говорю не о торговцах наркотиками или мафиози. Короче, я ухватился за это предложение Сола. Как ухватился бы любой. Этим и спасся. Я не отмывал деньги, Карен. Я лишь управлял счетами этих людей.

Карен в упор смотрела на него.

— Ты не просто управлял их счетами, Чарли. Звучит, конечно, неплохо, но на самом деле все не так. Я знаю... Именно об этом мне хотел рассказать Джонатан Лауэр после того, как ты так удобно «умер», Чарли. Но потом умер он. По-настоящему. Не удрал на тропический остров... Перед тем как ему предстояло дать показания на каких-то слушаниях, его сбил автомобиль. Совсем как невинного мальчика в Гринвиче.

Чарльз отвернулся.

— Того самого, на встречу с которым ты приехал, Чарльз, после взрывов на Центральном вокзале, когда украл кредитку покойника. Ты помог убить этого мальчика, Чарли. Или даже убил сам. Вот этого я точно не знаю. Что он собирался сделать, Чарли? Сдать тебя полиции? Рассказать все о твоём мошенничестве? Ты не просто отмывал деньги, Чарли, на тебе куда более тяжкий грех. Погибшие люди. Не говоря уж о тех тысячах, которых ты ограбил или разорил ради денег, ради инвестиций. Ох, Чарли... Как ты мог это сделать? Как ты мог так сбиться с пути? Хороший же ты нашел способ удержаться на плаву! Ты только посмотри на себя. Посмотри, к чему это привело?

Но Чарльз смотрел на нее, и в его глазах стояла мольба. Он покачал головой, облизнул пересохшие губы.

— Я этого не делал, Карен. Что бы ты ни думала. Клянусь. Ты можешь ненавидеть меня, если хочешь, но, пожалуйста, пусть твоя ненависть будет вызвана тем, что я действительно натворил, — Он снял бейсболку, провел рукой по гладко выбритой голове. — Я не убивал этого мальчика, Карен. Что бы ты ни думала. Я приехал в Гринвич, чтобы его спасти.

ГЛАВА 85

— Спасти? — В глазах Карен вновь вспыхнула злость. — Точно так же, как пытался спасти меня, Чарли?

— Я приехал, чтобы остановить его, Карен! Я знал, чем они ему пригрозили.

— Кто, Чарльз? — раздраженно бросила Карен. — Скажи мне — кто?

— Я не могу, Карен. Даже не хочу, чтобы ты знала об этом. — Чарльз помрачнел, набрал полную грудь воздуха, медленно выдохнул. — Однажды я с ним уже встречался. Возле его мастерской. Попытался разъяснить, к чему может привести упрямство его отца. Если бы эта история с танкерами выплыла наружу, все бы рухнуло. Я не знал, когда они приведут свою угрозу в исполнение, поэтому вернулся в Гринвич после взрывов. Потрясенный случившимся. Какая-то моя часть говорила, что вот он, шанс исчезнуть. Эти люди угрожали мне, Карен. Ты понятия об этом не имеешь. А другая часть требовала со всем этим покончить.

Вот я ему и позвонил. Предложил встретиться со мной. Звонил из ресторана на противоположной стороне улицы, назвавшись другим человеком. Сидел в этой чертовой кабинке, не зная, что делать, что сказать. Думая о том, что, так или иначе, нужно поставить точку. Теперь. Это плохие люди. Я не хотел, чтобы на мне была еще и кровь этого парня.

Чарльз смотрел прямо перед собой.

— А потом я все увидел. Увидел, как этот парень пересекал улицу, направляясь ко мне, откидывая крышку мобильного... Увидел автомобиль, черный внедорожник, который спускался по Пост-роуд, набирая скорость. Автомобиль обогнул угол. Этот парень, с длинными рыжими волосами, заплетенными в косички, понял, что сейчас произойдет. Вот в тот момент я и осознал, что дверь в этот мир для меня захлопнулась, Карен. Я потерял все деньги. Фальсифицировал бухгалтерские документы. Эти мерзавцы хотели крови. И теперь кровь этого парня была на моих руках. — Он повернулся к ней: — Ты должна это понимать, Карен. Угроза нависла надо мной... над тобой... над детьми. В этом мире в лучшем случае меня ждали десять лет тюрьмы, в худшем — насильственная смерть. Лучше бы я погиб в поезде. Вот я и погиб.

– Ради чего, Чарльз? Чтобы защитить этих монстров?

– Ты не понимаешь! – Он покачал головой. – Я потерял более полумиллиарда долларов, Карен! С каждым днем мои потери увеличивались. Резервы иссякали. Я больше не мог расплачиваться по кредитам. Они собирались меня убить. Чтобы как-то их задержать, я пошел на мошенничество. Использовал эти гребаные танкеры, которые кружили по всей планете. Индонезия, Ямайка, Пенсакола... Все пустые! А потом этот чертов старик из Пенсаколы что-то понял...

Карен коснулась его руки. Он дернулся.

– Ты мог бы сказать мне, Чарльз. Я была твоей женой. Ты мог бы поделиться этим со мной.

– Как я мог поделиться этим с тобой, Карен? Они прислали мне рождественскую открытку с вырезанными лицами детей. Ты хотела, чтобы этим я с тобой поделился? Они убили Сашу. Они прислали мне записку, предупреждая, что следующими будут дети. Как насчет этого, Карен? Этим людям не нужны отчеты о том, что ты собираешься сделать с их деньгами в следующем квартале. Наш дом, наша привычная жизнь – со всем пришлось бы расстаться. Мне следовало поделиться с тобой и этим? Кто я? Что сделал? Эти люди – убийцы, Карен. Вот почему я предпочел исчезнуть.

– Предпочел исчезнуть? Черт побери, Чарли, посмотри, к чему это привело! Посмотри на нас! Ты счастлив?

Чарльз тяжело вздохнул:

– Знаешь, я сотню раз думал о том, что надо уйти от всего этого. Вместе с вами. Однажды даже заказал нам всем паспорта. Фальшивые. Помнишь, когда мы сфотографировались? Вроде бы для европейских виз, хотя никуда так и не поехали...

Карен моргнула, сдерживая слезы.

– Ох, Чарли...

– Вот и скажи, следовало мне со всем этим приходиться к тебе? Это та жизнь, которую ты хотела для себя и детей? Если бы я сказал тебе, что я наделал, поэтому теперь мы должны бежать вместе с детьми далеко-далеко, где нас никто не знает. Подвергая при этом всех вас риску. Взяв в соучастники. Что бы ты мне на это сказала, Карен? Скажи мне, дорогая, ты бы согласилась бежать? – Чарльз не отрывал от нее глаз. – У этих людей есть возможности выследить кого угодно, Карен. Угроза смерти всегда бы висела над тобой... над детьми. И когда в моем вагоне взорвалась бомба, я воспринял случившееся как подарок судьбы. Мне сразу стало ясно, что нужно делать. Я знаю, ты смотришь на это иначе. Я знаю, ты думаешь, у меня были и другие варианты, и, возможно, они были. Но я выбрал самый безопасный. Прежде всего для тебя.

– Но нам он безопасности не принес, Чарли. – И она торопливо рассказала о визите людей из «Арчера», о нападении на Саманту на школьной автостоянке. О рекламной брошюре из университета Тафтса со словами: «Никто никуда не ушел. Мы здесь». – Они продолжают требовать деньги.

– Кому ты об этом рассказывала, Карен?

– Никому, Чарли. Только детективу, который мне помогает. И еще Солу. Вот и все. Чарли напрягся. Взял ее за руку.

– Как ты узнала, что я здесь? Как ты узнала, что я жив?

– Я увидела твое лицо, Чарли. – Глаза Карен вновь затуманились от «лез, которые она изо всех сил пыталась сдержать.

– Мое лицо?..

– Да, твое лицо. – Она рассказала ему о документальном фильме, который решила записать на видеомэгнитофон. Как год скорбела о нем, как не прикасалась к его вещам, как пыталась залечить сердечную рану. – Ты не знаешь, каково мне было, Чарли! – Как она заставляла себя смотреть документальный фильм, как потянулась к пульту, чтобы телевизор... И его лицо, «схваченное» камерой наблюдения. На улице. После взрыва. Отворачивающееся от камеры. – Я увидела тебя. Бегущего в толпе. Потом смотрела этот эпизод тысячу раз. Но это был ты. И я уже не могла по-прежнему верить, что ты погиб. Я точно знала, что ты остался в живых.

Чарли отклонился назад, закинул руки за голову. Хохотнул, поначалу отказываясь поверить услышанному. Их жизни, разделенные смертью, пересеклись вновь, несмотря на все принятые им меры предосторожности.

– Ты меня увидела...

– Я не знала, что делать. Сходила с ума, Чарли. Детям ничего не сказала. Как я могла, Чарльз? Они бы умерли.

Облизнув губы, он кивнул.

– Потом я нашла твою банковскую ячейку.

Его глаза широко раскрылись.

– С фальшивым паспортом, Чарли. С кредитками и деньгами.

– Как ты ее нашла?

Карен рассказала про обгоревший листок из блокнота, который получила по почте и поставила в рамку. Кто-то нашел его после взрыва на Центральном вокзале. С записями.

– На нем была информация о банковской ячейке. Больше в тот момент идти мне было некуда, Чарли.

Чарли посмотрел на нее. На его лице отражался шок. Оно посерело. Блокнот! К нему ее привел блокнот. Не уничтоженный взрывом. Потом он напрягся. Глаза потемнели. Он сжал ее руку. Холодными как лед пальцами.

– Кто еще знает об этом, Карен?

ГЛАВА 86

Хоук решил как-то отвлечься. Покинул территорию отеля и трусцой побежал по Шор-роуд. Не мог сидеть в номере и следить за приемным устройством, получающим сигнал с навигатора. Понимал, что может рехнуться от тревоги.

Минут через пятьдесят после отплытия катера показания навигатора перестали меняться. Маркер застыл на координатах 18 градусов и 50 минут северной широты и 68 градусов и 53 минуты западной долготы. Карен находилась на крошечном пятачке песка посреди Карибского моря. В двадцати милях от острова Сент-Губерт. Насчет публичного места он мог забыть. И он просил Карен звонить каждый час.

Прошло уже два.

По роду своей работы Хоуку десятки раз приходилось вести слежку или наблюдение с напарником и с тревогой дожидаться его возвращения, оставаясь в патрульной машине. Тому, кто шел в разведку, в этом смысле всегда было легче. Но никогда раньше он не чувствовал себя таким беспомощным. Вот и бежал по дороге, опоясывающей остров, только для того, чтобы чем-то себя занять.

Движение хоть как-то снимало тревогу.

Ноги сами несли его вперед. Дорога пошла в подъем. Заросший зеленью холм возвышался над морем. Сердцебиение участилось, на футболке выступил пот, солнце жгло все сильнее. Ветер совсем стих.

Время от времени он останавливался и смотрел на приемник сигнала навигатора. Показания не менялись., Карен находилась в той же точке. И по-прежнему не давала о себе знать. Прошло уже более трех часов. Он попытался позвонить. Получил предложение оставить сообщение после звукового сигнала. И что ему теперь делать? Арендовать катер и отправиться вслед за ней? Он дал ей слово.

Поэтому Хоук побежал дальше. Вид со склона открывался прекрасный. Лазурная вода, песчаные пляжи, другие острова, лежащие в дымке, несколько белоснежных яхт, плывущих под парусами.

Но Хоук не любовался тем, что видел. Злился на себя, потому что позволил Карен встретиться с Чарльзом. Пошел ей навстречу. Мышцы бедер начали болеть. Он снял футболку, завязал на талии. «Давай, Карен, позвони...»

Наконец он добрался до вершины холма. Остановился, согнулся пополам, жадно хватая ртом воздух.

– Черт побери! – крикнул он непонятно кому.

Облился водой из бутылки, которую взял с собой. Похоже, он находился на самой высокой точке острова. Посмотрел в том направлении, откуда прибежал, далеко внизу увидел отель.

А потом кое-что еще, уже в море. По другую сторону острова.

Хоук открыл глаза ладонью, пряча их от солнца.

Гигантский черный корабль. Под парусами. Раньше такие ему видеть не доводилось. Длинной не меньше футбольного поля. С тремя сверкающими на солнце металлическим блеском мачтами. Завораживающее зрелище!

Хоук сунул руку в сумку на поясе, достал бинокль. Навел на яхту.

Необычная. Черная. На корме разглядел название – «Черный медведь».

Почему-то возникла тревога. И ощущение, что где-то он уже видел эту яхту.

Он достал мобильник и сфотографировал ее.

Он точно видел эту яхту, только никак не мог вспомнить где.

ГЛАВА 87

– Послушай, Чарльз, это важно. – Карен наклонилась к нему, коснулась его руки. – Мы не единственные, кто знает, что ты жив.

Он изогнул бровь.

– Мы?

Она кивнула:

– Да, мы. – Она рассказана ему про Хоука. – Он детектив из Гринвича. Расследовал наезд на Раймонда, случившийся в тот самый день. У парня в кармане лежал листок с твоим именем и номером телефона. Лейтенант помогал мне, когда началось все это безумие.

– Какое безумие?

– Какие-то люди пытались тебя найти. Если не тебя, то хотя бы деньги. Они говорили о миллионах. Приходили в дом. Угрожали Саманте. В школе. Я не знала, к кому еще мне обратиться.

– Какие люди? – озабоченно спросил Чарльз.

– Я не знаю. Мы не смогли этого выяснить. Ни полиция, ни Сол. Но теперь это не имеет значения. Важно другое – детектив Хоук узнал, что тебя ищут, Чарльз. Не только деньги. Тебя! Они ищут тебя через твои банковские счета в этом регионе. Этот человек, его фамилия Дайц... Ты его знаешь?

– Дайц? – переспросил Чарльз и покачал головой.

– Он попал в поле зрения Хоука при расследовании наезда на Раймонда. Проходил как свидетель. Но при этом оказался свидетелем и гибели Лауэра. Это были убийства, Чарльз. Не несчастные случаи. Но ты это знаешь, не так ли? Ты знаешь, кого и что они пытались защитить. А теперь, Чарльз, я думаю, что они где-то здесь, ищут тебя. Каким-то образом они знают, что ты жив. И тебе грозит опасность.

Чарльз надел бейсболку, потер лоб, словно восстанавливая в памяти цепь каких-то событий, и пришел к выводу, который встревожил его.

– Они знают насчет вознаграждений, – мрачно изрек он.

– Каких вознаграждений, Чарльз?

– Это большие деньги, Карен. Деньги, которые я заработал. Я не воровал их. Это один с четвертью процента от двух миллиардов долларов. Я аккумулировал их в течение восьми лет. Всегда держал деньги в офшорах. Копил на наш остров. Помнишь? Мы говорим о шестидесяти миллионах долларов, Карен.

Глаза Карен широко раскрылись.

– Я никогда не ставила во главу угла деньги, Чарли. И не стремилась на этот остров. Это все твои идиотские грезы! – Она посмотрела на него. – Для меня важнее всего был ты, Чарли. И дети. Наша семья. Эти люди ищут тебя. И могут найти, как нашла я. Что ты собираешься делать, Чарли? Бегать от них до конца жизни?

Он поник головой. А потом серые глаза озорно блеснули.

– Знаешь, один раз я возвращался. На выпускной вечер Сэм. Нашел дату на школьном сайте.

– Ты побывал в Гринвиче?!

Он кивнул:

– Да. Взял машину, наблюдал, как вы выходили после церемонии с другой стороны улицы. На тебе было желтое короткое платье. Сэм заложила цветок за ухо. Я видел твоих родителей, мою мать. Алекс... он так вытянулся...

– Ты там был? – Карен почувствовала укол в сердце. – Ох, Чарли, и как долго все это будет продолжаться?

– Не знаю, не знаю. – Пауза. Потом глаза Чарли сверкнули. – Скажи мне, как его лакросс?

– Его лакросс? Я не знаю, Чарли. Он играет в нападение. Чаще сидит на скамейке запасных. У Сэм выдался хороший год. Не только в учебе, но и в спорте. Она... – Карен замолчала. – Чарли, о чем мы говорим? Ты хочешь знать, каково нам было? Чертовски тяжело. Знаешь, что они почувствовали бы, если б увидели тебя? Они бы умерли, Чарли. Сэм, Алекс... они бы умерли, Чарли.

– Карен...

Какая-то сила заставила ее наклониться к нему – испуганному, запутавшемуся, – и они обнялись. И прикосновения, его рук показались ей весьма странными. Вроде бы и знакомыми, но очень неловкими. Будто ее обнимал призрак.

– Это был ад, Чарли. И когда ты ушел, и потом, когда... Ты так жестоко обидел меня, Чарли! – Она отпрянула, раздираемая душевной болью и яростью. – Я не могу тебя простить, Чарли. Не уверена, что когда-нибудь смогу. Ты загубил нашу жизнь, Чарльз!

– Я знаю, вам было трудно. – Он кивнул. – Я знаю, что сделал.

Карен всхлипнула, вытерла ладонью глаза.

– Нет, нет. Ты не знаешь. Ты даже в малой степени не представляешь себе, что ты сделал.

Он посмотрел на нее. Впервые посмотрел оценивающим взглядом. Налицо, фигуру. И улыбнулся:

– Отлично выглядишь, Карен.

– Да? А ты больше не носишь очки?

– Пошел на лазерную хирургию. – Он пожал плечами. – Жизнь заставила.

Карен улыбнулась:

– Собрался с духом?

– Вроде того.

Улыбка Карен стала шире, солнечный луч осветил ее веснушки.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива Карен. Хочу, чтобы жизнь для тебя продолжалась. Надеюсь, что ты кого-нибудь полюбишь. Ты имеешь право на счастье.

– Да, конечно, удачно ты выбрал время, чтобы вдруг позаботиться о моем благополучии, Чарли. – Он печально улыбнулся в ответ, а Карен продолжила: – Послушай,

Чарли, тебе совсем не обязательно и дальше бегать от них. Ты можешь сдать властям. Этот детектив, Хоук, он прилетел сюда со мной. Ты можешь доверять ему, Чарли. Он мой друг. И он прилетел не для того, чтобы арестовать тебя. Ты сможешь объяснить, что сделал. Ведь ты никого не убивал. Фальсифицировал бухгалтерские документы. Лгал. Заплатишь штраф. Может, отсидишь в тюрьме, но потом вернешься к нормальной жизни. Детям нужен отец, Чарли. Даже если мы уже не сможем жить как прежде, они тебя простят. Обязательно. Ты можешь это сделать, Чарли.

— Нет. — Он покачал головой. — Не могу.

— Можешь. Я знаю тебя, Чарли.

— Не могу, Карен. Мне дадут двадцать лет. Не могу! А кроме того, я не буду чувствовать себя в безопасности. Как и ты. Так лучше, уверяю тебя. — Чарли посмотрел на нее, улыбнулся. — И, честно говоря, Карен, мы не сможем объяснить все это детям.

— Им нужен отец, понимаешь? — Она глубоко вдохнула. — А что ты собираешься делать? Бегать до конца жизни?

— Нет. Послушай, Карен. Ты говоришь, что эти люди ищут меня. Если со мной что-нибудь случится, у меня есть несколько банковских ячеек. В разных местах. На Сент-Китсе. В Панаме. На Тортоле...

— Мне не нужны твои деньги, Чарли. Я лишь хочу...

— Тсс! — Он остановил ее, взяв за руку. Стиснул ладонь. — «Мустанг» по-прежнему у тебя, так?

— Разумеется, Чарли. Как ты и просил... в завещании.

— Хорошо. Я хочу тебе кое-что сказать, Карен. Очень важное. Если со мной вдруг что-нибудь случится... Правда. Правда, которая всегда была в моем сердце... Ты поймешь, Карен. Пообещай, что согласишься. Тебе это многое объяснит.

— О чем ты говоришь, Чарли? Ты должен поехать со мной. Дать свидетельские показания против этих людей. Если придется, попросить полицию о защите. Но они тебя найдут, Чарльз. Ты не можешь убежать от них до конца своих дней.

— Я и не собираюсь, Карен.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он посмотрел на часы:

— Тебе пора возвращаться. Я подумаю над твоими словами. Но ничего не обещаю. — Он встал, посмотрел на воду, помахал рукой. На «Морском ангеле» Невилл достал то ли мобильник, то ли рацию, отдал какую-то команду. Карен услышала, как заурчал мощный двигатель. Увидела большую белую яхту, появившуюся на траверсе бухты. — Моя. Практически весь прошлый год я прожил на ней. Приглядись повнимательнее на обратном пути. Думаю, название тебе понравится.

Карен смотрела на приближающуюся яхту. Сожалела, что не смогла убедить Чарльза, не нашла более весомых аргументов.

— Пообещай мне насчет автомобиля.

— Пообещать что, Чарли?

— Ты должна в него заглянуть. — Он взял ее за плечи, повернул к себе, потом нежно провел рукой по щеке. — Ты всегда была для меня самой прекрасной, Карен. Прекраснее всего на свете. За исключением разве что моей крошки.

— Чарли, я не могу оставить тебя здесь.

Он поднял глаза к небу.

— Ты должна оставить меня, Карен.

Невилл уже направил «Морского ангела» к берегу. Чарльз взял Карен за руку, повел ее в теплую воду бухты. Дальше она пошла одна, к носу катера. Невилл помог ей подняться на борт. Она повернулась к Чарли. Катер начал отплывать. Чарли стоял на берегу. Волна печали захлестнула Карен. Она чувствовала, что какая-то ее часть навсегда остается в этой бухте. Чарльз выглядел ужасно одиноким... И она не сомневалась, что видит его в последний раз.

— Чарли! — закричала она, перекрывая шум двигателей.

— Я подумаю. — Он помахал ей рукой. — Обещаю. Если изменю свое решение, завтра пришло к вам Невилла. — Он ступил в воду, снова помахал рукой. — «Мустанг», Карен... А потом опустил со лба на глаза солнцезащитные очки.

Карен стояла, держась за поручень. Двигатели «Морского ангела» уже работали на полную мощность, нос катера разрезал воду, поднимая волну. С каждой секундой Чарли уменьшался в размерах. Он все махал ей рукой. По щекам Карен покатались слезы.

— Мне будет не хватать тебя, — прошептала она. — Мне будет очень не хватать тебя, Чарли.

Выплывая из бухты, они прошли рядом с яхтой Чарли, большой, о которой он всегда и мечтал. Карен прочитала название, выведенное золотом на белом корпусе.

«Эмберглюу».

Она чуть не рассмеялась, по щекам вновь потекли слезы. Карен достала из сумки мобильник и сфотографировала яхту, не зная, для чего, не зная, кому она сможет ее показать.

Карен совершенно не обратила внимания на маленький самолет, круживший высоко в небе.

ГЛАВА 88

Карен вернулась в отель далеко за полдень. Хоук сидел в своем номере в кресле, положив ноги на кровать, просматривал отчеты, которые взял с собой, чтобы скоротать время. Страх больше не было. Карен позвонила ему, как только они вышли из бухты, чтобы сказать, что с ней все в порядке. По голосу чувствовалось, что Карен подавлена, и она пообещала все рассказать при встрече.

В дверь постучали.

— Открыто! — крикнул он.

В номер вошла Карен. Выглядела она уставшей. Волосы растрепались. Положила сумку, которую держала в руке, на столик у двери.

— Как все прошло?

Она попыталась улыбнуться:

— Как все прошло?

Она понимала, что вопрос был задан совсем другой: «Что-нибудь изменилось?»

— Вот. — Карен протянула ему пистолет. — Он не убивал этих людей, Тай. Пустые танкеры — его работа, он пытался скрыть свои потери, и он возвращался в Гринвич после взрывов, как ты и говорил. Использовал кредитку покойника. Возвращался, чтобы встретиться с Раймондом, Тай, но не для того, чтобы убить. Хотел объяснить ему, что отца нужно обязательно остановить.

Хоук кивнул.

Карен присела на кровать.

— Я ему верю, Тай. Он сказал, что все произошло у него на глазах и он понял, что обратного пути нет. Эти люди угрожали ему. Я показывала тебе рождественскую открытку и записку, в которой говорилось о собаке. Он думал, что этим спасает нас, Тай, как ни странно это звучит. Но все, что он говорил, похоже на правду.

— Зато его жизнь теперь висит на волоске.

— Он это знает. Я пыталась убедить его сдать власть. Даже рассказала о тебе. Убеждала его, что ничего страшного нет, раз уж он никого не убивал. Да, он совершил подлог, ему придется вернуть деньги, заплатить штраф, возможно, сесть в тюрьму. Но он сможет дать показания на этих людей.

— И?..

— Он сказал, что подумает. Но я ни в чем не уверена. Он испуган. Боится отвечать за содеянное. Боится встретиться лицом к лицу с родными и близкими. Наверное, для него проще бежать. Когда катер отплывал, он махал мне рукой. Я почувствовала, что это и есть его ответ. Не думаю, что я когда-нибудь его увижу.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся, Карен? — спросил Хоук.

— Хочу ли я, чтобы он вернулся? — Она посмотрела на Хоука, покачала головой, и ее глаза блеснули. — В мой дом — нет. Между нами все кончено. Я не смогу снова жить с ним. Да и он, наверное, тоже. Но я кое-что поняла. Когда увиделась с ним и поговорила...

— Что же?

— Мои дети. Они заслуживают правды. Им нужен отец, что бы он ни сделал, если уж он жив.

Хоук кивнул. Это он понимал. У него была Джесси. Что бы он ни сделал. Он шумно выдохнул.

Карен встретила с ним взглядом.

— Ты знаешь, как тяжело далась мне эта встреча, Тай?

— Да, я знаю, — ответил Хоук.

— Увидеть его... — Глаза Карен наполнились слезами. — Увидеть моего мужа, стоящего передо мной. Выслушать его. После всего того, что он сделал...

— Я знаю, каково это, Карен.

— Как? Как такое возможно, Тай?

— Что теперь я могу сделать для тебя?

— Я хочу, чтобы ты меня обнял. Черт бы тебя побрал!.. Я хочу, чтобы ты сказал мне, что я все сделала правильно. Разве ты не чувствуешь? — Ее ладонь опустилась на его бедро. — И я поняла кое-что еще.

— Что же?

Она поднялась и вновь уселась, уже к нему на колени.

— Я поняла, что люблю тебя, Тай. Не близко к этому... — Она улыбнулась. — Всем сердцем. — Карен прижалась к его груди. — Всем сердцем.

Он обнял Карен, ее лицо ткнулось в его плечо. Хоук понял, что она плачет. Карен ничего не могла с собой поделать. Он нежно обнимал ее, ощущая близость теплого тела, и несколько слезинок скатились по его щекам.

– Всем сердцем, – шептала она, прижимаясь к нему. – Пусть такое и кажется невозможным.

Он погладил ее по голове.

– Для нас нет ничего невозможного.

– Знаешь, я не могу позволить ему взять и снова исчезнуть. Я хочу вернуть его домой, к детям. Что бы он ни сделал. Я хочу, чтобы они знали, что их отец жив.

Хоук большим пальцем вытер слезинку на ее веснушчатой щеке.

– Мы найдем способ. Найдем.

Она легонько поцеловала его в губы, прижалась лбом к его лбу.

– Спасибо тебе, Тай.

– Я помогу тебе, но как к этому отнесутся дети?..

– Да ладно... – Она отбросила со лба прядь волос. – Уж им-то я как-нибудь все объясню.

Эту ночь они провели в его номере. Не занимались любовью, просто лежали. Его рука обнимала ее талию, ее тело плотно прижималось к его боку. Тень Чарльза зловеще нависала над ними, словно первые облака надвигающегося грозового фронта.

Около часа ночи Хоук встал. Карен крепко спала. Он надел трусы, подошел к окну, посмотрел на залитое лунным светом море. Что-то его разбудило.

«Черный медведь».

Яхта, которую он видел. Она ворвалась в его сон. Черная, как ночь. И во сне он вспомнил, где видел ее прежде.

В кабинете Дайца. На фотографии.

Дайц стоял на палубе этой яхты в обнимку с кем-то из своих дружков.

Дайц там побывал.

ГЛАВА 89

Чарльз Фрайдман в одиночестве сидел на палубе «Эмберглоу», стоявшей на якоре у острова Гейвинс-Кей. Ночь выдалась тихой. Его ноги лежали на планшире, он уже ополовинил бутылку ямайского рома, который помогал ему принять решение.

Ему следовало этим же вечером сняться с якоря. Его встревожили слова Карен о людях, которые шли по его следу. Он уже купил себе дом в Бокас-дель-Торо, в Панаме. Никто о нем не знал. Никто не смог бы найти его там. А оттуда, возникни такая необходимость, он мог бы перебраться в Тихий океан.

Как она на него смотрела... «Что ты собираешься делать, Чарли? Бегать от нас до конца жизни?»

Не хотелось сейчас думать об этом.

У него появился новый мотив. И причиной стала встреча с Карен. Он не мог вернуться к ней. Эта часть его жизни канула в Лету. Он больше никогда не сможет завоевать ее доверие. Да и не заслуживал этого. Он все понимал.

Но дети. Алекс и Сэм.

В ушах звучали ее слова: «Они простят тебя, Чарльз...»

Простят?

Он подумал о том, как видел их, возвращающихся с торжественной части выпускного вечера. Какую испытал боль, понимая, что может только посмотреть на них, а потом должен уехать. Подумал, как глубоко их облик отпечатался в памяти, как ему хотелось выскочить из машины и обнять их. Может, это и правильно – вернуться к прежней жизни, вернуть хоть какую-то ее часть? Или это фантазии? Пьяные грезы? Вернуть любой ценой. Снова стать Чарльзом Фрайдманом. Отделить себя от этих людей.

Почему они должны победить?

Что он такого сделал? Никого не убил. Мог все объяснить. Отсидеть срок. Заплатить долги. Вернуться в ту жизнь, от которой сам же и отказался.

В полной мере осознавая, что он потерял, Чарльз только сейчас понял, как он об этом сожалеет.

Невилл был на берегу на матросской вечеринке. Утром они намеревались плыть к Барбадосу. Там он хотел покинуть яхту и улететь в Панаму.

Встреча с Карен все спутала.

Годом раньше он стоял перед схожим выбором. Он видел, как убили этого парня. Раздавили колесами у него на глазах. Он видел, как уезжает черный внедорожник. И что-то внутри подсказало ему, что пути назад нет. Что этот мир для него закрыт. Могила уже вырыта. И ему остается только одно: воспользоваться так кстати подвернувшейся возможностью умереть. Мелькнула, конечно, мысль вызвать такси и поехать домой, где наверняка ждала Карен... Встревоженная, не находящая себе места, вслушивающаяся в каждое слово с места трагедии. Объяснить, что не позвонил, будучи не в себе.

Признаться во всем. «Дельфин ойл». «Фэлкон партнерс». Остаться в том мире, где прошла вся его жизнь.

Вместо этого он сбежал.

Вопрос продолжал мучить его: «Почему они должны победить?»

Образы Алекса и Сэм вспыхнули перед мысленным взором Чарльза вместе с ответом: «У них не получится». Он подумал о той радости, которую испытал, находясь рядом с Карен, оттого, что слышал ее голос, произносящий его имя.

«У них не получится». Чарльз поставил бутылку на палубу. Он принял решение.

Побежал вниз. Нашел мобильник в своей каюте, направил сообщение Невиллу, подробно объяснив, что он хочет от своего капитана. Слова продолжали звенеть в ушах: «У них не получится». Он подошел к столику, на котором стоял ноутбук, включил его. Вошел в Интернет, открыл почтовый ящик, написал Карен письмо.

Перечитал его. Да. Душа пела. Первый раз за год он почувствовал, что вновь живет. «У них не получится». Подумал о том, что вновь увидит ее. Обнимет детей. Он мог вернуть себе прежнюю жизнь.

Отправил письмо.

С палубы донесся шум, словно к яхте причалила лодка. Видимо, Невилл вернулся с вечеринки. Чарльз позвал капитана, направляясь к трапу, чтобы подняться на палубу. Сердце его радостно билось.

– Планы меняются...

???????????????? пропущен текст

енастый, широкоплечий, с маленькими усами. Второй – высокий, тощий, в цветастой рубашке и шортах. Высокий держал в руке пистолет.

Оба выглядели крайне довольными, как бывает, когда долгая охота подходит к концу и дичь наконец-то на мушке. Усатый широко улыбнулся:

– Привет, Чарльз!

ГЛАВА 90

– Тай, просыпайся! Посмотри!

Карен стояла у кровати, трясла его за плечо.

Хоук сел. Он долго не мог заснуть, из головы не выходила эта черная яхта.

– Письмо от Чарли! – возбужденно воскликнула Карен. – Он хочет, чтобы мы встретились с ним.

Хоук посмотрел на часы. Почти восемь. Никогда он не спал так долго.

– Встретились где?

Карен, в халате, только что из душа, сунула ему под нос блэкберри. Хоук, разгоняя остатки сна, уставился на дисплей мобильного.

Карен. Я обдумал твои слова. Я рассказал тебе не все, что знаю. Невилл будет у тебя в десять утра и привезет ко мне. Можешь взять с собой кого хочешь. Пора пришла. Ч.

Она победно хлопнула по руке Хоука.

– Он собирается вернуться с нами, Тай!

Карен отправилась к себе переодеваться, и встретились они уже внизу, за завтраком. Вот там Хоук и предупредил Карен, пусть и боялся охладить ее энтузиазм, что Чарльза скорее всего сразу же арестуют. Бреясь, он решил, что Чарльз должен вернуться в Штаты по собственной воле, и Хоук мог только отвести его в полицейский участок. Если б он обратился к местным властям, то Чарльза посадили бы в местную тюрьму, дожидаться экстрадиции. А этот процесс мог растянуться на недели, а то и на месяцы. Экстрадицию могли оспорить. Чарльз мог струсить. А Дайц и его люди уже кружили где-то неподалеку.

Около десяти часов Карен и Хоук вышли на пирс. Невилл, на белом катере «Морской ангел», как раз подходил к пирсу.

Карен помахала ему рукой.

– Доброе утро, Мадам! – прокричал Невилл, подводя катер ближе.

Когда судно пришвартовалось, матрос, обслуживающий пирс, помог Карен перебраться на палубу. Хоук последовал за ней.

– Вы отвезете нас к мистеру Фрайдману?

– К мистеру Хансону, мадам. Он попросил меня привезти вас.

– Мы поплывем в то же место?

– Нет, мадам. На яхту в море. Это недалеко.

Хоук сел у кормы, Карен – напротив него. Матрос бросил Невиллу швартовый канат. Хоук нащупал в кармане «беретту». Он взял пистолет с собой, потому что всякое могло случиться.

Они снова направились на запад, не уходя далеко в открытое море, продвигаясь от одного островка к другому. Над ними синело чистое небо, но день выдался ветреным, катер сильно качало, двигатели натужно ревели.

Хоук и Карен практически не разговаривали, занятые своими мыслями. Чарльз мог пролить свет на убийство Эй-Джея Раймонда, с расследования которого все и началось. Карен скорее всего размышляла о том, что скажет детям.

Когда они миновали четыре острова, Невилл сбросил скорость. Хоук сверился с картой. Эта полоска песка называлась Гейвинс-Кей. Северную часть острова занимал крошечный городок Эмисвилль. В южной части, куда они направлялись, поселений не было. Они обогнули край острова.

— Он там! — указал Невилл.

Большая белая яхта покачивалась на якоре в подковообразной бухте.

Хоук, держась за ограждающий поручень, перебрался на нос. Карен последовала за ним. Длина яхты была футов шестьдесят. На корме развевался панамский флаг.

Невилл сбросил ход до самого малого. «Морской ангел» неспешно приближался к яхте. Капитан поднес ко рту рацию:

— «Морской ангел» вызывает мистера Хансона.

Ответа не последовало.

Расстояние до яхты составляло уже менее четверти мили. На палубе Хоук никого не видел. Невилл вновь поднес рацию ко рту. Произнес ту же фразу. Только голос стал резче.

— Что происходит? — крикнул ему Хоук.

Капитан с Тринидада посмотрел на часы, пожал плечами:

— Там никого нет.

— Что-то не так, Тай? — сразу же встревожилась Карен.

Он покачал головой:

— Я не знаю.

На малой скорости они подходили к левому борту. Якорная цепь была спущена под воду. На палубе так никто и не появился.

— Когда вы говорили с ним в последний раз? — спросил Хоук Невилла.

— Я не говорил. — Капитан пожал плечами. — Он оставил сообщение на моем сотовом телефоне вчера вечером. Попросил забрать вас в десять утра и доставить сюда.

До яхты оставалось менее пятидесяти ярдов.

Никаких признаков жизни на борту.

Хоук вытянулся во весь рост, пытаясь заглянуть на палубу.

Невилл подвел катер еще ближе.

— Мистер Хансон! — позвал он.

Молчание. Настораживающее молчание.

Карен положила руку на плечо Хоука.

— Мне это не нравится, Тай.

— Мне тоже. — Он достал из кармана «беретту». Схватился за поручень яхты, когда «Морской ангел» подошел вплотную. Посмотрел на Карен. — Пока оставайся здесь.

Запрыгнул на палубу.

— Есть здесь кто-нибудь?

На палубе не было ни души, зато царил полнейший беспорядок. Крышки рундуков подняли, дверцы шкафчиков открыли. Хоук заметил пустую бутылку из-под рома. Он наклонился, коснулся пальцем маленького пятнышка, поднял палец, и увиденное ему определенно не понравилось.

Кровь.

Он повернулся к Карен, которая смотрела на него с палубы «Морского ангела». На ее лице читалась тревога.

— Оставайся там.

Сняв пистолет с предохранителя, Хоук спустился вниз. Попал на камбуз. Опять увидел распахнутые шкафчики. Раковина завалена тарелками и кастрюлями, содержимое полок и ящиков стола — на полу. Хоук двинулся дальше, к корме. Поочередно заглянул в три каюты. В первых двух постели были сброшены на пол, в каютах царил хаос. Третья, самая большая, выглядела так, словно по ней прошелся смерч. Разорванные простыни, испорченный матрас, ящики вывернуты, всюду разбросана одежда.

И опять взгляд Хоука нашел на полу красные капельки крови.

Он вернулся на палубу.

— Никого! — крикнул он Карен. Невилл пришвартовал катер и помог ей подняться на палубу яхты. — Никого нет.

— Что значит — никого? А где же тогда Чарльз? — Голос Карен звенел от волнения.

— «Зодиак» на месте! — Невилл указал на желтый надувной плот, подразумевая, что Чарльз не уплыл на остров.

— Кто еще знал, что он здесь?

— Никто. Мистер Хансон обычно ни с кем не общался. Мы пришли сюда только вчера, во второй половине дня.

Лицо Карен напряглось.

– Мне это не нравится, Тай. Он хотел, чтобы мы встретились с ним.

Хоук посмотрел на бухту, расположенную в двух или трех сотнях ярдов. Чарльз мог быть где угодно. Мертвый. Под замком. На другой яхте. Он не хотел говорить Карен про кровь, чтобы не усугублять ситуацию.

– Где тут ближайший полицейский участок? – спросил он Невилла.

– В Эмисвилле, – ответил капитан. – Шесть миль отсюда. Северная часть острова.

Хоук кивнул:

– Вызовите их по радио.

– Ох, Чарли... – Карен покачала головой.

Хоук прошел на нос. Здесь тоже были капли крови. Вроде бы вели они к плану. Хоук перегнулся через борт. Увидел якорную цепь, уходящую в воду.

– Невилл, – крикнул он, – подождите!

Капитан, уже поднявшийся в рубку, повернулся к нему с рацией в руках.

– Вы знаете, как поднять якорь?

– Разумеется.

– Поднимите его.

Карен шумно вдохнула.

– Зачем?

Невилл бросил еще один взгляд на Хоука и что-то нажал в рубке. Загудел электродвигатель, и якорная цепь пришла в движение, медленно наматываясь на лебедку. Хоук наклонился над бортом, всматриваясь в воду.

– Не подходи! – Он коротко глянул на Карен.

– Тай, что происходит? – В голосе Карен зазвучали истерические нотки.

– Не подходи! – повторил Хоук. Гудел электромотор, новые звенья цепи поднимались из воды. Потом показалось что-то еще. Привязанный к цепи конец рыболовного фала. С налипшими водорослями.

– Тай?..

Предчувствие Тая не обмануло. Вслед за вторым концом фала показалась рука.

– Невилл, стоп! – Хоук повернулся к Карен. Выражение его лица объяснило ей все.

– Господи, Тай, нет...

Она побежала к борту, чтобы взглянуть. Хоук перехватил ее, прижал лицом к груди.

– Не надо...

Держал ее крепко, хоть она и пыталась вырваться. Дал знак Невиллу еще чуть поднять якорную цепь, та пошла вверх вместе с фалом. Из воды показался труп.

Сердце Хоука упало.

Чарльза он видел только на фотографиях в доме Карен, а теперь смотрел в раздувшееся, изменившееся почти до неузнаваемости лицо. И не давал Карен посмотреть вниз.

– Это он? – спросила она, перестав вырваться.

Голова Чарльза поднялась над поверхностью воды. Глаза уставились в пустоту.

Хоук вскинул руку, давая Невиллу команду остановить подъем.

– Это он, Тай? – повторила Карен, глотая слезы.

– Да, это он. – Хоук еще крепче прижал ее к себе, чувствуя, как она дрожит. – Это он.

ГЛАВА 91

Катер с одетыми в белую форму полицейскими из Эмисвилля прибыл через час. На борту находился и местный детектив.

Они подняли труп.

Карен и Тай стояли рядом, наблюдая, как тело Чарльза вытаскивают на палубу, очищают от водорослей, разрезают фал, которым его привязали к якорной цепи.

Хоук сообщил, что он полицейский детектив из Соединенных Штатов, поговорил с местным коллегой по фамилии Уилсон, тогда как Карен не отрывала рук от лица. Хоук объяснил, что она бывшая жена мистера Хансона, они больше года не виделись, а теперь вот решили встретиться. Сказал, что они понятия не имеют, кто мог совершить столь чудовищное преступление. Наверное, грабители. С учетом того, что на яхте все перевернуто вверх дном. Хоук решил, что так будет проще всего. Он прекрасно понимал, что расследование лучше вести в Соединенных Штатах, не связываясь с местными властями, а такого бы не получилось, если бы они рассказали об истинных причинах своего приезда сюда и о прошлом Чарльза. Поэтому они сообщили местному детективу свои имена, фамилии и адреса в Соединенных Штатах и дали короткие показания. Сказали, что мистер Хансон занимался инвестициями. Хоук не сомневался, что при проверке не понадобится много времени, чтобы выяснить настоящую фамилию Чарльза.

Детектив вежливо их поблагодарил, но, похоже, нашел их версию сомнительной.

Двое полицейских подняли тело Чарльза, чтобы уложить в желтый пластиковый мешок. Карен попросила их положить мужа на палубу. Они согласились.

Она опустилась рядом с ним на колени. Знала, что уже прощалась с ним много раз, что пролила все положенные слезы. Но теперь, глядя на спокойствие, разлитое по распухшему, синюшному лицу, вспоминая душевную боль и смиренную улыбку, которую видела днем раньше, заплакала вновь. Горячие слезы потоком потекли по щекам.

— Ох, Чарли...

Нахлынули воспоминания. Их первая встреча (на благотворительном мероприятии), Чарли во фраке, в красном галстуке. В очках с роговой оправой. Фраза, которая сразу очаровала ее: «Что вы такое совершили, что вас усадили рядом с этими занудами?» Их свадьба в «Пьере». День открытия хеджевого фонда «Харбор кэпител», первая сделка (с акциями «Холлобертон», она помнила), будущее, представлявшееся радужным и безмятежным. Как он болел на играх Алекса, радовался каждому забитому голу, оглушительно хлопал, кричал: «Давай, Алекс, давай!»

То утро, когда он крикнул, перекрывая шум фена, что должен оставить «мерседес» на техобслуживание и поехать в город на поезде.

Карен вытерла слезы.

— Как ты мог такое допустить, Чарли? Что я скажу детям? Кто будет скорбеть по тебе теперь, Чарли? Что мне теперь с тобой делать?

Но, как ни старалась Карен, простить его она не могла. И при этом он оставался человеком, бок о бок с которым она провела почти двадцать лет своей жизни. Делила все радости и горести. Который был отцом ее детей.

И днем раньше она увидела раскаяние в его глазах, осознание того, сколь много он потерял.

Сэм. Алекса. Ее...

— Что мне теперь с тобой делать, Чарли?

— Карен... — Хоук подошел сзади, мягко положил руки ей на плечи. — Им надо делать свою работу.

Она кивнула. Положила пальцы на веки Чарльза, закрыла ему глаза. Так-то лучше. Теперь она видела лицо, которое хотела сохранить в памяти. Она встала и привалилась к Хоуку.

Тело уложили в мешок. Один из полицейских застегнул молнию.

На том все и закончилось. Он ушел.

— Они нас отпускают, — прошептал Хоук на ухо Карен. — Я оставил им мой контактный телефон. Если что-то всплывет, а всплывет обязательно, они захотят снова поговорить с нами.

Карен кивнула.

— Знаешь, он возвращался в Штаты. — Она повернулась к Хоуку. — В день выпускного Саманты. Сидел в машине на другой стороне улицы и наблюдал. Я хочу, чтобы он вернулся с нами, Тай. Я хочу, чтобы дети узнали, что случилось. Он был их отцом.

— Мы можем попросить выслать тело в Штаты, как только судебный медик проведет вскрытие и напишет заключение.

Карен всхлипнула:

— Хорошо.

Они перебрались на «Морского ангела» и оттуда наблюдали, как тело Чарльза перегружают на полицейский катер.

— Эти люди нашли его, Тай... — Карен боролась с закипающей злостью. — Он вернулся бы с нами. Я это знаю. Вот почему он прислал это электронное письмо.

— Его нашли не они, Карен. — У Хоука не выходила из головы черная яхта, которую он увидел рядом с Сент-Губертом. — Его нашли мы. И привели их к нему. — Он посмотрел на яхту. — И главный вопрос: что же они там искали?

ГЛАВА 92

Может, и привели, согласилась Карен с выводом Хоука, вновь и вновь вспоминая вытасченное из воды тело Чарльза.

Может, за ними следили. Может, именно через них эти люди вышли на него.

Но кто именно?

Хоук рассказал ей о большой черной яхте, которую заметил в день ее встречи с Чарльзом. Фотографию которой видел на стене в кабинете Дайца. Карен вспомнила маленький самолет, круживший высоко над островом, когда она прощалась с Чарльзом, хотя тогда внимания на него не обратила.

Однако теперь все это ничего для нее не значило.

Встреча с Чарли, его раздутое тело, его деяния, причиненная им боль — вот что не отпускало ее. Полжизни они провели вместе. Делились всеми радостями и горестями. И Карен не могла отделить свою жизнь от его — так сильно они были переплетены.

Вернулись слезы, которые принесли бурю эмоций. Для нее он умер второй раз. Она и представить себе не могла, что для нее, похоронившей его единожды, а потом разозлившейся на него до белого каления, эта вторая смерть Чарли окажется таким сильным ударом. А кто его убил и почему – на эти вопросы полагалось отвечать Таю.

Домой они улетели на следующий день. Хоук стремился вернуться в Соединенные Штаты до того, как расследование смерти Стивена Хансона наберет ход. Прежде чем им придется что-либо объяснять.

И Карен... Она хотела как можно скорее выбраться из этого мира кошмаров. Дома Хоук оставил Карен с ее подругой Полой. Полагал, что ей нельзя быть одной. И Карен наконец-то пришлось открыться.

– Даже не знаю, с чего начать... – Карен взяла подругу за руку. – Ты должна поклясться, Пола, что это останется между нами. Только между нами. Ты не скажешь никому. Даже Рику.

– Разумеется, не скажу, – согласилась Пола.

Карен стлотнула слюну. Покачала головой, выдохнула. Посмотрела на подругу.

– Ты помнишь тот документальный фильм?

В тот же день Хоук поехал в Гринвич. В полицейский участок. Заглянул к своим детективам, чтобы поздороваться, и сразу направился в кабинет Фицпатрика на четвертом этаже.

– Тай! – радостно воскликнул Фицпатрик, поднимаясь из-за стола. – Все только и гадают, когда же ты вернешься. Тебя ждут несколько дел, если ты готов приступить к работе. Где ты был?

– Присядь, Карл.

Начальник полиции медленно сел.

– Не нравится мне твой тон.

– И это правильно. – Хоук встретился с боссом взглядом. – Ты помнишь дело о наезде, которое я расследовал?

Фицпатрик вздохнул:

– Да, помню.

– Что ж, у меня есть новая информация.

Хоук рассказал ему все. От начала и до конца.

Карен. Телефонный номер и фамилия Чарли в кармане жертвы. Поезда в Пенсаколу. Офшорные компании, завязанные на Чарли. Визит в дом Дайца (здесь у Фицпатрика округлились глаза). Схватка с Ходжесом...

– Что за бред ты несешь, лейтенант? – Начальник полиции откинулся на спинку кресла. – Какие у тебя были основания для проникновения в тот дом? Что ты вообще там делал? И почему, твою мать, ты не сообщил о применении табельного оружия?

– Можешь не напоминать мне про должностные инструкции, Карл. Я их помню.

– В этом я не уверен, Тай. Может, у тебя случаются провалы в памяти?

– Об этом поговорим чуть позже. Я еще не закончил.

И Хоук рассказал о втором наезде, уже в Нью-Джерси. О том, что единственным свидетелем того происшествия был Дайц.

– Это были убийства, Карл. Совершенные для того, чтобы заткнуть людям рты. Чтобы замаскировать инвестиционные убытки. Я знаю, что поступал неправильно. Я знаю, что за это меня могут наказать. Но эти наезды не несчастные случаи. Это убийства, Карл!

Начальник полиции помассировал виски.

– Хорошая новость – ты нашел предостаточно материала для возобновления расследования. Плохая – твои находки могут быть использованы против тебя. И ты это прекрасно понимаешь, Тай. Почему ты на этом не остановился?

– Я рассказал еще не все, Карл.

– Иисус, Мария... – простонал Фицпатрик.

И Хоук выложил события последних дней. Поездка на остров Сент-Губерт. С Карен. Встреча с Чарльзом...

– Как вы его нашли?

– Это как раз не важно. – Хоук пожал плечами. – Просто нашли. – И он перешел к вытащенному из воды телу, к тому, что поделился с местной полицией далеко не всем, что знал.

– Господи, Тай, да ты действительно постарался нарушить каждую должностную инструкцию.

– Нет. – Хоук улыбнулся и покачал головой, наконец-то закончив рассказ. – Я всего лишь делал то, что считал правильным, Карл.

– Думаю, мне придется забрать твой жетон и табельный пистолет, Тай.

Прежде чем покинуть полицейский участок, Тай подошел к компьютеру на втором этаже. Детективы тут же окружили его.

– Вы вернулись на работу, лейтенант?

– Не совсем, – ответил он. – Пока еще нет.

Он вышел в Интернет, в поисковой строке «Гугла» набрал «Черный медведь».

Несколько сайтов о дикой природе... Таверна в Вермонте... Лишь на третьей странице он нашел то, что искал.

Сайт Перини Нави, известного итальянского судостроителя.

«Черный медведь». Яхта класса «люкс». Клипер длиной в 88 метров (290 футов), самая большая частная яхта в мире. Два двигателя мощностью по 1800 лошадиных сил каждый. Максимальная скорость – 19,5 узла. Три мачты из углепластика высотой в 55 метров, полная площадь парусов – 25 941 квадратный фут. На яхте шесть кают, спутниковые системы связи и телевидение (плазменные панели, в кают-компании – с диагональю 50 дюймов), тренажерный зал. Яхта рассчитана на 12 пассажиров при команде в 16 человек.

Впечатляет, подумал Хоук, продолжив поиск. На следующей странице, на сайте онлайн-журнала любителей плаваний под парусом, он нашел то, что искал.

Чуть откатился от компьютера. Долго смотрел на имя и фамилию. Он знал этого человека. Однажды даже побывал в его доме. В том самом доме.

«Черный медведь» принадлежал российскому финансисту Григорию Ходошевскому.

ГЛАВА 93

«Мы привели их к нему, Карен».

После возвращения домой, после разговора с Полой, поклявшейся хранить тайну, Карен только и думала, кто же это мог

быть?

«Привели кого?»

Она никому не говорила, куда они едут. Сама заказывала и билеты, и номера в клубном отеле. Стараясь отвлечься от жуткой смерти Чарльза, Карен начала вспоминать все с самого начала.

Документальный фильм. Ужас, вызванный появлением его лица на экране телевизора. Потом присланный по почте лист из блокнота... без обратного адреса. Лист, который привел к фальшивому паспорту и деньгам.

Мужчины из «Арчера», подонок, напугавший Сэм на автостоянке. Кошмарные вещи, найденные в столе Чарльза: рождественская открытка и записка о Саше. Встреча с Чарли на берегу. Потом яхта.

«Кто же пытался тебя найти, Чарльз? Кто, Чарли, кто? Скажи мне! От кого ты бежал? Почему они хотели найти тебя после твоей смерти?»

Она знала, что Тай поехал в полицейский участок. Не сомневалась, что расследование этих дел о наезде начнется вновь. И полиция сможет найти клиентов Чарльза.

«Скажи мне, Чарли? Как они узнали, что ты жив?»

Он сказал, что они, должно быть, проследили путь денег. Что они хотели от него через год после смерти? Они думали, что он присвоил все их деньги?

Карен посмотрела в окно. Она получила несколько писем от детей и уже ответила на них. Письма подняли ей настроение. Сэм и Алекс были в полном восторге от поездки.

Через открытые ворота гаража она видела «мустанг» Чарли, стоящий у дальней стены.

Внезапно из памяти выплыли слова Чарли: «Правда, которая всегда была в моем сердце».

«Что же случилось с тобой, Чарли? Почему ты не захотел сразу обо всем рассказать? Почему все скрыл от меня?»

Что он сказал, когда она надавила? «Даже не хочу, чтобы ты знала об этом».

«И о чем мне не следовало знать, Чарли?»

Мысли вновь перенеслись на детей, но одна фраза Чарли не давала покоя, занозой сидела в голове.

«Правда... всегда была в моем сердце».

Карен встала. Ее прошиб пот. Вновь она выглянула в окно.

Посмотрела на автомобиль Чарли.

«"Мустанг" по-прежнему у тебя, так?»

В тот день она не придавала его словам никакого значения...

«Господи!»

Карен выбежала из кабинета. Тоби помчался за ней, обогнал, первым влетел в гараж.

Вот она! На заднем бампере «мустанга». Где всегда и была. Наклейка. Карен видела ее, проходила мимо каждый день, из года в год. Слова: «Любовь моей жизни».

Написанные на большом красном сердце.

По телу Карен пробежала дрожь.

– Ох, Чарли, – простонала она. – Если ты намекал не на это сердце, пожалуйста, не считай меня гребаной идиоткой.

Карен присела у заднего бампера. Тоби, заинтересовавшись, обнюхал его. Карен оттолкнула собаку.

– Подожди, милый, сейчас не до тебя.

Сунула руку под хромированный бампер, пощупала.

Ничего. А что она собиралась найти? На пальцах остались пыль и грязь, которые копились там годами. Но она не желала признать свое поражение.

«Тебе это многое объяснит». Она вновь сунула руку под бампер, чуть дальше.

– Я стараюсь, Чарли, – пробормотала она. – Я стараюсь.

Теперь она искала как раз за «сердцем».

И пальцы на что-то наткнулись. На что-то маленькое. Закрепленное внутри бампера.

У Карен учащенно забилось сердце. Она просунула руку дальше, вцепилась в этот предмет, дернула.

И он – что бы это ни было – оторвался от бампера.

Маленький предмет, завернутый в пузырьковый полиэтилен.

Карен перевела взгляд на Тоби.

– Это же надо!

ГЛАВА 94

Карен принесла сверток на кухню. Из ящика достала нож, аккуратно перерезала клейкую ленту, развернула сверток. В нем оказался... мобильник.

Такого она у Чарльза никогда не видела. Она помнила, что пользовался он блэкберри. После взрыва на Центральном вокзале его не нашли. Карен смотрела на мобильник и боялась взять его в руки.

– Что ты пытаешься мне сказать, Чарли? – спросила она вслух.

Наконец включила. К ее полному изумлению (после первой «смерти» Чарльза прошло столько времени), экран тут же засветился.

«Введите код».

«Черт!» Разочарованная Карен положила мобильник на стол.

Прикинула, каким может быть пароль, установленный Чарли. Начала с самого очевидного. 0716. День их свадьбы. Число в электронном адресе. Нажала кнопку ввода.

Безрезультатно. «Введите код».

«Дерьмо!» Она набрала 0123 – день его рождения. С тем же успехом. 0821 – ее день рождения. Неправильно. Затем Карен попробовала дни рождения детей: 0330 и 1112. Увы. Она начала раздражаться. Даже если она шла в правильном направлении, вариантов могло быть множество. Код мог быть трехзначным – следовало убрать ноль из месяца. А может, и пятизначным, с включением года.

«Дерьмо!»

Карен села. Взяла блокнот со столика. Решила, что составит все комбинации, а потом наберет их.

И тут ее осенило. Что еще сказал Чарли в тот день? Что-то вроде: «Ты прекраснее всего на свете. За исключением разве что моей крошки».

Крошка Чарли!

Не раздумывая, Карен набрала слово «Эмберглоу».

И тут же слова «Введите код» исчезли с дисплея.

ГЛАВА 95

Сол Ленник сидел в библиотеке своего дома на Дирфилд-роуд, на территории Гринвичского загородного клуба, слушал «Турандот» Пуччини. Опера настраивала на нужный лад. Он просматривал повестку дня ближайшего совета директоров «Метрополитен-опера», членом которого являлся. Из окна открывался вид на прекрасный, с высокими деревьями парк, с дорожкой, которая вела к подсвеченной беседке у пруда.

Зазвонил мобильник.

Ленник откинул крышку: он ждал этого звонка.

– Я вернулся, – доложил Дайц. – Можешь успокоиться. Дело сделано.

Ленник закрыл глаза, кивнул.

– Как?

– Какая разница? Вроде бы у твоего давнего друга Чарльза обнаружилась склонность к ночным купаниям.

Новость вызвала у Ленника облегчение. С усталых плеч разом свалился немалый груз. Это решение далось ему нелегко. Чарльз действительно был другом. Сол знал его

более двадцати лет. Они вместе переживали подъемы и падения. Он опечалился, когда ему сообщили, что Чарльз погиб при взрывах на Центральном вокзале. Сейчас он не почувствовал ничего. Чарльз давно уже превратился в помеху, от которой следовало избавиться.

Ленник не почувствовал ничего... разве что понял: он способен и на такое.

– Удалось что-нибудь найти?

– Nada {Нет (исп.)}. Бедняга все унес с собой в могилу, уж не знаю, что у него там было. А ты знаешь, я умею убеждать людей. Его яхту мы обыскали с носа до кормы. Даже разворотили машинное отделение. Ничего.

– Это нормально. – Ленник вздохнул. – Может, ничего и не было. В любом случае он получил по заслугам.

Может, это всего лишь страх? «Инстинкт выживания», – поправил себя Ленник. Просто удивительно, каким изворотливым становится человек, если чувствует, что над ним нависла угроза.

– Возможно, проблемы остаются, – ворвался в его мысли голос Дайца.

– Проблемы? – «Детектив, – вспомнил Ленник. – Он, наверное, уже вернулся».

– Чарльз встретился с женой. Прежде чем мы смогли добраться до него. Они с копом нашли его.

– Да, – с печалью в голосе согласился Ленник, – это нехорошо.

– Они проговорили пару часов на острове. Я бы попытался сделать что-то там, но кругом было полно местных копов. Он знает про оба наезда. Знает и Ходжеса. И одному только Богу известно, что твой дружок Чарльз наговорил своей жене.

– Согласен, ждать нельзя, – решил Ленник. Он и так тянул слишком долго. – Где они сейчас?

– Здесь.

– Гм-м... – Ленник учился в Йеле. В свое время он был самым молодым партнером в «Морган Стэнли». А теперь водил знакомство с наиболее могущественными людьми этого мира. Мог позвонить любому, и они взяли бы трубку. У него был прямой телефон гробаного министра финансов. И у него было четверо любящих внучат...

Но когда дело касалось бизнеса, приходилось соблюдать предельную осторожность.

– Давай сделаем то, что нужно сделать, – заключил он.

ГЛАВА 96

– Меня отстранили от службы на время дисциплинарного расследования, – сообщил Хоук Карен.

Они вновь сидели в «Аркадии». Карен позвонила ему часом раньше. Сказала, что им нужно увидеться по важному делу. Они встретились в городе.

– Тебя не уволят? – спросила она.

– Не знаю. – В голосе Хоука слышалось смирение. – Полицейским года мне, конечно, уже не стать. Я рассказал им все. – Он улыбнулся. – От начала и до конца. Будет разбирательство. Проблема в том, что я никак не помогу себе теми сведениями, что добыл в Нью-Джерси. Зато я связал два дела о наезде... И я уверен, что Паппи Раймонд покажет под присягой, что именно Дайц принуждал его забыть про танкеры. Это должно помочь... а потом, возможно, выявится что-то еще.

– Извини, что так вышло. – Карен коснулась его руки. Глаза, однако, сверкали, а губы разошлись в улыбке. – Думаю, я смогу вам помочь, лейтенант.

– Это ты о чем? – Он встретился с ней взглядом.

Ее улыбка стала шире.

– Я думаю, уже выявилось. – Она сунула руку в сумку. – Подарок. От Чарли. Он оставил его там, где я могла его найти. Упомянул о нем во время нашего разговора на острове. Сказал, что хочет, чтобы я побольше узнала о случившемся с ним. Насчет правды в его сердце. Я думала, он несет чушь. И других мыслей у меня не было, пока я это не увидела.

– Увидела что?

– Сердце! – Карен просияла. – «Мустанг» Чарли, Тай. Его крошка!

Она протянула ему мобильник. Хоук посмотрел, не понимая, чего от него хотят.

– Я нашла его под задним бампером «мустанга». Вот почему Чарли не хотел, чтобы я продавала автомобиль – он спрятал там этот мобильник. И хотел, чтоб он попал ко мне в руки.

– И что там?

Она улыбнулась:

– Сначала я не поняла. Проверила «Контакты». Возможно, ты найдешь там интересные номера. Мне они ничего не дали. Потом я подумала, что мобильник – это еще и картинки. Может, он сделал фотографии, которые кого-то компрометируют. Зачем-то же он спрятал

этот аппарат. Я зашла в «Галерею», потом в «Фотографии». — Карен откинула крышку мобильного. — Там тоже ничего не нашла.

Хоук взял мобильник.

— Я могу показать его нашим экспертам.

— Нет необходимости, лейтенант. Я сама во всем разобралась! Это голосовая запись. Никогда не знала, что телефоны можно использовать в качестве диктофонов, но вот эта опция, рядом с «Камерой». Туда я и вошла. — Карен вновь взяла мобильник, открыла «Диктофон». — Смотри. Это и есть твое «что-то еще». Подарок от Чарли. Прямо из могилы.

Хоук смотрел на нее.

— Тебя, похоже, эта находка не слишком порадовала.

— Послушай сам. — И она включила запись.

Высокий голос: «Ты думаешь, мне нравится ситуация, в которой я оказался?»

Хоук посмотрел на Карен.

— Это Чарльз, — пояснила та.

— Ты думаешь, мне нравится это мое крайне неприятное положение? Но я в него попал. И я не могу допустить, чтобы все оставалось по-прежнему.

— Не совсем так, — ответил второй голос. И Хоук точно знал, что где-то уже слышал его. — Мы в одной лодке, Чарльз.

Карен посмотрела на Хоука. Глаза горели жадной мести.

— Это Сол Ленник.

Хоук моргнул.

— В этом-то и проблема, Чарльз, — продолжал Сол. — Ты думаешь, что ты единственный, кто собирается пойти на дно из-за собственных ошибок. Я буду с тобой откровенен. Ты знал, каковы ставки. Ты знал, кто эти люди. Если хочешь играть по-крупному, Чарльз, ты должен располагать соответствующими фишками.

— Я получил собственную рождественскую открытку, Сол. От кого еще она могла прийти? Ради Бога, на ней вырезали лица детей!

— И у меня есть внуки» Чарльз. Ты считаешь себя единственным, у кого петля на шее? — Пауза. — Я говорил тебе, что нужно делать. Я говорил тебе, как разрулить ситуацию. Я говорил тебе, что ты должен заткнуть рот этому упрямцу. А теперь что?

— Слишком поздно. В банке что-то уже подозревают...

— С банком я разберусь, Чарльз! Но ты... ты должен сам подчистить собственное дерьмо. Если не удастся, уверяю тебя, есть другие способы.

— Какие другие способы?

— У него есть сын. Мне говорили, он живет здесь. — Пауза. — Средство для достижения цели. Эту концепцию особенно хорошо понимаешь, когда тебя грозят утянуть на дно.

— Он всего лишь старый дурак, Сол.

— Он собирается обратиться к прессе, Чарльз. Ты хочешь, чтобы журналисты начали разрабатывать его выдумку об угрозе национальной безопасности и раскопали сам знаешь что? Я позабочусь о том, чтобы старик заткнулся. У меня есть люди, которые занимаются такого рода делами. А ты должен разобраться со своим балансом, Чарльз. У нас есть месяц. Месяц, Чарльз, и больше никаких проколов. Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты не единственный, у кого петля на шее.

И совсем тихо:

— Я понял, Сол.

Хоук посмотрел на Карен.

— Это был Сол. — Она боролась со слезами. — Дайц и Ходжес — они работают на него.

Хоук накрыл ее руку своей.

— Это ужасно, Карен.

Карен погрузилась.

— Чарльз любил его, Тай. Сол был с нами всю нашу жизнь. Как его старший брат. — Она стиснула зубы. — Он произнес речь на мемориальной службе. И так поступил с ним... Это был Сол, Тай. Господи Иисусе, я же обращалась к нему, когда приходили эти люди из «Арчера». Когда напали на Сэм. Мне просто дурно.

Хоук сжал ее руку.

— Я позвонила ему перед нашим отъездом, Тай. Не сказала точно, куда мы летим, но скорее всего он догадался. — У нее посерело лицо. — Может, за нами и следили, я не знаю.

— Ты все сделала правильно, Карен.

— Но ты сам сказал, что мы привели их к нему! — Она взяла со стола мобильник. — Вот что они искали, переворачивая яхту вверх дном. Чарльз, наверное, сказал Солу, что у него есть компромат. До взрывов. Страховка. А потом каким-то образом они выяснили, что он жив. — Карен шумно выдохнула, злясь на себя: никак не ожидала, что ее предаст близкий человек. — И что нам теперь делать?

— Сейчас ты поедешь домой. Соберешь чемодан и будешь ждать меня. Если мы привели этих людей к Чарльзу, они знают, что ты с ним встречалась.

– Хорошо. А ты?

Он потянулся за мобильником.

– Я поеду к себе и сделаю копию этой записи. На всякий случай. Потом позвоню Фицпатрику. К утру у меня будет ордер на арест этих людей. Прежде чем они убьют кого-нибудь еще.

– Они убили Чарльза. – Кулаки Карен сжались. Она пододвинула мобильник к Хоуку, – Используй его, Тай. Чарльз хотел, чтобы я вывела их на чистую воду. Не позволяй им и на этот раз взять верх.

– Обещаю тебе, ничего у них не выйдет.

ГЛАВА 97

Карен поехала домой.

Пальцы нервно подрагивали на руле. Желудок судорожно сжимался. Ей грозила опасность?

Как Сол мог так поступить с ней? С Чарльзом?

Все эти годы она доверяла ему, как родному. Всегда обращалась к нему за поддержкой. Ее чуть не вырвало. Он лгал ей. Использовал ее, чтобы добраться до Чарльза, а раньше использовал его самого. И Карен знала, что сама во всем виновата. Из-за собственной доверчивости. Даже в смерти Чарльза.

Она вспомнила, как Сол выступал на мемориальной службе и очень тепло говорил о Чарльзе... Как он, наверное, смеялся в душе, как его это все развлекало. Ведь судьба сделала ему такой щедрый подарок, отвела потенциальную угрозу.

А потом выяснилось, что Чарльз жив.

Чарли знал? Представлял себе, кто за ним охотится? Он думал, что это инвесторы, чьи деньги он растратил. «Они плохие люди, Карен...» Но Дайц и Ходжес, они работали на Сола. Перепугавшегося делового партнера Чарли. Который всего лишь прикрывал свою трусливую задницу.

«Ох, Чарли, ты этого так и не понял, да?»

Она повернула к проливу. Подумала о том, чтобы сразу поехать к Пауле, но потом вспомнила слова Тая. И направилась к своему дому. Свернула на подъездную дорожку, остановила «лексус».

Окна темные.

Вбежала на кухню через гараж, сразу включила свет.

И тут же поняла: что-то не так.

– Тоби! – позвала она. Поправила почту, которую оставила на стойке. Несколько счетов и каталогов.

Если Сэм и Алекс уезжали, дом всегда становился чуть другим. С тех пор, как «погиб» Чарльз. Приходилось возвращаться в пустое жилище.

– Тоби! Ты где? – вновь позвала она. Обычно пес сразу скребся в кухонную дверь. Собака даже не залаяла в ответ.

Карен взяла из холодильника бутылку воды, с почтой в руках пошла в комнату.

И вот тут услышала отчаянный лай, доносящийся откуда-то издалека.

Из кабинета? Со второго этажа? Карен остановилась. Разве она оставляла его не на кухне?

Пошла на лай. Включила свет в гостиной.

По спине тут же побежал холод.

В кресле, лицом к ней, сидел Сол Ленник, положив ногу на ногу.

– Привет, Карен, – поздоровался он.

ГЛАВА 98

Сердце чуть не выпрыгнуло у нее из груди. Она дернулась, замерла, конверты посыпались на пол.

– Что ты тут делаешь, Сол?

– Подойди и присядь. – Он указал на диван.

– Что ты тут делаешь?! – повторила Карен, кожа покрылась мурашками страха.

Что-то подсказывало ей, что она должна бежать из дома со всех ног. Парадная дверь была совсем рядом. «Уноси ноги, Карен». Взгляд ее метнулся к двери.

– Сядь, Карен! – Голос Ленника стал жестче. – Даже не думай о том, что сможешь уйти. Боюсь, у тебя не получится.

Другой мужчина вышел из коридора, ведущего к кабинету, где продолжал лаять Тоби.

Карен не сдвинулась с места.

– Чего ты хочешь, Сол?

– Нам нужно кое-что обсудить, не правда ли, дорогая?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, Сол.

– Давай не будем притворяться. Нам обоим известно, что ты виделась с Чарльзом. А теперь мы оба знаем, что он мертв. Наконец-то мертв, Карен. Иди сюда... – Он вновь указал на диван, словно уговаривал ребенка. – Присядь, дорогая.

– Перестань называть меня «дорогая»! – Глаза Карен сверкнули. – Я знаю, что ты сделал.

– А что я сделал? – Ленник переплел пальцы. Взгляд стал холодным и злым. – Это не просьба, Карен.

Мужчина, который вышел из коридора, приблизился к ней. Высокий, в цветастой рубашке, с волосами, собранными на затылке в короткий хвост. У Карен сложилось ощущение, что она где-то его уже видела.

– Я сказал, иди сюда, – повторил Ленник.

С гулко бьющимся сердцем Карен медленно направилась к нему. Подумала о Тае. Как дать ему знать? Что они собираются с ней сделать? Она села на диван.

Ленник улыбнулся:

– Я хочу, чтобы ты попыталась представить себе концепцию миллиарда, Карен. Если говорить о времени, то миллион секунд – это одиннадцать с половиной дней. А миллиард, Карен, больше тридцати одного года! – Ленник встретился с ней взглядом. – А уж тридцать одна тысяча лет – это где-то за пределами человеческого восприятия.

– Зачем ты мне все это говоришь, Сол? – нервно спросила Карен.

– Зачем? Ты знаешь, Карен, как много денег находится на депозитах в офшорных банках на Больших Каймановых и Виргинских островах? Порядка одного с шестью десятками триллиона долларов. Это очень много, примерно треть всех денежных депозитов в Соединенных Штатах. Сопоставимо с валовым национальным продуктом Франции или Великобритании. «Черепашья экономика», вот как иногда называют эти деньги. И я спрашиваю тебя, Карен, если там крутится такая огромная сумма, что в этом может быть неправильного?

– В чем ты стараешься оправдаться передо мной, Сол?

– Оправдаться?! – Ленник наклонился вперед, упершись локтями в колени. – Мне не в чем оправдываться перед тобой, Карен. Или перед Чарльзом. У меня десять таких Чарльзов. С такими же суммами инвестиций. Ты даже понятия не имеешь, кого мы представляем. Ты могла бы поискать в «Гугле», Карен, если бы хотела, и тогда выяснила бы, что это самые известные и влиятельные люди нашего мира. Имена, которые ты знаешь. Семейные кланы, магнаты, другие...

– Преступники, Сол!

– Преступники? – Он рассмеялся. – Мы не отмываем деньги, Карен. Мы их инвестируем. Когда они приходят к нам после продажи картины старого мастера или из фонда в Лихтенштейне, это всего лишь деньги, Карен. Такие же зелененькие, как твои или мои. Деньги не судят, Карен. Даже Чарли сказал бы тебе то же самое. Их умножают. Инвестируют.

– По твоему приказу Чарльза убили, Сол! Он тебя любил!

Сол улыбнулся, словно ее слова повеселили его.

– Чарли нуждался во мне, Карен. Также как и я – исходя из того, чем он занимался, – нуждался в нем.

– Ты предатель, Сол! – В глазах Карен дрожали слезы. – Как же я не распознала тебя? Как могла так долго заблуждаться?

– Каких ты ждешь от меня признаний, Карен? Что я принимал решения, иной раз выходящие за рамки закона? У меня не было другого выхода, как и у Чарльза. Ты думаешь, он был святым? Он обманывал банки, фальсифицировал счета...

– Ты убил этого мальчишку, в Гринвиче.

– Я его убил? Я проворачивал эту аферу с пустыми танкерами? – Лицо Ленника посуровело. – Чарли потерял более миллиарда долларов их гребаных денег, Карен! Вместо залога по кредитам он подсовывал банкам пустышки. А о кредитах, между прочим, договаривался я. Я его убил? А какой у нас был выбор, Карен? Как, по-твоему, ведут себя эти люди? Хлопают по плечу и говорят: «Ничего страшного, в следующий раз у тебя получится лучше»? Мы все рискуем, Карен. Любой, кто ввязывается в эти игры. Не только Чарльз.

Карен злобно глянула на него.

– Так кто приходил от этого «Арчера», Сол? Кто припугнул Саманту в ее машине? Их посылал ты? Ты использовал меня, мерзавец. Ты использовал моих детей, Сол. Ты использовал Сэм. Чтобы добраться до моего мужа, твоего друга. Чтобы убить его!

Он кивнул, но глаза оставались холодными и жесткими.

– Да, я использовал тебя, Карен. В какой-то момент мы узнали, что Чарльз непонятно как остался жив. Потому что счет, на который поступали его брокерские вознаграждения, обнулили уже после тех взрывов. И кто мог это сделать, кроме него? Потом я нашел на его столе листок с номером банковской ячейки. Мне хотелось узнать, что в ней, Карен. С поиском счетов у нас получалось не очень. Вот мы и попытались немного тебя припугнуть. Задействовать тебя в игре, в надежде, пусть и крайне малой,

что Чарльз мог связаться с тобой. Других вариантов не было. Так что, Карен, ты не можешь меня за это винить.

— Ты использовал меня как живца? — Глаза Карен широко распахнулись. — Почему, Сол? Почему? Ты же был ему как старший брат. Ты выступил на его мемориальной службе...

— Он потерял их деньги, Карен!

— Нет. — Она сверлила взглядом этого человека, который всегда казался таким важным, держащим все под контролем. И, как ни странно, в этот момент она чувствовала, что сильнее его — кто бы ни стоял за ним. Пусть даже он мог ее убить. — Причина была не в деньгах, не так ли, Сол?

Его лицо смягчилось. Он и не пытался солгать.

— Нет.

— Ты искал не деньги. Не зря же твои люди перевернули все на яхте. Ты нашел то, что искал, Сол?

— Мы нашли все, что хотели, Карен.

— Нет! — Карен покачала головой. — Думаю, что нет. Он переиграл тебя, Сол. Ты, возможно, этого не понимаешь, но он переиграл. Этого мальчика убили по твоему приказу, чтобы защитить твои интересы. Чтобы его отец заткнулся. Потому что за всем этим стоял ты, не так ли, Сол? Важный, влиятельный, дергающий за все нити. Но когда ты узнал, что со счета Чарли сняли деньги, ты внезапно понял, что он жив. Что он больше не зависит от тебя. Твой друг. Твой партнер. Человек, который знал о тебе правду, так? — Карен улыбнулась. — Ты жалок, Сол. Ты убил его не из-за денег. Деньги — причина веская, но убивающий из-за денег далеко не всегда достоин презрения. Ты убил из трусости, Сол... из страха. Потому что у него был на тебя компромат, и ты ему не доверял. Потому что в какой-то день он мог дать показания. То есть Чарли представлял собой бомбу с тикающим часовым механизмом. И ты не мог знать, когда она взорвется. Для тебя Чарли превратился в дамклов меч.

— Миллиард долларов, Карен! Я дал ему все шансы вернуть их. Я поставил под удар свою жизнь... жизнь моих внуков! И конечно, Карен, больше я не мог ему доверять — после того, что он сделал. В какой-то день, устав бегать, он действительно мог прийти и заключить сделку с правосудием. — Серые брови Сола сдвинулись. — К хорошему быстро привыкаешь, Карен. Влияние, власть. Мне очень жаль, если тебе не нравится то, что ты видишь, когда смотришь на меня.

— Что я вижу? — Глаза Карен блестели от слез злости. — Я не вижу никого могущественного, Сол. Я вижу старика. Испуганного и жалкого. И знаешь почему? Потому что он победил. Чарльз победил, Сол. Ты знал, что у него есть на тебя компромат. Поэтому ты и здесь, верно? Чтобы выяснить, что известно мне. Что ж, я тебе скажу, гребаный, трусливый негодяй. Он записал ваш разговор. И твой голос, Сол, звучит ясно и четко. Ты честно и откровенно говоришь, что ждет этого мальчика. Ты говоришь, что у тебя есть люди, специализирующиеся на таких делах. И теперь... я надеюсь, тебя такой поворот позабавит... пленка эта находится в полиции, и они выписывают ордер на твой арест. Поэтому, что бы ты и твои лакеи ни сделали со мной, смысла в этом нет. Даже ты должен это понимать, Сол. Слишком поздно. Они знают! Они знают, что это ты стоял за убийством мальчика. И они уже действуют.

Карен сверлила его яростным взглядом. На мгновение ей показалось, что Ленник растерялся, не знает, что делать дальше. Она ждала, что маска уверенности сползет с его лица, уступив место панике.

Не сползла.

Он пожал плечами, губы изогнулись в улыбке.

— Ты, часом, говорила не про своего друга-детектива, Карен? Не про Хоука?

Карен по-прежнему грозно смотрела на него, но под ложечкой вдруг засосало.

— Потому что если ты рассчитывала на него, то, боюсь, о нем уже позаботились. Хороший был коп, упорный, решительный. И вроде бы так искренне заботился о тебе...

Ленник встал, посмотрел на часы, вздохнул:

— К сожалению, мне представляется, что его уже нет в живых.

ГЛАВА 99

Из «Аркадии» Хоук поехал домой. Дорога много времени не заняла. Он хотел скопировать запись на диктофон и отвезти пленку Карлу Фицпатрику, который жил неподалеку. Карен нашла именно то, чего ему и не хватало: непроверяемые улики. И Фицпатрику оставалось лишь возобновить расследование.

В Стэмфорде он свернул с Пост-роуд на улицу Вязов. Проехал под автострадой и железнодорожными путями к берегу, к своему дому на авеню Евклида. В доме напротив, где жили Роберт и Жаклин, реставраторы мебели, во всех окнах горел свет. Похоже, они устраивали очередную вечеринку. Хоук свернул на подъездную дорожку.

Открыл бардачок, достал пистолет, «беретту», который ранее давал Карен, сунул в карман куртки. Захлопнул дверцу «форда-бронко», поднялся по ступенькам, остановился, чтобы поднять почту.

Доставая ключи, он не мог не улыбнуться, вернувшись мыслями к Карен. До чего же правильно истолковала она слова Чарльза и нашла-таки мобильник! Неплохой из нее получится коп (он рассмеялся), если с риелторской лицензией не выгорит.

Когда начал подниматься на второй этаж, из темноты выступил мужчина и что-то направил на него.

Прежде чем раздался выстрел, Хоук узнал мужчину и в тот же самый момент сообразил, что допустил чудовищную ошибку.

Пуля отбросила его назад, боль пронзила бок. Уже падая, Хоук попытался сунуть руку в карман, где лежала «беретта».

Вторая пуля попала в бедро, и его спиной отбросило на ступеньки.

Хоук не услышал ни звука.

Хотел ухватиться за перила – не удалось, скатился вниз, в прихожую. Каким-то образом ему удалось привалиться спиной к стене. Голову застилал туман. Ясным оставался только один образ, и Хоука буквально парализовал ужас.

«Карен!»

Хоук попытался встать, но тело не слушалось. Он повернулся к закрытой входной двери, за которой находился ярко освещенный дом Ричарда и Жаклин, попытался крикнуть, но с губ сорвался только хрип. Попытался найти хоть какой-то выход из положения, но в голове воцарилась пустота.

«Вот оно, значит, как...»

Перед мысленным взором возникла дочь. Не Нора, а Джессика, что показалось ему странным. Он вспомнил, что не позвонил ей после того, как вернулся. Подумал, что она должна приехать на этот уик-энд, как и всегда.

Услышал шаги спускающегося по лестнице мужчины.

Сунул руку в карман куртки. Что-то там нащупал. Мобильник Чарли? Отдавать его ни в коем случае нельзя. Или «беретту»? Голова ничего не соображала.

Тяжело дыша, он вновь посмотрел на дверь.

Шаги стихли. Хоук поднял голову. Перед ним стоял мужчина.

– Эй, говнюк, помнишь меня?

Ходжес.

– Да... – кивнул Хоук. – Я тебя помню.

Мужчина присел.

– Выглядишь неважнецки, лейтенант. Похоже, долго не протянешь.

Пальцы Хоука уже сжались на металлическом предмете в кармане куртки.

– Знаешь, что я ношу с собой последние две недели? – спросил Ходжес. Два его пальца оказались перед глазами Хоука. Они сжимали расплющенный кусочек металла. Пулю. Ходжес раздвинул челюсти Хоука, сунул ему в рот ствол пистолета – теплый, пахнущий порохом.

– Решил вот вернуть тебе должок.

Хоук посмотрел в смеющиеся глаза.

– Оставь себе.

И нажал на спусковой крючок, не вынимая руки из кармана. Грохнуло, запахло горельем. Пуля попала Ходжесу под подбородок, улыбка даже не успела сойти с лица. Голову откинуло назад, из горла хлынула кровь. Он повалился на бок, глаза закатились.

Хоук вытащил ноги из-под мертвеца. Пистолет Ходжеса лежал у него на груди. Ему хотелось просто посидеть. Боль пронзала все тело. Но беспокоила его совсем не боль.

«Карен! Карен в опасности!»

Его охватил ужас.

Собрав волю в кулак, Хоук поднялся на ноги, держа в руке пистолет Ходжеса.

Другой рукой коснулся бока. Пальцы обагрились кровью. Пошатаваясь, он добрался до «форда-бронко». Открыл дверцу, уселся за руль, включил радио, настроенное на полицейский участок Гринвича. Ему ответил дежурный. Голоса он не узнал.

– Это лейтенант Хоук. – Он прикусил губу, борясь с болью. – В моем доме стрельба. Семьсот тринадцать по Евклид-авеню в Стэмфорде. Сюда нужно выслать местную патрульную машину.

Пауза.

– Господи! Лейтенант Хоук...

– С кем я говорю? – Морщась от боли, он повернул ключ в замке зажигания, захлопнул дверцу, задним ходом выехал на мостовую, врезался в какой-то автомобиль, припаркованный на противоположной стороне улицы, и погнал к Карен.

– Это сержант Дисенцио, лейтенант.

– Сержант, вы поняли, что я сказал? Но сначала немедленно направьте пару патрульных машин к дому номер 73 по Серфсайд-роуд в Олд-Гринвиче. Я хочу, чтобы дом взяли под охрану. Вы слышите, сержант? Я хочу, чтобы обеспечили охрану женщине, которая там живет, Карен Фрайдман. Возможна опасная ситуация. Как поняли меня, сержант Дисенцио?

- Вас понял, лейтенант. Выполняю.
- Я тоже туда еду.

ГЛАВА 100

Страх как ножом пронзил Карен, кровь отлила от лица. Не веря, она покачала головой:

– Нет, ты блефуешь, Сол.

Тай не мог умереть. Они только что расстались. Он поехал в участок. Собирался вернуться и забрать ее.

– Боксь, что нет. Один наш друг поджидает его дома. И возможно, лейтенант везет с собой что-то интересное для нас. Я прав, дорогая?

– Нет! – Она вскочила. Кровь бурлила от ярости. – Нет! – Карен прыгнула бы на Ленника, но мужчина в цветастой рубашке бесшумно подошел сзади и схватил ее за руки, удержав на месте.

Она попыталась вырваться.

– Катись в гребаный ад, Сол!

– Может, позже. – Он пожал плечами. – А пока, Карен, я всего лишь вернусь домой, пусть к позднему, но обеду. – Ленник встал, одернул свитер, поправил воротник рубашки. На его лице читалось что-то схожее с печалью. – Ты знаешь, я не испытываю особой радости оттого, что приходится делать, Карен. Я всегда восхищался тобой. Ноты должна понимать, что мы не можем позволить тебе уйти.

В этот момент французские окна, ведущие во двор, распахнулись, в гостиную вошел еще один мужчина, невысокий, темноволосый, усатый.

Карен, пусть ни разу его и не видела, мгновенно поняла, что это Дайц.

– Все чисто, – доложил он. Карен заметила, что туфли мужчины в мокрой земле и песке.

Ленник кивнул:

– Хорошо.

Страх захлестнул Карен.

– Что ты собираешься со мной сделать, Сол?

– Думаю, ты отправишься на ночное купание. Сокрушенная горем и ужасом от того, что нашла мужа сначала ожившим, а потом – снова мертвым. Это сильный стресс для любого, Карен.

Карен покачала головой:

– В это никто не поверит, Сол. Хоук уже говорил со своим боссом. Рассказал ему все. И насчет Раймонда и Лауэра, и насчет Дайца и Ходжеса. Они поймут, кто это сделал. И придут за тобой, Сол.

– За мной? – Ленник наклонился к Карен, которая не прекращала попыток вырваться из захвата. – Не напрягай из-за этого свою маленькую головку, дорогая. Наш друг Ходжес скорее всего эту ночь не переживет, а что касается Дайца... полагаю, будет лучше, если он сам тебе все объяснит.

Карен по-прежнему вырывалась, слезы ненависти жгли глаза.

– Когда ты стал продажной тварью, Сол? Как ты сможешь после этого смотреть в глаза моим детям?

– Сэм и Алексу? – Сол покивал. – Можешь не волноваться, Карен, о них тоже позаботятся. Твои детки будут просто купаться в деньгах. Твой усопший муж был очень богатым человеком. Или ты не знала?

– Стори в аду, Сол! Негодяй! – крикнула ему вслед Карен.

Через мгновение за ним закрылась дверь.

Он ушел. Карен начала рыдать. Хоук. Чарльз. Невозможность снова увидеть детей. Сэм и Алекса. Сама мысль о том, что Сол будет «скорбеть» о ней. Злость, вызванная осознанием того, что дети никогда не узнают правды. Она подумала о Тае, и тут же нахлынула грусть. Она втянула его в эту историю. Подумала о его дочери, с которой так и не познакомилась.

Потом она в ужасе повернулась к Дайцу. По ее лицу текли слезы.

– Вы не должны этого делать, – взмолилась Карен.

– Да чего ты так разволновалась? – усмехнулся усатый. – Говорят, умереть – все равно что заснуть. Нужно просто смириться с неизбежным. Как ты предпочитаешь умереть? В мучениях или легко? – Он хохотнул и посмотрел на своего напарника. – Мы же не дикари, правда, Кейтс?

– Дикари? Нет, – ответил мужчина, который держал ее за руки. Стукнул под коленями, Карен вскрикнула, ее ноги подогнулись. – Вот так...

Дайц взял со стола рулон липкой упаковочной ленты. Оторвал кусок, заклеил Карен рот. У нее перехватило дыхание. Оторвал другой, длиннее. Скрутил запястья Карен.

– Пошли, куколка... – Он подхватил ее под мышки, поставил на ноги. – Позор твоему бойфренду. Вломился в мой дом! А теперь вот оставил твой без присмотра.

Они потащили ее через открытые французские окна во внутренний дворик. Карен слышала отчаянный лай Тоби, пыталась вырваться, но куда там, силы были слишком неравными. Ее уводили в темноту, и свидетелем тому была лишь запертая в кабинете собака.

«Почему они должны победить?»

Двор огораживал забор, а у калитки начиналась тропинка, которая вела к Теддис-Бич, пляжу, которым могли пользоваться только местные жители.

Теддис-Бич... Новый страх охватил Карен. Пляж маленький, огороженный каменной стеной и по вечерам безлюдный. С наступлением темноты лишь подростки изредка навевались туда, чтобы посидеть у костра и покурить травку. Карен поняла, что там их никто не увидит и не услышит.

Именно это имел в виду Дайц, когда сказал: «Все чисто».

«Черт побери, нет». Мыском туфли она ударила Дайца в голень. Тот повернулся, разозленный, и вlepил ей оплеуху. Кровь брызнула из носа Карен. Она чуть не захлебнулась.

– Я же сказал, веди себя смирно! – прошипел Дайц.

Он забросил ее на плечо, как куль с мукой, и сорвал с ног туфли. Сунул под нос ствол пистолета.

– Слушай меня, сука! Я же сказал, какой у тебя выбор. Хочешь умереть сразу... или помучиться? Решать тебе. Мне без разницы. Могу и так, и эдак. Мой совет – расслабься и получай удовольствие. Все закончится до того, как ты успеешь испугаться. Поверь мне, тебе в этом смысле повезет больше, чем твоему бойфренду.

Он понес ее по проложенной в кустарнике тропе, ветки шипы царапали ей ноги. Она пыталась кричать, но липкая лента не позволяла издать ни звука.

«Пожалуйста, Господи, пусть на пляже кто-нибудь будет. Пожалуйста...»

Тропа вывела их на дорогу. Темную и пустынную. Никого. Только соленый ветер, дующий с пролива. И огни в нескольких домах на другом берегу.

Дайц сбросил ее на землю, потом поставил на ноги.

– Пошли.

Нет... Карен кричала, вырывалась, но ничего не могла поделать. Слезы катились по ее щекам. Она подумала о Тае, и поток слез усилился. Слезы мешали дышать.

«Дорогой, ты не можешь умереть. Пожалуйста! Тай, пожалуйста, услышь меня...»

Сердце разрывалось при мысли о том, что он умер из-за нее.

Они тащили ее по песку, она мотала головой из стороны в сторону и беззвучно кричала: «Не-е-е-т!»

Кейтс, убийца с конским хвостом, поволок ее в воду.

Карен коленом врезала ему в промежность. Он взвыл от ярости, крикнул: «Ах ты, сука!» – и ударил Карен в живот. А потом ткнул лицом в воду. Сопротивляться сил не было.

ГЛАВА 101

Через считанные минуты «форд-бронко» Хоука, промчавшись с включенной мигалкой по шоссе номер 1, остановился возле дома 73 по Серфсайд-роуд. Две местные патрульные машины опередили его.

Хоук сразу заметил «лексус» Карен на подъездной дорожке. Схватил пистолет и буквально вывалился из «форда-бронко», припадая на правую ногу. Двое полицейских с включенными фонарями вышли из парадной двери. Одного, Торреса, Хоук сразу узнал и направился к нему, держась за бок.

– Есть кто-нибудь внутри?

Торрес пожал плечами:

– Собака заперта в одной из комнат. Больше никого.

Не складывалось. Автомобиль Карен стоял у дома. Если они пытались убить его, то не могли не разобраться с ней.

– А миссис Фрайдман? Наверху вы смотрели?

– Обошли весь дом, лейтенант. О'Хирн и Паласио и сейчас в доме. – Взгляд копа упал на бок лейтенанта. – Господи, сэр...

Хоук прошел мимо него в дом, патрульный уставился на кровавый след.

– Карен! – позвал Хоук. Ответа не получил. Сердце бешено заколотилось. Он услышал лай. Патрульный Паласио спустился по лестнице с пистолетом в руках.

– Гребаный пес! Бросился на меня, как болид «Формулы-1». – Паласио удивленно взглянул на Хоука. – Лейтенант?

– Есть кто-нибудь в доме? – спросил Хоук.

– Никого, сэр. Только собака.

– Подвал осмотрели?

Патрульный кивнул:

– Весь дом, сэр.

Дерьмо. Автомобиль Карен стоял у дома. Может, она пошла к подруге... Как ее звали? Пола! Взгляд Хоука упал на рулон липкой упаковочной ленты. На конверты, валяющиеся на полу. На распахнутые французские окна, ведущие во внутренний дворик... И Тоби отчаянно лаял во дворе.

Все это очень ему не нравилось.

Он вышел во двор. Ночь выдалась лунной и безоблачной. С пролива дул соленый ветерок. Тоби продолжал лаять, чем-то очень взволнованный.

– Так где она, Тоби? – Хоук вздохнул и скривился от боли, которую ему доставлял каждый вдох.

Хромая, он пересек двор с маленьким фонтаном и декоративными кустами. Нутром чувствовал – Карен в опасности. Она говорила с Чарльзом. Она знала. Он не имел права отпускать ее одну. Они же понимали, что нет смысла убивать только его.

Что-то лежало на траве.

Туфли Карен. В них она была этим вечером. Страх за Карен все усиливался.

– Карен! – позвал он.

Почему туфли оказались здесь?

Он двинулся дальше. Забор. Распахнутая калитка, за ней тропа, проложенная в кустарнике. Хоук вышел на нее. И вот тут до него дошло.

Тропа выводила к дороге. А дорога упиралась в Теддис-Бич.

– Лейтенант, вам нужна помощь? – раздался голос у него за спиной.

Сжимая в руке пистолет, стараясь забыть о боли, Хоук захромал по тропе.

Раздвинул редкие ветки, которые перегораживали путь. Ярдов через сорок увидел выход на дорогу.

– Карен!

Ответа не последовало.

Увидел что-то на земле. Присел, несмотря на пронзившую тело боль.

Клок материи. Оранжевой.

Сердце остановилось. Этим вечером Карен была в оранжевом платье.

Ужас накрыл его с головой. Он посмотрел в сторону берега.

– Господи!

Хоук побежал.

ГЛАВА 102

Ее лицо ушло под воду, оставшийся воздух распирал легкие, сильные руки Кейтса не давали поднять голову.

Карен боролась изо всех сил. Вырывалась, пинала Кейтса, один раз даже завалила его на себя, вымочив и брюки, и рубашку. Кейтс злобно зарычал и врезал ей кулаком. А она услышала добродушный смех Дайца: «Господи, Кейтс, ну и женщина!»

Несмотря на липкую ленту, Карен вновь попыталась закричать, но Кейтс, схватив ее за волосы, ткнул лицом в воду.

И она поняла, что это конец, потому что второй рукой Кейтс сорвал ленту с ее рта, чтобы открыть воде доступ в легкие. Карен все-таки сумела вырваться, поднять голову над водой, но, прежде чем успела крикнуть, Кейтс зажал ей рот рукой.

Да и кто мог услышать? Кто мог услышать ее в такой час? Мысли вернулись к Таю. «Пожалуйста... пожалуйста...» Вода вливалась в горло. Захлебываясь, она повернула голову, схватила ртом воздух. Но силы иссякли. Больше бороться она не могла. Изогнулась, чтобы укусить мерзавца за ногу.

Услышала, как он крикнул: «Водичка не холодная, сука?»

Только железная сила воли не позволяла ей открыть рот и признать свое поражение. Сдаться на милость черному приливу. Она подумала о Сэм и Алексе.

«Нет, Карен, нет... Не думай о них, пожалуйста... Такие мысли – признание, что ты смирилась. Не сдавайся».

Но упорство, с которым она вела борьбу, начало таять, голову все сильнее застилал туман, а перед мысленным взором вдруг возникли тропический остров, пальмы, кроны которых покачивал ветерок, мужчина в бейсболке, который по белому песку направлялся к воде.

И махал ей рукой.

Карен шагнула к нему.

«О Господи...»

И в этот самый момент рука, удерживающая ее лицо под водой, резко ослабила хватку.

Хоук доплелся до пляжа, нога взрывалась от боли. Увидел мужчину, который стоял над Карен в воде, топил ее. И Дайца – в нескольких ярдах от них, на берегу, похоже, наслаждающегося этим зрелищем.

– Карен!

Он шагнул вперед, поднял пистолет, держа его двумя руками, в тот самый момент, когда мужчина, который держал Карен, посмотрел на него.

Первая пуля попала мужчине в плечо, отбросив назад. Вторая и третья – в грудь, окрасив красным цветастую рубашку. Мужчина упал в воду и больше не шевелился.

Карен вскинула голову, жадно схватив ртом воздух, и ушла под воду.

Хоук шагнул к ней, одновременно пытаясь взять на мушку Дайца, который бежал к лодке, доставая оружие. Первая пуля Хоука пролетела мимо. Вторая угодила Дайцу в колено. Но не остановила. Теперь он волочил ногу, как койот – перебитую лапу.

Хоук поспешил к Карен. Ей удалось выбраться к кромке воды. Она стояла на локтях и коленях, натужно кашляла и отплевывалась. В ужасе посмотрела на тело Кейтса, которое плавало рядом, лицом вверх, с широко раскрытыми, ничего не видящими глазами. Потом повернулась к Хоуку, не веря тому, что видит.

А Дайц тем временем оказался позади нее, используя Карен как живой щит, выжидая удобного момента, чтобы выстрелить в Хоука.

– Бросай оружие, Дайц! – Хоук продолжал идти к Карен. – Бросай оружие. Тебе не уйти! – Хоук прицелился ему в грудь. – Ты и представить себе не можешь, с какой радостью я пристрелил бы тебя.

– Тебе бы лучше попасть в цель! – Дайц хохотнул. – Если промахнешься, лейтенант, пуля достанется ей.

– Я не промахнусь, – пообещал Хоук.

Шагнул вперед и вот тут почувствовал, что колени подгибаются, а силы уходят. Он потерял слишком много крови.

– Тебе нет нужды умирать здесь, Дайц. Мы знаем, что за всем стоял Ленник. Тебе есть на кого свалить вину. Зачем умирать за него? Мы сможем договориться.

– Зачем?.. – Дайц по-прежнему прикрывался Карен. – Так уж я устроен, лейтенант. И выстрелил.

Хоук почувствовал, как пуля просвистела над самым плечом. Раненая нога подогнулась, он начал заваливаться на бок и опустил руку с пистолетом.

Дайц, воспользовавшись моментом, шагнул чуть в сторону, чтобы выстрелить вновь.

– Нет! – закричала Карен и выскочила из воды, чтобы помешать ему.

Дайц тут же направил пистолет на нее.

– Дайц! – завопил Хоук и выстрелил.

Пуля угодила точно в лоб. Дайц широко раскинул руки и рухнул на спину, пистолет отлетел в сторону. Дайц застыл. Струйка крови побежала на песок из дырки во лбу, размером в десятицентовик.

Карен повернулась к Хоуку, ее лицо блестело от воды и слез. Какие-то мгновения Хоук стоял, тяжело дыша, обеими руками сжимая рукоятку пистолета.

– Ты не покинул меня. – Она покачала головой.

– Никогда в жизни! – Он вяло улыбнулся и упал на колени.

– Тай!

Карен вскочила. Подбежала к нему. Увидела темное кровавое пятно на боку. А с дороги, которая заканчивалась у пляжа, уже слышались крики, мощные фонари освещали песок.

Карен прижалась к Таю, смех облегчения прорвался сквозь слезы страха и усталости. Она начала плакать.

– Все кончено, Тай, все кончено. – Слезы градом катились по ее щекам.

– Нет, – прошептал он, – пока нет. Остался еще один шаг.

ГЛАВА 103

Телефон зазвонил, когда Сол Ленник сажился за стол в кухне. Ида, домоправительница, подогрела тушеное мясо с шампиньонами перед тем, как уйти. Ленник только-только налил себе стакан красного вина. Мими была наверху, разговаривала по телефону, обзванивала доноров осеннего бала Красного Креста.

Он поймал отражение своего лица в окне, выходящем на цветник Мими. Он прошел буквально по острию ножа. Еще несколько дней, и он бы не знал, чем все обернется. А теперь ему удалось оборвать все ниточки. До чего же складно все вышло!

Чарльз умер, а вместе с ним ушел страх, что на Ленника может пасть тень подозрений. Крупные убытки и нарушения правил заимствования банковских средств лягут на Чарльза. Ведолага удрал с перепугу, почувствовал, что его посадят. Коп мертв. Ходжесу, пусть он этого и не знал, осталось жить лишь несколько часов. Старик из

Пенсаколы? Да кому теперь будут интересны его байки? Дайц и Кейтс, как только позвонят ему, уедут из страны богатыми людьми. Чтобы никому не мозолить глаза.

Да, Ленник и сам не подозревал, что способен на такое. Во всяком случае, его внуки об этом никогда не узнают. Такая уж у него профессия... Сделки, прибыли, убытки. Иногда приходится идти на крайние меры, чтобы сохранить капитал. Случается, балансируешь на краю пропасти. Но теперь все трудности позади, его репутация по-прежнему безупречна, созданная им система работает как часы. Утром он вновь начнет делать деньги. А случившееся вечером... это уже перевернутая страница.

Если помнить о понесенных убытках, некогда думать о том, как получить прибыль.

Сол посмотрел на дисплей завибрировавшего мобильного, порадовался, увидев, кто звонит, но при этом и опечалился. Глотком вина он запил остатки пищи.

— Дело сделано?

Ему ответил совсем не тот голос, который он рассчитывал услышать. И от звука этого голоса Ленник едва не лишился чувств. А в следующее мгновение глаза его вылезли из орбит: через окно он увидел мигалки подъезжающих к дому патрульных машин.

— Да, Сол, сделано. — Карен звонила ему по мобильнику Дайца. — Теперь можно сказать, что точка поставлена.

Три сине-белые патрульные машины полицейского участка Гринвича стояли во дворе роскошного особняка Ленника, расположенного на территории Гринвичского загородного клуба.

Карен привалилась к одной, завернувшись в одеяло, накинутое поверх мокрой одежды. С чувством глубокого удовлетворения она вернула Хоуку мобильник Дайца.

— Спасибо тебе, Тай.

Карл Фицпатрик прошел в дом (Хоук остался в машине под присмотром фельдшера, уже перевязавшего ему раны), и вскоре начальник полиции и два копа вывели из дома Ленника, в наручниках.

Жена банкира, в одном халате, в испуге бежала за ними.

— Почему они это делают, Сол? Что происходит? О чем они говорят? Какое убийство?

— Позвони Тому! — крикнул Ленник, обернувшись. Заметил сидящего в одной из патрульных машин Хоука, бросил на него пренебрежительный взгляд. — Завтра я буду дома, — заверил он жену, словно насмехаясь над детективом.

Потом посмотрел на Карен. Несмотря на одеяло, она дрожала от пережитого шока и холода, но не отвела взгляд. А на ее губах заиграла удовлетворенная улыбка.

Словно она говорила: «Он победил, Сол. Он победил».

Копы затолкали Ленника в машину. Карен села рядом с Хоуком. Положила голову ему на плечо.

— Все закончилось!

И тут же послышался звон разбившегося стекла.

Потребовалось мгновение, чтобы понять, что происходит. А потом Хоук закричал, что стреляют, уложил Карен к себе на колени, закрыл собой.

— Тай, что случилось?

Все тут же укрылись за патрульными машинами, выхватили оружие. Затрещали рации.

Но ни второго, ни третьего выстрела не последовало. Стреляли откуда-то из-за деревьев. Они не услышали ни звуков шагов, ни шума отъезжающего автомобиля.

С оружием на изготовку, копы настороженно оглядывались.

— Кто-нибудь ранен? — спросил Фицпатрик.

Ему не ответили.

Фредди Муньос по рации отдал команду блокировать Загородный клуб, однако на это требовалось немало времени. Слишком много к нему вело дорог. Хилл-авеню, Дирфилд-роуд, Северная улица...

Не говоря уже про леса, которые подступали к клубу вплотную.

Хоук выпрямился, отпустил Карен. Взгляд его упал на соседнюю патрульную машину. Желудок скрутило.

— Господи...

Стекло задней дверцы покрывала паутина трещин, расходящихся от круглого отверстия.

Сол Ленник привалился к окну, словно уснул.

От виска расширялось темное пятно. Серые волосы медленно окрашивались красным.

ГЛАВА 104

Незаконный обыск. Проникновение в чужое жилище. Несанкционированное использование табельного оружия. Сокрытие информации о совершенном преступлении.

Далеко не полный список преступлений, в которых — Хоук это прекрасно понимал — его могли обвинить. А еще он ввел в заблуждение полицию Виргинских островов,

расследующую убийство Хансона-Фрайдмана. Но к счастью, юрисдикция штата Нью-Йорк на Виргинские острова не распространялась.

Пока же он лежал в отдельной палате Гринвичской больницы, окруженный плачущими приборами, к которым его подсоединяли провода и трубочки. Восстанавливался после хирургических операций по удалению пуль из бока и бедра и не мог утверждать наверняка, что ему удастся продолжить службу в правоохранительных органах.

Наутро к нему заглянул Карл Фицпатрик. Принес букетик маргариток, поставил рядом с цветами, присланными местным отделением профсоюза полицейских, пожал плечами и начал оправдываться:

– Жена сказала, что идти без цветов никак нельзя.

Хоук кивнул и ответил без тени улыбки:

– Если на то пошло, я предпочитаю бордовые и красные, Карл.

– В следующий раз учту. – Фицпатрик улыбнулся и сел.

Спросил о ранениях. Пуля, попавшая в бок, не задела жизненно важных органов. И с заживлением проблем не ожидалось. С ногой, точнее, правым бедром, дело обстояло несколько хуже. Сказались «забег» к пляжу и последующая перестрелка с Дайцем.

– Доктор говорит, что о хоккейных матчах можно забыть, – вздохнул Хоук.

Его босс кивнул, показывая, что понимает, как это ужасно. Помолчал немного и наклонился вперед:

– С другой стороны, ты и не тянул на Бобби Орра. Знаешь, я бы хотел сказать: хорошая работа, Тай», – то есть расследование ты провел потрясающе. – Он покачал головой. – Почему ты сразу не пришел ко мне с этим? Мы бы все сделали согласно инструкциям.

Хоук устроился поудобнее.

– Наверное, слишком увлекся.

– Да. – Начальник полиции улыбнулся, словно оценив шутку. – Только этого от тебя и можно было ожидать. Извини, мне пора.

Фицпатрик встал и повернулся к двери.

Хоук протянул руку, остановив его.

– Скажи честно, Карл, каковы мои шансы вернуться на службу?

– Честно?

– Да! – Хоук кивнул. – Честно.

Фицпатрик шумно выдохнул.

– Даже не знаю... – Сглотнул слюну. – Будет разбирательство. Меня заставят временно отстранить тебя от должности.

– Я понимаю... – Хоук поник головой.

– Даже не представляю, на какой срок. Может, на неделю? – Он ослепительно улыбнулся. – Ты добился потрясающего результата, лейтенант. Конечно, я не во всем тебя поддерживаю. Но в данном случае цель полностью оправдывала средства. Так что ты мне нужен на прежнем месте. Отдыхай. Восстанавливайся. Наверное, мне не стоит этого говорить, но ты можешь гордиться собой.

– Спасибо, Карл.

Фицпатрик сжал Хоуку плечо и направился к двери.

– Карл!..

Начальник полиции обернулся:

– Что?

– Если бы я все делал по инструкции... Пришел бы к тебе и сказал, что хочу возобновить расследование дела о наезде на Раймонда, потому что открылись новые обстоятельства... Скажи прямо, ты бы согласился?

– Согласился? – Фицпатрик прищурился. – Возобновить расследование по закрытому делу? На основании чего, лейтенант? – Он рассмеялся, берясь за ручку двери. – Ни в коем случае!

Хоук немного поспал и уже чувствовал себя отдохнувшим. Перед самым ленчем в дверь постучали. Вошла Джесси.

Вместе с Бет.

– Привет, милая! – Хоук широко улыбнулся, но когда попытался протянуть к ней обе руки, скривился от боли.

– Ох, папуля... – Со слезами тревоги Джесси подбежала к нему, прижалась лицом к груди. – Папуля, ты поправишься?

– Конечно, цыпленок. Обещаю. Скоро буду в полном порядке. Такой же сильный, как и раньше.

Она кивнула, и Хоук рукой прижал ее к себе. Посмотрел на Бет.

Она стояла у двери. Улыбалась. Он не сомневался, что сейчас она скажет ему: «Отличная работа, лейтенант» или «На этот раз ты превзошел себя, Тай».

Ошибся.

Вместо этого она подошла к кровати. Глаза блестели от слез, и ей потребовалось время, чтобы вообще что-то сказать. Но она справилась с эмоциями, улыбнулась и нежно пожалала ему руку.

– Хорошо, пусть на День благодарения она поедет с тобой, Тай.
Он встретился с ней взглядом и тоже улыбнулся.
И впервые за долгие годы увидел во влажных глазах то самое, чего так долго ждал.
И не знал, дождется ли.
Прощение...
Он подмигнул Бет и крепче прижал Джесси к себе.
– Рад это слышать, Бет.

К вечеру из-за лекарств Хоук уже плохо соображал. Смотрел «Янкиз», но вникнуть в игру не удавалось. В дверь легонько постучали.

Вошла Карен.

В серой футболке Техасского университета, в джинсовой куртке, наброшенной на плечи. С заколотыми наверх волосами. Хоук заметил ссадину на верхней губе, оставшуюся после удара Дайца.

Карен принесла вазу с одной розой, поставила на столик у кровати.

– Мое сердце. – Она указала на розу.

Он улыбнулся:

– Ты неплохо выглядишь!

– Да, конечно. Я выгляжу так, будто по мне проехал автобус.

– Нет. Для меня сейчас все выглядит хорошо. Спасибо морфину.

Карен улыбнулась:

– Я провела здесь прошлую ночь, пока тебя оперировали. Поговорила с хирургами. Ты мистер Счастливчик, Тай. Как нога?

– Слава Богу, что не отрезали, – улыбнулся Хоук. – Поначалу, конечно, придется похромать.

Глаза Карен заблестели. Она сжала его руку.

– Спасибо тебе, Тай. Я в неоплатном долгу. Обязана тебе жизнью. Не могу найти слова, чтобы поблагодарить как следует.

– И не ищи.

Карен зажала его пальцы между ладоней, покачала головой:

– Я даже не знаю, что будет дальше. Чарли мертв. Нужно время, чтобы это осознать. И дети... они возвращаются. – Она посмотрела на него, обвешанного проводами и трубочками. В окружении плакающих мониторов.

– Я понимаю.

Она положила голову ему на грудь. Прислушалась к его дыханию.

– С другой стороны, – Карен всхлипнула, – полагаю, мы можем попробовать.

Хоук рассмеялся. Наверное, зря, потому что бок тут же прострелила боль.

– Да. – Он прижал ее к себе. Погладил по волосам. Коснулся ссадины на верхней губе. Почувствовал, как ее перестало трясти. Да и у него на душе как-то сразу стало легче.

– Мы можем попробовать.

ГЛАВА 105

Две недели спустя

Хоук подъехал на своем «форде-бронко» к кованым воротам между каменных столбов. Опустил стекло, нажал на кнопку аппарата внутренней связи.

– Да? – ответил мужской голос.

– Лейтенант Хоук, – произнес Хоук в микрофон.

– Проезжайте к дому. – Ворота медленно открылись. – Мистер Ходошевский ждет вас.

Хоук поехал по длинной петляющей подъездной дороге. Правое бедро отзывалось болью даже при малейшем нажатии на педаль газа. Он уже начал курс физиотерапии, но лечиться предстояло долго. И врачи предупредили его, что полностью избавиться от хромоты, возможно, не удастся.

Участок занимал огромную территорию. Хоук проехал мимо большого пруда. Мимо огороженного поля, возможно, для лошадей. Дорога привела к внушительному особняку. Середину вымощенного брусчаткой двора занимал великолепный фонтан. Вода плескалась в мраморном бассейне.

«Миллиардеры портят жизнь миллионерам», – вспомнил Хоук. Даже по гринвичским стандартам такая роскошь была чудовищно неуместной.

Он вылез из автомобиля. Взял трость, без которой не мог обходиться. Поднялся по лестнице.

Нажал кнопку. В доме зазвонили колокола. Его это не удивило. Открыла молодая женщина. Симпатичная. Из Восточной Европы. Может, гувернантка.

– Мистер Ходошевский попросил провести вас в малую гостиную. – Она улыбнулась. – Нам сюда.

Мальчишка, лет пяти или шести, проехал мимо на игрушечном автомобиле.

– Бип, бип!

– Миша, нельзя! – закричала гувернантка и вновь улыбнулась. – Извините.

– Я – коп! – Хоук подмигнул. – Скажите ему, что нельзя превышать разрешенные здесь сорок миль в час.

Они прошли через анфиладу величественных комнат в небольшую гостиную с полукруглой стеклянной стеной, выходящей на парк. На стене висела известная всем картина современного художника, стоящая баснословных денег. Всю обстановку составляли большой кожаный диван, пара кресел и домашний кинотеатр с плазменной панелью с диагональю шестьдесят дюймов. Показывали какой-то старый вестерн.

– Лейтенант...

Сначала Хоук увидел только пару ног, лежащих на пуфике, потом с кресла поднялся мужчина в мешковатых шортах и просторной желтой футболке с надписью «Деньги – лучшая месть».

– Я Григорий Ходошевский. – Мужчина протянул руку. Рукопожатие у него было крепким. – Пожалуйста, присаживайтесь.

Хоук осторожно опустился на диван. Прислонил трость к подлокотнику.

– Спасибо.

– Я вижу, вы не совсем здоровы?

– Мелочи, – солгал Хоук. – Травма бедра.

Русский кивнул:

– У меня несколько раз возникали проблемы с коленом. – Он улыбнулся. – Я на собственном опыте убедился, что нельзя спускаться на лыжах по заросшему деревьями склону. – Ходошевский взял пульт дистанционного управления, приглушил звук. – Вы любите вестерны, лейтенант?

– Конечно. Их все любят.

– Я тоже. Мой любимый – «Хороший, плохой, злой». Не могу, правда, сказать, с кем я себя отождествляю. Жена говорит, что со злым.

Хоук улыбнулся:

– Если я не ошибаюсь, у каждого был свой мотив для участия в том походе за золотом.

– Да, – кивнул русский. – Думаю, вы правы, у них у всех были свои мотивы. Так чем я обязан вашему визиту, лейтенант Хоук?

– Я расследую одно дело. Наткнулся на имя, которое, возможно, вам знакомо. Чарльз Фрайдман.

– Чарльз Фрайдман? – Русский пожал плечами. – Извините, не припоминаю. А должен? «Здорово у него получается, – подумал Хоук и всмотрелся в Ходошевского. – Прирожденный актер!»

– Думаю, да.

– Хотя... раз уж вы его упомянули... – Ходошевский просиял. – Я вспоминаю одного Фрайдмана. Он проводил какое-то благотворительное мероприятие в городе год или два назад, на котором я присутствовал. Думаю, для музея Брюса. Я выписал чек на какую-то сумму. Да, теперь вспоминаю, у него красавица жена. Может, его звали и Чарльз, если речь о том самом Фрайдмане. Что он натворил?

– Он мертв, – ответил Хоук. – И имеет отношение к делу о наезде, которое я расследую.

– Дело о наезде... – Ходошевский поморщился. – Это плохо. Ездят здесь ужасно, лейтенант. Я уверен, вы и сами это знаете. Иногда я боюсь перейти улицу в этом городе.

– Особенно если кто-то захочет, чтобы вы не дошли до противоположного тротуара? – Хоук смотрел в стальные глаза русского.

– Да. Полагаю, что так. Есть основания связывать этого человека со мной?

– Безусловно, – отозвался Хоук. – Сол Ленник.

– Ленник! – Ходошевский глубоко вдохнул. – Ленника я знаю. Ужасно! Как такое могло случиться? Прямо в его доме. В этом городе. Это брошенный вам вызов, лейтенант.

– Мистера Фрайдмана убили несколькими неделями раньше. На Виргинских островах... Как выяснилось, они мистер Ленник были финансовыми партнерами.

Глаза Ходошевского раскрылись, будто от удивления.

– Партнерами? Да уж, тут творится что-то странное. Но, боюсь, больше я этого человека не видел. Сожалею, что вам пришлось проделать такой долгий путь. Хотелось бы оказать более существенную помощь.

Хоук взялся за трость.

– Ничего страшного. Не часто приходится бывать в таких домах.

– Хотите, я с удовольствием вам его покажу?

Хоук встал, опираясь о трость, поморщился от боли.

– В другой раз.

— Надеюсь, ваша нога не будет долго причинять вам боль. И конечно же, удачи в расследовании.

— Благодарю. — Хоук шагнул к двери. — Знаете, прежде чем уйти, мне хочется вам кое-что показать. На случай если возникнут какие-то ассоциации. Недавно я провел несколько дней на Карибах... — Хоук достал мобильник. — Заметил кое-что интересное. На воде. Рядом с островом, на котором находился мой отель. Сфотографировал. Забавно, совсем рядом с тем местом, где был убит Чарльз Фрайдман.

Он протянул мобильник Ходошевскому, который с любопытством взглянул на дисплей. Эту фотографию Хоук сделал во время пробежки.

Запечатлел яхту Ходошевского. «Черного медведя».

— Хм-м-м... — Русский встретился с Хоуком взглядом. — Как причудливо пересекаются жизненные пути разных людей, не так ли, лейтенант?

— Фрайдман свой путь закончил.

— Да, вы правы! — Ходошевский вернул мобильник. — Фрайдман закончил.

— Я сам найду дорогу. — Хоук сунул мобильник в карман. — Один совет, мистер Ходошевский, если не возражаете. Вы большой поклонник вестернов, так что, думаю, поймете.

— И что же это за совет? — Русский смотрел на него глазами невинного младенца. Хоук пожал плечами.

— Вам знакомо выражение «Убирайтесь из Доджа» {фраза из телесериала «Дымящийся пистолет», который шел на канале Си-би-эс в 1955–1975 гг. В середине двадцатого века многие вестерны снимались в Додж-Сити, штат Канзас}?

— Думаю, я его слышал. Шериф так всегда говорит плохим парням. Но разумеется, они никогда не уходят.

— Да, не уходят. — Хоук шагнул к двери. — Иначе не было бы вестернов. Но на этот раз, мистер Ходошевский, они должны. — Он повернулся и встретился с русским взглядом. — Вы должны. Если вы понимаете, о чем я.

— Думаю, понимаю. — Русский улыбнулся.

— И между прочим... — Хоук продолжил путь к двери, — у вас потрясающая яхта, мистер Ходошевский.

Эпилог

— Плоть становится пылью и тленом. Наш тлен возвращается в землю. Где в цикле, заведенном с начала веков, вновь зарождается жизнь.

В этот теплый летний день, под чистым голубым небом, Карен смотрела на гроб Чарли, опущенный в открытую могилу. Она привезла тело с Виргинских островов, как и обещала себе. Он это заслужил. Слезинка дрожала в уголке глаза.

Он заслужил и похороны, и нечто большее.

Карен крепко держала за руки Саманту и Алекса. Им было тяжело, тяжелее, чем остальным. Они не понимали. Как он мог хранить от них столько секретов? Как мог просто уйти? Что же такого он сделал? Кем был на самом деле?

— Мы были семьей, — в замешательстве, дрожащим голосом, даже с обвиняющими нотками сказала Саманта.

— Да, все так, — согласилась Карен.

Она простила его. В каком-то смысле даже полюбила вновь.

«Мы были семьей». Может, придет день, когда они тоже вновь полюбят его.

Раввин произнес последние молитвы. Пальцы Карен сжимали руки детей. Перед мысленным взором прошла ее жизнь. Как они встретились. Как полюбили друг друга. Как она сказала себе, что он ее избранник.

Чарли, капитан, у штурвала яхты, идущей под парусом в Карибском море. Машущий ей рукой с берега их бухты при последнем расставании.

Поток приятных воспоминаний восемнадцати лет их совместной жизни.

— А теперь, согласно нашему обычаю, отдайте усопшему последние почести, бросив в могилу горсть земли, которая напомнит нам, что жизнь каждого из нас в руках Господа.

Ее отец выступил вперед, взял лопату у кантора, набрал на нее земли и бросил в могилу. Потом ее мать. Марджери, мать Чарльза. Его брат. Рик и Пола.

Саманта, которая все сделала очень быстро, обиженно, передала лопату Алексу. Тот долго стоял у могилы, наконец посмотрел на Карен и покачал головой:

— Я не могу, мама... нет.

— Дорогой... — Карен положила руку ему на плечо. — Ты сможешь. — И кто бы мог винить маленького мальчика? — Он твой отец, что бы ни совершил.

Алекс набрал пол-лопаты земли и, глотая слезы, бросил в могилу.

Пришла очередь Карен. Она набрала полную лопату. Попрошалась с ним еще раньше. Что она могла сказать теперь?

«Я любила тебя, Чарли. И знаю, что ты любил меня».

Она бросила землю в могилу.

Вот и все. Их совместная жизнь закончилась. «Сегодня я похоронила своего мужа», – сказала себе Карен. Окончательно. Безвозвратно. Она заработала право так говорить.

Все подходили к ней, обнимали, она и дети оставались у могилы, пока остальные не потянулись к воротам кладбища. Одной рукой Карен взяла под руку Алекса, другой обняла Саманту.

– Когда-нибудь вы его простите. Я знаю, это трудно. Он возвращался, Сэм. Сидел на другой стороне улицы в автомобиле и наблюдал, как мы шли с твоего выпускного вечера. Вы его простите. Так уж устроена жизнь.

Когда они двинулись по дорожке, Карен увидела его. Хоук стоял под высоким вязом. В синем блейзере, отлично выглядел, пусть и с тростью.

Их взгляды встретились.

Теплая волна прокатилась по телу Карен.

– Пойдемте. – Она увлекла детей к вязу. – Я хочу познакомить вас с одним человеком.

Когда они подходили, Алекс в недоумении посмотрел на Карен.

– Но, мама, мы знакомы с лейтенантом Хоуком.

– Я это знаю, дорогой. – Карен подняла солнцезащитные очки на лоб и улыбнулась.

– Я хочу, чтобы вы познакомились с ним еще раз. – Его зовут Тай.

ОТ АВТОРА

Каждая книга – зеркало, отражающее мир, и я бы хотел поблагодарить всех тех, кто окрасил его в еще более яркие краски при создании книги «Часы тьмы»:

Марка Шварцмана, Роя и Робина Гроссманов и Григория Копчинского за их лекции о работе хедж-фондов и циркуляции денег по континентам – разумеется, легальной.

Кирка Доксевиджа, Рика Макниси и Пита Кэрролла из «Ривергласс», создателей компьютерных программ, используемых для обеспечения безопасности, гораздо более сложных, чем те, что описаны в книге, – за их помощь в той части романа, что связана с поиском информации в Интернете и ее использованием для нужд национальной безопасности. Как говорит один из персонажей: «Я чувствую себя в большей безопасности».

Вито Коллуччи-младшего, бывшего полицейского детектива из Стэмфорда, штат Коннектикут, теперь консультанта каналов кабельного телевидения и тоже писателя, – за помощь в вопросах, связанных с ведением полицейского расследования.

Лиз и Фреда Скопониш, моих хороших друзей и знатоков «мустангов».

Саймона Липскара из «Райтерс хаус» – за его поддержку.

Мою команду из «Уильям Морроу»: Лизу Галлахер, Линн Грейди, Дебби Стайр, Пэм Джеффи, Майкла Баррса, Гейба Робинсона и прежде всего Дэвида Хайфилла, постоянные похвалы которого убеждали меня, будто я знаю, что делаю. А также Аманду Райдаут и Джулию Уисдом из «Харпер-Коллинз» в Лондоне.

Морин Сагден, снова и снова, – за ее упорство и решительность в борьбе с курсивом.

Мою жену Линн, которая всегда со мной и нацеливает меня на максимальный результат.

И конечно же, Кристен, Мэтта и Ника, которыми теперь, когда они стали частью взрослого мира, я горжусь больше, чем раньше, с их танцевальными репетициями, приемом в колледж и детскими играми в сквош. Их отражение – на каждой странице.